

СИМБИРСКИЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

SIMBIRSK SCIENTIFIC JOURNAL
VESTNIK

№ 2(36)
2019

Учредитель

Федеральное государственное
бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«УЛЬЯНОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ»

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)
(Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
ПИ № ФС77-44563 от 15.04.2011)
ISSN 2224-1620

Распространяется на территории
Российской Федерации.
Подписной индекс
Объединенного каталога
«Пресса России» 83668

Цена свободная

Основан в 2010 году.
Выходит 4 раза в год

Очередной номер журнала
можно приобрести в редакции

Редакционная группа

Соловьева Л. Г., Петрова Г. И.,
Пенькова Н. В.

Адрес редакции

Россия, 432017, г. Ульяновск,
ул. Л. Толстого, 42
Тел.: 8(8422)42-61-07
E-mail: Simbvest@mail.ru

Оригинал-макет подготовлен
и тираж отпечатан
в Издательском центре
Ульяновского государственного
университета
Россия, 432017, г. Ульяновск,
ул. Л. Толстого, 42

Подписано в печать 10.06.2019.
Дата выхода в свет 17.06.2019.
Формат 60×84 1/8. Усл. печ. л. 12,1.
Тираж 2000 экз. Заказ 32

Главный редактор

Митин Сергей Николаевич — доктор педагогических наук, профессор

Зам. главного редактора

Каленик Елена Николаевна — кандидат педагогических наук, доцент

Ответственный секретарь

Салахова Валентина Борисовна — кандидат психологических наук, доцент

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Митин Сергей Николаевич — доктор педагогических наук, профессор, Ульяновский государственный университет — главный редактор

Каленик Елена Николаевна — кандидат педагогических наук, доцент, Ульяновский государственный университет — зам. главного редактора

Салахова Валентина Борисовна — кандидат психологических наук, доцент, Ульяновский государственный университет — ответственный секретарь

Борисова Светлана Александровна — доктор филологических наук, профессор, Ульяновский государственный университет

Бажанов Валентин Александрович — доктор философских наук, профессор, Ульяновский государственный университет

Беспалова Марина Павловна — кандидат юридических наук, доцент, Ульяновский государственный университет

Костишко Борис Михайлович — доктор физико-математических наук, профессор, Ульяновский государственный университет

Комадорова Ирина Владимировна — доктор философских наук, профессор, Набережночелнинский институт (филиал) Казанского (Приволжского) федерального университета (Набережные Челны)

Романов Валерий Васильевич — доктор исторических наук, кандидат юридических наук, доцент, Ульяновский государственный университет

Точеный Дмитрий Степанович — доктор исторических наук, профессор, Ульяновский государственный университет

Фефилов Александр Иванович — доктор филологических наук, профессор, Ульяновский государственный университет

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Список редколлегии по специальности 13.00.00

Щелина Тамара Тимофеевна (13.00.08) — доктор педагогических наук, профессор, Арзамасский филиал Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского

Масалимова Альфия Рафисовна (13.00.08) — доктор педагогических наук, профессор кафедры дошкольного и начального образования, Институт психологии образования Казанского федерального университета

Шмелёва Наталья Борисовна (13.00.08) — доктор педагогических наук, профессор, Ульяновский государственный университет

Донина Ольга Ивановна (13.00.01) — доктор педагогических наук, профессор кафедры психологии и педагогики, Ульяновский государственный университет

Булынин Александр Михайлович (13.00.01) — доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики профессионального образования и социальной деятельности, Ульяновский государственный университет

Митина Ирина Дмитриевна (13.00.01) — доктор педагогических наук, профессор кафедры психологии и педагогики, Ульяновский государственный университет

Бережная Мария Сергеевна (13.00.02) — доктор педагогических наук, профессор кафедры психологии, Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова

Список редколлегии по специальности 12.00.00

Морозов Сергей Юрьевич (12.00.03) — доктор юридических наук, профессор, Ульяновский государственный университет; заслуженный юрист Ульяновской области; почетный профессор Чжэнчжоуского университета (КНР)

Волков Александр Викторович (12.00.03) — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права и процесса, Ульяновский государственный университет

Тужилова-Орданская Елена Марковна (12.00.03) — доктор юридических наук, профессор, Башкирский государственный университет

Лескова Юлия Геннадьевна (12.00.03) — доктор юридических наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС)

Зайцев Олег Александрович (12.00.09) — доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела уголовного, уголовно-процессуального законодательства, судостроительства, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; заслуженный деятель науки РФ

Гриненко Александр Викторович (12.00.09) — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России; член Научно-консультативного совета при Верховном Суде Российской Федерации

Григорьев Виктор Николаевич (12.00.09) — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и процесса, Ульяновский государственный университет

Абшилова Георгий Валерьевич (12.00.09) — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и процесса, Ульяновский государственный университет

Список редколлегии по специальности 19.00.00

Акопов Гарник Владимирович (19.00.05) — доктор психологических наук, профессор, Самарский государственный социально-педагогический университет; председатель Самарского регионального отделения Российского психологического общества; член Международной академии психологических наук; член Академии социальных и педагогических наук

Белинская Елена Павловна (19.00.05) — доктор психологических наук, профессор кафедры социальной психологии, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова; член Европейской ассоциации социальной психологии (EASP)

Леонов Николай Ильич (19.00.05) — доктор психологических наук, профессор, Институт педагогики, психологии и социальных технологий Удмуртского государственного университета (г. Ижевск)

Овсяник Ольга Александровна (19.00.05) — доктор психологических наук, профессор кафедры социальной психологии, Московский государственный областной университет

Рюмина Любовь Ивановна (19.00.05) — доктор психологических наук, профессор кафедры социальной психологии и психологии личности, Академия психологии и педагогики Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону)

Арпентьева Марьям Равильевна (19.00.05) — доктор психологических наук, доцент, член-корреспондент Российской академии естествознания (РАЕ), академик Международной академии естествознания (МАЕ), профессор кафедры психологии развития и образования, Калужский государственный университет имени К. Э. Циолковского (г. Калуга)

Ефимова Ольга Ильгамовна (19.00.05) — кандидат психологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Центр защиты прав и интересов детей (г. Москва)

Вержибок Галина Владиславовна (19.00.07) — кандидат психологических наук, доцент, Минский государственный лингвистический университет

СОДЕРЖАНИЕ

ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА

7

Агаджанова Э. Р.

ИССЛЕДОВАНИЕ ЖИЗНЕННЫХ ОРИЕНТАЦИЙ СТУДЕНТОВ РАЗЛИЧНЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ..... 7

Арябкина И. В., Доница О. И.

К ВОПРОСУ ОБ ОРГАНИЗАЦИИ ИЗУЧЕНИЯ КУРСА «ОСНОВЫ ПРАВОСЛАВНОЙ КУЛЬТУРЫ»
В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ ШКОЛЫ 13

Емельяненко А. В.

ОСОБЕННОСТИ ВОЗДЕЙСТВИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЫ
НА МУЖЧИН И ЖЕНЩИН НА ПРИМЕРЕ TRAVEL-РЕКЛАМЫ..... 18

Кочетков И. Г., Валиева Р. Н.

РОЛЬ ПСИХИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ ПОТРЕБИТЕЛЯ ПРИ ВОСПРИЯТИИ РЕКЛАМЫ 24

Митина Т. С., Хаертдинова Р. Ф.

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ НА ФОРМИРОВАНИЕ КРИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ
СТАРШЕКЛАССНИКОВ..... 29

Митина Т. С., Шайлиев В. В.

ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ
(НА ПРИМЕРЕ УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ)..... 35

Михайлова И. В.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ СПЛОЧЕННОСТИ ВНОВЬ ФОРМИРУЕМЫХ КОМАНД..... 41

Седунова А. С., Эсмантова М. А.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОТНОШЕНИЯ К БОЛЕЗНИ..... 46

Смолькин В. П.

ПРЕПОДАВАНИЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК В ПОДГОТОВКЕ ОБУЧАЮЩИХСЯ В МАГИСТРАТУРЕ 54

Хайрудинова Р. И., Минкина И. И.

ОРГАНИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ ПРИЕМНЫХ СЕМЕЙ
В АДАПТАЦИОННЫЙ ПЕРИОД 59

Шабанова О. В.

УЧАСТИЕ В ВОЛОНТЕРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК ОДНО ИЗ УСЛОВИЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО
И ЛИЧНОСТНОГО РАЗВИТИЯ БУДУЩЕГО СПЕЦИАЛИСТА СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ В ПРОЦЕССЕ
ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ В ВУЗЕ..... 65

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

70

Максимов О. А.

СТАТУС УЧАСТНИКА УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА КАК УСЛОВИЕ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА
НА ХОДАТАЙСТВО И ЖАЛОБУ 70

Мачинский В. М., Мачинский А. В.

ПЕРЕСМОТР КОНСТИТУЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ — НЕОБХОДИМОСТЬ ВРЕМЕНИ 75

Медведев Е. В.

ПОСЯГАТЕЛЬСТВА НА ПОРЯДОК ОТПРАВЛЕНИЯ ПРАВОСУДИЯ СО СТОРОНЫ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ,
УЧАСТВУЮЩИХ В НЕМ 80

Морозов С. Ю., Пятакова А. О.

КОЛЛЕКТИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫМИ ПРАВАМИ..... 85

Сидачова А. А.

ПРИНУДИТЕЛЬНЫЕ МЕРЫ ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО
УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА..... 91

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ	96
Митина И. Д., Бойкова К. И. СПЕЦИФИКА ВЗАИМОСВЯЗИ СОЦИОЛОГИИ И КУЛЬТУРОЛОГИИ В СОВРЕМЕННОМ СОЦИОКУЛЬТУРНОМ АНАЛИЗЕ.....	96
ИНФОРМАЦИЯ	100
Наши авторы	100
Правила представления и оформления рукописей статей авторами для публикации в журнале «СИМБИРСКИЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК»	103

CONTENTS

PSYCHOLOGY AND PEDAGOGICS

7

Agadzhanova E. R.

RESEARCH OF LIFE ORIENTATIONS OF STUDENTS OF VARIOUS SPECIALTIES..... 7

Aryabkina I. V., Donina O. I.

ORGANIZATION OF THE TRAINING COURSE "FUNDAMENTALS OF ORTHODOX CULTURE"
IN THE CONDITIONS OF MODERN SCHOOL..... 13

Emelyanenkova A. V.

PECULIARITIES OF THE IMPACT OF SOCIAL AND CULTURAL INFORMATION
ENVIRONMENT ON MEN AND WOMEN ON THE EXAMPLE OF TRAVEL ADVERTISING..... 18

Kochetkov I. G., Valieva R. N.

ROLE OF THE MENTAL STATE OF A CONSUMER IN THE PERCEPTION OF ADVERTISING 24

Mitina T. S., Khaertdinova R. F.

IMPACT OF SOCIAL NETWORKS ON THE FORMATION OF CRITICAL THINKING AMONG HIGH SCHOOL
STUDENTS 29

Mitina T. S., Shailiev V. V.

INFORMATION AND COMMUNICATION TECHNOLOGIES IN THE SOCIAL SPHERE OF EDUCATION
(ON THE EXAMPLE OF THE ULYANOVSK REGION) 35

Mikhailova I. V.

SOCIAL AND PSYCHOLOGICAL CONDITIONS OF COHESION OF NEWLY FORMED TEAMS 41

Sedunova A. S., Esmantova M. A.

PSYCHOLOGICAL FEATURES OF ATTITUDE TOWARDS A DISEASE..... 46

Smolkin V. P.

TEACHING SOCIAL SCIENCES DURING THE TRAINING OF MASTER STUDENTS 54

Khairudinova R. I., Minkina I. I.

ORGANIZATION OF SOCIAL AND PSYCHOLOGICAL SUPPORT OF FOSTER FAMILIES
IN THE ADAPTATION PERIOD..... 59

Shabanova O. V.

PARTICIPATION IN VOLUNTARY ACTIVITIES AS ONE OF THE CONDITIONS OF PROFESSIONAL
AND PERSONAL DEVELOPMENT OF THE FUTURE SPECIALIST OF SOCIAL WORK IN THE PROCESS
OF PROFESSIONAL TRAINING IN THE UNIVERSITY 65

JURISPRUDENCE

70

Maximov O. A.

STATUS OF A PARTICIPANT IN A CRIMINAL CASE AS A CONDITION FOR THE ENFORCEMENT
OF THE RIGHT TO PETITION AND CLAIM 70

Machinsky V. M., Machinsky A. V.

REVISION OF THE CONSTITUTION OF THE RUSSIAN FEDERATION — NEED FOR TIME 75

Medvedev E. V.

VIOLATIONS OF JUSTICE BY OFFICIAL PERSONS INVOLVED IN JUSTICE ADMINISTRATION 80

Morozov S. Y., Pyatakova A. O.

COLLECTIVE MANAGEMENT OF THE INTELLECTUAL RIGHTS 85

Sidakova A. A.

COMPULSORY MEASURES OF EDUCATIONAL IMPACT IN THE HISTORY OF NATIONAL CRIMINAL LAW 91

PHILOSOPHY AND CULTUROLOGY	96
Mitina I. D., Boykova K. I. SPECIFICS OF THE RELATIONSHIP OF SOCIOLOGY AND CULTURAL STUDIES IN MODERN SOCIO-CULTURAL ANALYSIS	96
INFORMATION	100
Our authors	100
Rules of representation and registration of mountig of articles by authors for publication in the "SIMBIRSK SCIENTIFIC JOURNAL VESTNIK"	103

ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА

Э. Р. Агаджанова

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
emilia73.90@mail.ru

**ИССЛЕДОВАНИЕ ЖИЗНЕННЫХ ОРИЕНТАЦИЙ
СТУДЕНТОВ РАЗЛИЧНЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ**

В статье рассматривается эмпирическое исследование жизненных ориентаций студентов и их взаимосвязь с профессиональным становлением. Основные задачи проведенного исследования: теоретический анализ жизненных ориентаций; составление блока психодиагностических методик по изучению жизненных ориентаций студентов различных специальностей; эмпирическое изучение преобладающих жизненных ориентаций у студентов различных специальностей и их взаимосвязи с индивидуально-личностными характеристиками, обобщение и анализ результатов исследования, разработка практических рекомендаций по психологическому сопровождению студентов различных специальностей. Жизненные ориентации личности включают перспективы дальнейшего саморазвития и профессионального становления. Для каждого человека характерно более или менее четко выраженное предпочтение видов деятельности, соответствующих тому предмету труда, который ему более близок. Это происходит в силу преобладания определенных жизненных ориентаций и ценностей, интересов и индивидуально-личностных особенностей. Жизненные ориентации в связи с ценностно-смысловой сферой и индивидуально-личностными характеристиками направляют и регулируют жизнедеятельность личности, отражаясь во всех сферах жизни.

Практическая значимость исследования заключалась в составлении блока психодиагностических методик и может применяться для диагностики как жизненных ориентаций личности, так и ценностно-смысловой сферы. Также на основе полученных данных может быть разработана коррекционная поддержка жизненных ориентаций и связанных с ними индивидуально-личностных характеристик личности, которые являются необходимыми элементами успешности в личностном и профессиональном развитии.

Ключевые слова: теоретический анализ, жизненные ориентации личности, ситуативно-целостная модель личности, субъект-объектные ориентации, бессознательный жизненный план.

ВВЕДЕНИЕ

Жизненные ориентации личности — это не только психологическое, но и философско-социологическое понятие. Оно охватывает совокупность типовых видов жизнедеятельности индивида, социальной группы.

Обратимся к зарубежным исследованиям — к сценарному подходу, разработанному Э. Берном. Под сценарием он понимает «бессознательный жизненный план», который составляется в детстве, подкрепляется родителями, оп-

равдывается ходом событий и достигает пика при выборе пути.

Данная группа теорий связывает жизненные ориентации с наличием у личности внутренней картины жизнедеятельности, сценария, который направляет активность субъекта.

В качестве интегрирующего подхода рассмотрим подход Е. Ю. Коржовой «Субъект-объектные ориентации в жизненных ситуациях как фактор взаимосвязи внешнего мира человека и внутриспсихической организации» [4].

МЕТОДЫ И ИНСТРУМЕНТЫ
ИССЛЕДОВАНИЯ

Коржова Е. Ю. разработала методику «Опросник субъект-объектных ориентаций в жизненных ситуациях», которая также стала одним из инструментов нашего исследования.

В качестве измерения субъект-объектных ориентаций в процессе создания и психометрического обоснования соответствующего методического инструментария определены четыре основных показателя. В их название включено прилагательное «трансситуационный». Этот термин используется для характеристики индивидуальных особенностей взаимодействия человека с жизненными ситуациями. В результате факторного анализа принята уточненная модель субъект-объектных ориентаций, включающая четыре факторные шкалы:

1. Трансситуационная изменчивость — как личность взаимодействует с жизненной ситуацией, изменяясь или стабилизируясь.

2. Трансситуационный локус контроля — кто осуществляет взаимодействие человека с жизненной ситуацией: он сам или другие люди, внешние обстоятельства.

3. Трансситуационная направленность освоения мира — куда, в каком направлении осуществляется взаимодействие человека с жизненной ситуацией — вовнутрь или вовне.

4. Трансситуационная подвижность — где, в каких условиях осуществляется жизнедеятельность: в привычных или в новых жизненных ситуациях.

«Субъектная» ориентация отличается внутренней детерминацией жизнедеятельности. Человек проявляет себя как субъект. «Субъектная» ориентация характеризуется, по нашим данным, выраженностью таких качеств, как гибкость, общая интернальность, интернальность в области достижений и неудач, а также широтой временной перспективы, сопровождающейся «чувством радостной наполненности жизни».

Таким образом, мы рассмотрели жизненные ориентации в контексте внутренней жизнедеятельности субъекта, а также в поведенческом контексте.

В основу нашего исследования была положена теория Е. Ю. Коржовой, в рамках которой жизненные ориентации рассматриваются в качестве общей детерминанты жизнедеятельности личности.

Нами были рассмотрены особенности профессионального самоопределения и специфическая связь между разными профессиональными группами и свойственными им индивидуально-

личностными характеристиками: регуляционными, ценностными и когнитивными.

Выборку исследования составили 85 студентов третьего курса.

Исходя из результатов сравнительного анализа жизненных ориентаций студентов различных специальностей, можно предположить, что у студентов гуманитарного факультета на высоком уровне выражены показатели трансситуационной изменчивости ($\bar{X}=38$), трансситуационного освоения мира ($\bar{X}=36,6$) и трансситуационного творчества ($\bar{X}=36,1$).

У студентов технических направлений на среднем уровне находится показатель трансситуационного освоения мира ($\bar{X}=22,6$), трансситуационного локуса контроля ($\bar{X}=30,6$), а также трансситуационной подвижности ($\bar{X}=31,6$).

У студентов факультета физической культуры и спорта высокий показатель по шкале трансситуационного локуса контроля ($\bar{X}=32$), на среднем уровне выражены показатели трансситуационной изменчивости ($\bar{X}=26$) и трансситуационной подвижности ($\bar{X}=28,6$), низкий уровень выраженности в сравнении с другими группами по шкале «трансситуационное творчество» ($\bar{X}=21,2$).

Таким образом, были обнаружены следующие различия в особенностях жизненных ориентаций студентов различных специальностей. У студентов гуманитарного факультета, в отличие от двух других групп, более высокое стремление к познанию себя, совершенствованию своего внутреннего мира, нравственному росту. Средний уровень выраженности у студентов факультета физической культуры и спорта по шкале «направленность освоения мира» говорит о возможном наличии у них ощущения полного контроля над своей жизнью, но при этом они не отрицают важной роли внешних событий. Показатель трансситуационного творчества высоко выражен у студентов гуманитарного факультета, что характеризует их как творческих, стремящихся к поиску новых идей, нововведениям.

Исходя из результатов оценки смысловой направленности, можно предположить, какие ценности лежат в основе жизненных ориентаций студентов различных специальностей.

Шкала «материальные ценности» на среднем уровне выражена у студентов гуманитарного факультета ($\bar{X}=18$) и студентов факультета физической культуры и спорта ($\bar{X}=16$). Низкий показатель по данной шкале у студентов факультета физики и математики ($\bar{X}=2$).

Социальные ценности на высоком уровне отмечаются у студентов факультета физической культуры и спорта ($\bar{X}=24$), средний уровень выраженности — у студентов гуманитарного факультета ($\bar{X}=20$) и ниже, чем у других групп, — у физиков и математиков ($\bar{X}=15$).

Духовные ценности у всех трех групп выражены на среднем уровне: у гуманитарных специальностей ($\bar{X}=14$), у факультета физической культуры и спорта ($\bar{X}=16$), у физиков и математиков ($\bar{X}=13$).

Таким образом, наименее материально ориентированы студенты физики и математики, для других групп материальные ценности предположительно не являются центральными, направляющими как при выборе профессии, так и в жизненных ориентациях в целом, но занимают не последнее место в системе ценностей личности. Социальные ценности наиболее важны для студентов факультета физической культуры и спорта. Мы можем предположить, что в жизни этих студентов высокую ценность представляют дружба, любовь, семья. А вот духовные ценности у всех групп выражены на среднем уровне.

Исходя из показателей смысложизненных ориентаций, определяем, что процессом жизни, её интересом и эмоциональной насыщенностью наименее удовлетворены студенты факультета физической культуры и спорта.

Высоко выражены показатели по данной шкале у студентов гуманитарного факультета ($\bar{X}=38,8$), что характеризует их как людей, живущих сегодняшним днем. Показатель цели в жизни у студентов всех трех факультетов не сильно отличается и выражен на достаточно высоком уровне, что говорит об их целеустремленности. Они ценят в жизни осмысленность, направленность и временную перспективу. Результативность жизни или удовлетворенность самореализацией наиболее высока у студентов факультета физической культуры и спорта ($\bar{X}=34,5$), несмотря на то, что в данный момент они не считают свою жизнь эмоционально насыщенной и интересной. Можно предположить, что этап профессиональной подготовки они рассматривают как некий выход к успеху и самореализации, но прошлое свое оценивают как достаточно успешное. У физиков и математиков этот показатель также достаточно высоко выражен ($\bar{X}=32,4$). Студенты гуманитарного факультета ниже, чем другие, оценивают свои прошлые

достижения на пути к успеху ($\bar{X}=25,3$), хотя сейчас их жизнь кажется им достаточно насыщенной и интересной.

На одинаково высоком уровне у всех трех групп выражены показатели локуса контроля «Я» и локуса контроля жизни.

Рассмотрим жизненные представления студентов различных специальностей. Наиболее сложным свой жизненный путь представляют студенты гуманитарного факультета ($\bar{X}=40$), кроме того, путь не многоальтернативный, что становится причиной наибольших затрат на выбор альтернативы и личностных ресурсов в сравнении с другими группами.

Значимые различия между студентами гуманитарного факультета и других специальностей были выявлены по шкале «трансситуационное творчество» ($U=210,5$ при $p<0,1$). Можно предположить, что эти студенты наиболее творчески подходят к делу, в отличие от других, не планируя свои дела заранее, что также является спецификой их профессиональной деятельности.

По оценке процесса жизни, интереса и эмоциональной насыщенности отмечаются значимые различия между студентами гуманитарного факультета и студентами факультета физической культуры и спорта ($U=242$ при $p<0,01$). Можно предположить, что студенты факультета физической культуры и спорта делают акцент на будущих успехах, считая данный момент своей жизни лишь этапом к достижениям, а студенты гуманитарного факультета живут сегодняшним днем, что, возможно, связано с представлением о своей жизни как насыщенном процессе, несущем открытия каждый день.

Значимые различия по показателю развитости интеллекта наблюдаются у студентов гуманитарного факультета и студентов факультета физической культуры и спорта ($U=242$ при $p<0,01$). Данный фактор не направлен на определение уровня интеллекта, он ориентирован на измерение оперативности мышления и общего уровня вербальной культуры и эрудиции. Студенты гуманитарного факультета могут быть охарактеризованы как обладатели достаточно высокой общей культуры и эрудиции, развитого абстрактного мышления, что можно отнести к профессионально важным качествам специалистов, работающих в системе «человек — человек», а вот студенты факультета физической культуры и спорта хотя и вступают в процесс общения, так как они педагоги, все же больше ориентированы на решение практических задач.

По результатам исследования могут быть сделаны следующие **выводы**:

1. Студенты гуманитарных специальностей отличаются наиболее высокими показателями трансситуационной изменчивости, что характеризует их как людей, стремящихся познать новое в окружающем мире.

2. Трансситуационный локус контроля у всех специальностей выражен на среднем уровне, что говорит о схожем ответственном отношении студентов к событиям своей жизни, собственным поступкам и их последствиям.

3. Студенты факультета физической культуры и спорта стремятся к самореализации во внешнем мире. Это сопровождается восприятием своей жизни как насыщенной внешними событиями, контролем над собственной жизнью. Студенты гуманитарных специальностей более направлены на свой внутренний мир, стремясь к нравственному росту и самосовершенствованию. Студенты факультета физической культуры и спорта — наименее творческие личности. Их специальность скорее требует решения практических задач, чем творческого подхода к делу.

4. Результаты исследования ценностно-смысловой сферы позволяют предположить, что студенты технических специальностей наименее материально ориентированы, а социальные и духовные ценности для них находятся на среднем уровне, что можно связать со спецификой их профессиональной деятельности в системе «человек — знак».

5. Для студентов гуманитарного факультета и факультета физической культуры и спорта материальные ценности находятся на среднем уровне, а наиболее высокий показатель по социальным ценностям — у студентов факультета физической культуры и спорта, что характеризует их направленность на такие жизненные ценности, как семья, дружба.

6. Результативность жизни или удовлетворенность самореализацией наиболее высока у студентов факультета физической культуры и спорта, несмотря на то, что в данный момент они не считают свою жизнь эмоционально насыщенной и интересной. Можно предположить, что этап профессиональной подготовки они рассматривают как некий выход к успеху и самореализации, но прошлое свое оценивают как достаточ-

но успешное. У физиков и математиков этот показатель также достаточно высоко выражен.

7. На одинаково высоком уровне у всех трех групп выражены показатели локуса контроля «Я» и локуса контроля жизни.

Сравним **результаты индивидуально-личностных характеристик** (эмоционально-регуляционная сфера, интеллект, воображение, нормативность):

1. Наиболее эмоционально устойчивы физики и математики, а наиболее склонны к самоанализу студенты гуманитарного факультета.

2. У всех специальностей средний уровень нормативности, что характеризует их как ответственных, соблюдающих общепринятые нормы и правила. Особенности эмоционально-волевой сферы (настойчивость, организованность) позволяют им быть успешными в тех профессиональных сферах, которые они выбрали, так как в каждом из исследуемых нами профессиональных направлений роль саморегуляции достаточно высока.

3. Высокий показатель интеллекта у студентов гуманитарных специальностей говорит о развитом абстрактном мышлении, оперативности, сообразительности, быстрой обучаемости. Достаточно высок уровень общей культуры, особенно вербальной, что очень важно для представителей группы специальностей «человек — человек», к которой и относятся студенты гуманитарного факультета.

4. Студентов технических специальностей и факультета физической культуры и спорта можно охарактеризовать как реалистичных, внимательных, сосредоточенных, способных быстро решать практические задачи, а студенты гуманитарного факультета легче, чем другие, могут оперировать абстрактными понятиями.

На основе полученных выводов нами могут быть даны **практические рекомендации** для психологического сопровождения студентов на этапе профессиональной подготовки:

1. Необходимо формировать внутреннюю готовность студентов к осозанным, самостоятельным корректировкам, построению и реализации перспектив личностного и профессионального развития.

2. Следует оказывать помощь в согласовании личных и профессиональных ценностей.

3. Важна эмоциональная поддержка по формированию уверенности в собственных силах.

Литература

1. Абульханова-Славская К. А. Философско-психологическая концепция С. Л. Рубинштейна: к 100-летию со дня рождения / К. А. Абульханова-Славская, А. В. Брушлинский; отв. ред. Е. А. Будилова; Ин-т психологии АН СССР. — М.: Наука, 1989. — 247 с.
2. Абульханова-Славская К. А. Стратегии жизни / К. А. Абульханова-Славская. — М.: Мысль, 1991. — 299 с.
3. Алексеева В. Г. Ценностные ориентации как фактор жизнедеятельности и развития личности / В. Г. Алексеева // Психологический журн. — 1984. — Т. 5, № 5. — С. 63—70.
4. Ассаджоли Р. Психосинтез: теория и практика: от душевного кризиса к высшему «Я»: сб. / Р. Ассаджоли. — М.: RELF-book, 1994. — 311 с.
5. Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания / Б. Г. Ананьев. — СПб.: Питер, 2001. — 288 с. — (Сер. «Мастера психологии»).
6. Берн Э. Трансактный анализ: пер. с англ. / Э. Берн. — М.: Академ. Проект, 2004. — 192 с.
7. Бодалев А. А. Восприятие и понимание человека человеком / А. В. Бодалев. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. — 200 с.
8. Клименко И. Ф. Генезис ценностных ориентаций, исследование отношения к норме социального поведения на разных этапах социального развития человека / И. Ф. Клименко // К проблеме формирования ценностных ориентаций и социальной активности личности. — М., 1992. — С. 3—12.
9. Коржова Е. Ю. Психология личности: учебно-методическое пособие к практическим занятиям / Е. Ю. Коржова, Г. В. Семенова, М. С. Волохонская. — Изд. 2-е, перераб. и доп. — СПб.: Изд-во АНО «ИПП», 2009. — 178 с.
10. Корчагин Е. А. Стандартизация содержания профессионального образования / Е. А. Корчагин, И. А. Халиуллин // Сред. проф. образование. — 1997. — № 6. — С. 7—13.
11. Леонтьев Д. А. Внутренний мир личности / Д. А. Леонтьев // Психология личности в трудах отечественных психологов. — СПб.: Питер, 2000. — С. 372—377.
12. Непомнящая Н. И. Ценность как центральный компонент психологической структуры личности / Н. И. Непомнящая // Вопр. психол. — 1980. — № 1. — С. 22—30.
13. Рогулин В. Е. Ценностные ориентации общества и возможности всестороннего развития человека / В. Е. Рогулин // Возможности человека в современную эпоху. — М., 2001. — С. 22—28.

RESEARCH OF LIFE ORIENTATIONS OF STUDENTS OF VARIOUS SPECIALTIES

E. R. Agadzhanova

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)

emilia73.90@mail.ru

This article discusses the empirical study of life orientations of students of different specialties and their interrelation with the professional becoming. The main objectives of the study: to conduct a theoretical analysis of life orientations, to make a block of psychodiagnostic techniques for the study of life orientations of students of different specialties, to conduct an empirical study of the prevailing life orientations of students of different specialties and their interrelation with individual and personal characteristics, to summarize and analyze the results of the study, to offer practical recommendations for psychological support of students of different specialties. Life orientations, goals and plans form the core of the life perspective, without which it loses its main function — regulatory. Each person has a more or less pronounced preference for activities that correspond to the subject of work that is closer to him. This is due to the predominance of certain life orientations and values, interests and individual and personal characteristics.

Life orientations in connection with the value-semantic sphere and individual and personal characteristics direct and regulate the life activity of the individual, being reflected in all spheres of life.

The practical significance of the study was to draw up a block of psychodiagnostic techniques and can be used for the diagnosis of both life orientations of the individual and the value-semantic sphere. Also, on the basis of the data obtained, it can be the development of correctional support for life orientations and associated individual and personal characteristics of the individual that are necessary elements of success in personal and professional development.

Key words: theoretical analysis, life orientations of the person, situational-coherent model of a personality, the subject-object orientation, unconscious life plan.

References

1. Abulkhanova-Slavskaya K. A., Brushlinsky A. V. (1989) Filosofsko-psihologicheskaya kontseptsiya S. L. Rubinshteina: k 100-letiyu so dnya rozhdeniya [Philosophical and psychological concept of S. L. Rubinstein: the 100th anniversary of the birth]. Institute of psychology, USSR Academy of Sciences. Moscow: Nauka, 247 p.
2. Abulkhanova-Slavskaya K. A. (1991) Strategii zhizni [The Strategy of life]. Moscow: Mysl, 299 p.
3. Alekseev V. G. (1984) Tsennostnye orientatsii kak faktor zhiznedeyatel'nosti i razvitiya lichnosti [Value orientation as a factor in functioning and development of personality]. Psikhologicheskii zhurnal, V. 5, (5), P. 63—70.
4. Assagioli R. (1994) Psikhosintez: teoriya i praktika: ot dushev'nogo krizisa k vysshemu "Ya" [Psychosynthesis: theory and practice: from emotional crisis to higher "I"]. Moscow: RELF-book, 311 p.

5. Ananyev B. G. (2001) Chelovek kak predmet poznaniya [Man as a subject of knowledge]. St. Petersburg: Piter, 288 p. (Series "Masters of psychology").
6. Bern E. (2004) Transaktnyj analiz [Transactional analysis]. Moscow: Academ. Project, 192 p.
7. Bodalev A. A. (1982) Vospriyatie i ponimanie cheloveka chelovekom [Perception and understanding of the human by a person]. Moscow: Izd-vo Mosk. Universiteta, 200 p.
8. Klimenko I. F. (1992) Genezis tsennostnykh orientatsiy, issledovanie otnosheniya k norme sotsialnogo povedeniya na raznykh etapakh sotsialnogo razvitiya cheloveka [Genesis of value orientations, a study of the relation to the norm of social behavior at different stages of social development of the person]. To the problem of formation of value orientations and social activity of a person. Moscow, p. 3—12.
9. Korzhova E. U., Semenova G. V., Volokhonskaya M. S. (2009) Psihologiya lichnosti [Psychology of personality: teaching guide for practical lessons]. St. Petersburg: Publishing house ANO "IPP", 178 p.
10. Korchagin E. A., Khaliullin I. A. (1997) Standartizatsiya sodержaniya professionalnogo obrazovaniya [Standardization of the content of professional education]. Srednee professionalnoe obrazovanie, (6), p. 7—13.
11. Leontiev D. A. (2000) Vnutrenniy mir lichnosti [The Inner world of the personality]. Personality psychology in the works of Russian psychologists. St. Petersburg: Piter, p. 372—377.
12. Nepomnyashchaya N. I. (1980) Tsennost kak tsentralnyy component psihologicheskoy struktury lichnosti [Value as a central component of the psychological structure of the person]. Voprosy psihologii, (1), p. 22—30.
13. Rogulin V. E. (2001) Tsennostnye orientatsii obshchestva i vozmozhnosti vsestoronnego razvitiya cheloveka [Value orientations of society and the opportunities for full human development]. Human capabilities in the modern era. Moscow, p. 22—28.

И. В. Арябина

Ульяновский
государственный
педагогический университет
имени И. Н. Ульянова
(г. Ульяновск, Россия)
ar_irina@rambler.ru

О. И. Донина

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
podsnezhnik12@rambler.ru

К ВОПРОСУ ОБ ОРГАНИЗАЦИИ ИЗУЧЕНИЯ КУРСА «ОСНОВЫ ПРАВОСЛАВНОЙ КУЛЬТУРЫ» В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ ШКОЛЫ

В статье рассмотрены основополагающие смыслы, цели и задачи изучения курса «Основы православной культуры» как одного из модулей школьной дисциплины «Основы мировых религиозных культур и светской этики». Охарактеризована актуальность введения данного курса в программу образовательных учреждений Российской Федерации, проанализированы его значение для личностного развития обучающихся и некоторые особенности реализации в условиях современной школы.

Акцент сделан на необходимости межпредметной интеграции для достижения результативности освоения модуля «Основы православной культуры» с другими школьными дисциплинами, среди которых: «Музыка», «Окружающий мир», «Русский язык», «Литературное чтение», «Изобразительное искусство». В статье подчеркивается важность организации системной работы со школьниками по изучению «Основ православной культуры», которая включает в себя уроки, внеурочную деятельность и разнообразные формы педагогического взаимодействия с родителями. Кратко охарактеризованы методы и формы, используемые на занятиях по данному курсу, а также роль педагога в процессе духовно-нравственного становления его учеников. Особое место в статье уделено краткой характеристике основополагающих национальных ценностей, являющихся основными ориентирами в работе на занятиях по модулю «Основы православной культуры».

Ключевые слова: православная культура, современная школа, духовное развитие школьников.

Решение вопросов нравственного воспитания личности в современном мире, поиска «духовных скреп» российского народа является одной из актуальнейших задач отечественного образования. В связи с этим требуют переосмысления как содержание воспитательной работы в образовательных учреждениях, так и роль в ней педагогов, которые должны ориентироваться в своей профессиональной деятельности на «духовное устремление к душам и сердцам своих учеников» [4]. Этому призвано способствовать изучение предмета «Основы религиозных культур и светской этики», введенного в настоящее время в учебно-воспитательный процесс общеобразовательных школ. Благодаря значимости и глубине содержания этого предмета обучающиеся имеют возможность изучать историю и культуру нашего Отечества с точки зрения традиционных для него религиозных традиций, проводить различные исследовательские рабо-

ты, осуществлять проектную деятельность, открывая для себя нравственную красоту и духовную глубину ментальности российского народа, отраженную в священных книгах, жизнеописаниях святых, фольклоре, произведениях искусства и т. п., что определено Федеральными государственными образовательными стандартами [10].

Одним из шести модулей курса «Основы религиозных культур и светской этики» является модуль «Основы православной культуры», имеющий культурологический характер и нацеленный на систематическое изучение школьниками христианской традиции, приобщение их к мировоззренческому и нравственному аспектам православной веры.

В числе главных задач современного образования — формирование не только знаний и умений обучающихся, но и их гражданских качеств. В современных законодательных доку-

ментах в сфере образования подчеркивается, что дети приходят в школу не только для того, чтобы развивать свой кругозор, получать новые знания, умения и навыки, но и для того, чтобы осознать их значимость и понять, каким образом их возможно применить в своей жизни и стать достойным гражданином своей страны, стать Человеком. Еще К. Д. Ушинский справедливо отмечал, что «главной задачей в воспитании человека может быть только сам человек, а в человеке цель воспитания составляет душа. Православие даёт человеку жизнь и определяет высшую цель всякого воспитания». На современном этапе развития общества становится очевидным, что воспитание детей, имеющее в своей основе формирование личностных качеств школьников на основе восприятия мира через призму его духовно-нравственной составляющей, является главной обязанностью школы перед государством.

Основы формирования личностных качеств ребенка посредством изучения православной культуры могут быть заложены в семье [5]; по мере его взросления, когда он начинает посещать детское дошкольное учреждение, в этот процесс включаются воспитатели [1, с. 42]. На момент поступления ребенка в первый класс у него уже имеются некоторые навыки социализации, характерные для данного возраста. На ступенях начальной школы происходит интенсивное всестороннее развитие ребенка, становление его мировоззрения, развитие внутреннего мира. В этом процессе серьезную роль играет изучение «Основ православной культуры».

«Основы православной культуры» — это модуль, позволяющий образовать цельную систему, включающую все нужные знания и позволяющую осуществлять глубокие междисциплинарные связи внутри различных дисциплин учебного плана. Учебно-методический комплекс по дисциплине «Основы православной культуры» разработан таким образом, что позволяет пополнять образовательный «багаж» обучающихся междисциплинарными знаниями; способствует обобщению и применению на практике общеучебных умений, развитию личностных качеств каждого ученика, позволяющих ему более успешно социализироваться и осознанно относиться к собственным делам и поступкам [3, с. 86].

Изучение методической, психолого-педагогической литературы по рассматриваемой в данной статье проблематике позволяет утверждать, что одним из важнейших условий результативности изучения православной культуры в современной школе является интеграция

знаний из различных предметных областей, что дает возможность формировать в сознании обучающегося целостную картину мира.

Изучая работы П. А. Хроменкова, А. Я. Данилюка, связанные с исследованием механизмов всестороннего развития школьников на основе активизации их познавательного интереса, а также труды Е. П. Асаулюк и Е. В. Щеголевой, связанные с вопросами результативности применения междисциплинарной интеграции в школе, приходим к выводу о необходимости глубоких содержательных связей модуля «Основы православной культуры» прежде всего с гуманитарными предметами школьной программы [2, с. 87]. Известно, что, например, в группу гуманитарных предметов начальной школы входят: «Музыка», «Окружающий мир», «Русский язык», «Литературное чтение», «Изобразительное искусство». Межпредметные связи модуля «Основы православной культуры» с этими дисциплинами открывают практически безграничные возможности для личностного развития обучающихся, формирования у них комплекса навыков и знаний о культуре нашего народа, его духовных и нравственных ценностях, передаваемых из поколения в поколение.

Следует отметить основополагающие задачи изучения курса «Основы православной культуры» в современной школе, каковыми являются:

1. Определение положений теоретического характера, которые будут являться методологической основой преподавания данного курса.

2. Выявление взаимосвязи учебного модуля «Основы православной культуры» с предметами гуманитарного цикла и внеурочной деятельностью обучающихся по православной культуре; обозначение ее главных возможностей, позволяющих проводить плодотворное развитие учеников.

3. Установление целостности методов обучения, форм работы и эффективных средств обучения, которая будет способствовать формированию личностных качеств младших школьников.

4. Определение показателей, критериев и уровней сформированности личностных качеств младших школьников.

5. Прогнозирование ожидаемых результатов изучения модуля «Основы православной культуры».

Для решения вышеназванных задач существенным является изучение работ Е. И. Артамонова, А. Н. Дахина, Е. И. Дивногорцева, Т. И. Петраковой, Е. А. Савченко, О. А. Шилиной и др., поскольку в них особое внимание уделя-

ется решению проблемы личностного развития школьников, формированию их нравственных качеств. Особенности и некоторые результаты введения модуля «Основы православной культуры» в целостный образовательный процесс современной школы рассмотрены в исследованиях А. Л. Беглова, Н. Ф. Виноградовой, В. Г. Казанской, Е. В. Саплиной, М. Г. Яновской и др. Труды этих психологов и педагогов дали возможность установить следующие важные составляющие теоретического обоснования изучения курса «Основы православной культуры»:

1. Формирование личностных качеств младших школьников может успешно проходить на основе реализации межпредметных связей и на уроках, и в процессе внеурочных занятий со школьниками.

2. В качестве основной цели преподавания данной дисциплины может быть выбрано личностное развитие младших школьников, основанное на активизации познавательного интереса обучающихся, что определяет специфику преподавания модуля «Основы православной культуры».

3. Становление значимых личностных качеств школьников в процессе обучения возможно лишь при создании условий для применения полученных знаний в повседневной жизни.

4. Эффективности работы по курсу «Основы православной культуры» способствует установление тесного взаимодействия школы и семьи.

Таким образом, очевидно, что, с одной стороны, решению поставленных задач помогает организация системной работы со школьниками, включающей в себя уроки, внеурочную деятельность и разнообразные формы педагогического взаимодействия с родителями, и, с другой стороны, осуществление межпредметной интеграции школьных дисциплин (прежде всего гуманитарного цикла). Достижению целей и решению задач курса «Основы православной культуры» в большей степени способствует объединение на духовно-нравственных началах содержания различных школьных дисциплин, позволяющих рассмотреть с разных позиций те или иные сочетания слов, определения, общие правила и понятия. При этом следует ориентироваться прежде всего на формирование у учеников доброжелательности, толерантного и внимательного отношения к окружающим людям и всем живым существам на планете, ответственности за совершённые поступки, уважения к своему труду и к труду других людей, осознания величия Природы и значимости искусства в жизни людей. Все эти личностные качества по-

зволяют формирующейся личности вырабатывать определенные умения и навыки жить в соответствии с культурными и нравственными нормами общества [6, 7].

В данном контексте перед педагогом встает серьезная задача прогнозирования собственной деятельности, выявления ее фактического направления, осознания смыслового значения и определения педагогических технологий, методов и форм педагогического взаимодействия с обучающимися и их родителями [8].

Программой курса «Основы православной культуры» определены следующие основные приемы и методы: словесные (рассказ учителя, объяснение, пояснение, беседа); наглядные (мультимедийная презентация, виртуальная экскурсия); объяснительно-иллюстративные (работа с иллюстративным материалом); устные упражнения, разработанные в занимательной и познавательной форме; эвристические методы; методы, позволяющие обучающимся самим сформулировать наиболее важные выводы; работа с текстом; прослушивание музыкальных произведений; восприятие произведений других видов искусства. При этом предусмотрены коллективная, индивидуальная (с учетом дифференциации) формы деятельности, работа в группах, парах, виртуальные экскурсии [9], дискуссии и т. п.

Выбор методов и форм педагогического взаимодействия со школьниками зависит от цели, задач, содержания конкретного урока или внеурочного занятия, а также от потребностей, возможностей и интересов обучающихся. Здесь учитывается ориентированность на три основополагающих аспекта личностного развития школьников: аксиологический, поведенческий и познавательный.

Рассматриваемый в данной статье школьный курс призван создать необходимые условия для освоения обучающимися (с этапа начального общего образования) российской культуры как целостного, самобытного, ценного феномена мировой культуры; для понимания религиозного, культурного многообразия и исторического, национально-государственного, духовного единства российского народа.

Педагогическое взаимодействие учителя со школьниками и их родителями в рамках модуля «Основы православной культуры» должно обеспечить осмысление и интериоризацию обучающимися системы культурных ценностей многонационального общества, а именно:

- Ценности жизни человека — осознание ответственности за себя и других людей, своего

и их душевного и физического здоровья; ответственности за сохранение природы как среды обитания.

- Ценности общения — понимание важности живого человеческого общения как значимой составляющей жизни общества, как одного из основополагающих элементов его культуры.

- Ценности добра и истины — осознание себя как части большого мира, в котором люди соединены многочисленными связями, которое основывается на признании постулатов нравственной жизни, выраженных в заповедях мировых религий (например, поступай так, как ты бы хотел, чтобы поступали с тобой; не говори неправды; будь милосерден и т. д.).

- Ценности семьи — понимание важности семьи в жизни каждого человека, взаимопонимание и взаимопомощь между родными людьми;

ми; осознание своих корней; уважительное отношение к старшим, их опыту, нравственным идеалам.

- Ценности труда и творчества — признание труда как важной и необходимой составляющей жизни человека, творчества как вершины, которая доступна любому человеку в своей области.

- Ценности социальной солидарности — обладание чувствами справедливости, милосердия, чести, достоинства по отношению к себе и к другим людям.

- Ценности гражданственности и патриотизма — осознание себя как члена общества; желание служить Родине, своему народу; любовь к природе своего края и страны, восхищение культурным наследием предшествующих поколений.

Литература

1. Дети на приходе. Опыт создания подросткового объединения / ред.-сост. Е. А. Мороз. — М. : Храм свщмч. Антипы на Колымажном дворе, 2010.
2. Кондрашин И. Глоссарий философских терминов / И. Кондрашин. — М., 2006.
3. Магдалина, сестра. Мысли о детях в православной церкви сегодня / сестра Магдалина. — М. : Отдел религиозного образования и катехизации МП, 1992. — 42 с.
4. Михайленко Т. М. Диагностика личностных образовательных результатов младших школьников / Т. М. Михайленко // Учен. зап. ун-та им. П. Ф. Лесгафта. — 2017. — № 1(143). — С. 257—261.
5. О семейной жизни и воспитании детей. Из наследия Оптинских старцев. — URL: <http://www.pravoslavie.ru/56804.html>.
6. Поучения Ириней, Епископа Екатеринбургского и Ирбитского. О религиозном воспитании детей. — Екатеринбург, 1901.
7. Православное воспитание детей. — М. : Даниловский благовестник, 1997.
8. Профессиональный стандарт педагога // ПРОФСТАНДАРТПЕДАГОГА.РФ. — URL: <http://профстандартпедагога.рф/профстандарт-педагога>.
9. Свято-Богоявленский храм села Хрущёво. — URL: <http://hrushevo.prihod.ru/glavnaja>.
10. Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования. — М. : Просвещение, 2015. — 47 с.

ORGANIZATION OF THE TRAINING COURSE "FUNDAMENTALS OF ORTHODOX CULTURE" IN THE CONDITIONS OF MODERN SCHOOL

I. V. Aryabkina

Ulyanovsk State Pedagogical University named after I. N. Ulyanov (Ulyanovsk, Russia)
ar_irina@rambler.ru

O. I. Donina

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)
podsnezhnik12@rambler.ru.

The article discusses the fundamental meanings, goals and objectives of the training course "Fundamentals of Orthodox Culture" as one of the modules of the school discipline "Fundamentals of World Religious Cultures and Secular Ethics". The authors discuss the relevance of introducing this course into the program of educational institutions of the Russian Federation and analyze its importance for the personal development of students and some features of implementation in the conditions of modern school.

The paper highlights the need for interdisciplinary integration to achieve the effectiveness of mastering the module "Fundamentals of Orthodox Culture" with other school disciplines, including Music, The World, Russian Language, Literary Reading, and Visual Arts. The article stresses the importance of organizing systematic work with schoolchildren in the study of the Fundamentals of Orthodox Culture, which includes lessons, extracurricular activities and various forms of pedagogical interaction with parents. The authors briefly describe the methods and forms used in the classroom for

this course, as well as the role of the teacher in the process of spiritual and moral development of schoolchildren. A special place in the article is given to a brief description of the fundamental national values, which are the main reference points in the work in the classroom in the module "Fundamentals of Orthodox Culture".

Key words: orthodox culture, modern school, spiritual development of schoolchildren.

References

1. Moroz E. A. (2010) *Deti na prihode. Opyt sozdaniya podrostkovogo obyedineniya* [Children at the curacy. The formation of youth union]. Moscow: Khram svshchmch. Antipy na Kolymazhnom dvore.
2. Kondrashin I. (2006) *Glossariy filosofskih terminov* [Glossary of philosophy terms]. Moscow.
3. Magdalina, sestra. *Mysli o detyah v pravoslavnoy tserkvi segodnya* [Sister Magdalina. Thoughts about children in modern orthodox church]. Moscow: Department of religious education and catechesis MP, 1992, 42 p.
4. Mikhajlenko T. M. (2017) *Diagnostika lichnostnyh obrazovatelnyh rezultatov mladshih shkolnikov* [Diagnostics of personal educational results of primary school pupils]. *Uchen. zap. un-ta im. P. F. Lesgafta*, 1(143), P. 257—261.
5. *O semeynoy zhizni i vospitanii detey. Iz naslediya Optinskih startsev* [Family life and parenting. Optina Elders heritage]. Access mode: <http://www.pravoslavie.ru/56804.html>.
6. *Poucheniya Irineya, Episkopa Ekaterinburgskogo i Irbitskogo. O religioznom vospitanii detey* [Lecture of Irenaeus, bishop of Yekaterinburg and Irbit]. Yekaterinburg, 1901.
7. *Pravoslavnoe vospitanie detey* [Orthodox parenting]. Moscow: Danilovskiy blagovestnik, 1997.
8. *Professionalnyy standart pedagoga* [Professional standard of a teacher]. URL: <http://profstandartpedagoga.rf/profstandart-pedagoga>.
9. *Svyato-Bogoyavlenskiy Khram sela Khrushchevo* [Holy Epiphany Cathedral of Khrushchevo village]. URL: <http://hrushevo.prihod.ru/glavnaja>.
10. *Federalnyy gosudarstvennyy obrazovatelnyy standart nachalnogo obshchego obrazovaniya* [Federal State Educational Standard of elementary general education]. Moscow: Prosveshchenie, 2015, 47 p.

А. В. Емельяненко

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
annaemelyanenkova@gmail.com

ОСОБЕННОСТИ ВОЗДЕЙСТВИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЫ НА МУЖЧИН И ЖЕНЩИН НА ПРИМЕРЕ TRAVEL-РЕКЛАМЫ*

В статье представлены материалы изучения особенностей воздействия информационной социокультурной среды на мужчин и женщин на примере travel-рекламы. В качестве основных методов были выбраны семантический дифференциал и прямые ассоциации в рамках психотехнического анализа рекламы Е. Е. Прониной. В исследовании приняли участие 30 мужчин и 30 женщин в возрасте от 16 до 45 лет, всего проанализировано 480 протоколов исследования. Полученные результаты показали, что мужчины и женщины по-разному воспринимают рекламные сообщения и оценивают их воздействие на себя. В юношеском возрасте реклама оценивается более эмоционально привлекательной и динамичной мужчинами, но при этом на женщин она оказывает более сильное психологическое воздействие. В возрасте от 24 до 45 лет мужчины все более позитивно воспринимают travel-рекламу, женщины, наоборот, с возрастом испытывают меньшее влияние со стороны рекламы, она менее привлекательная для них эмоционально, оказывает меньшее воздействие на принятие решений, они видят меньше изменений в содержании рекламных сообщений. Думается, это связано с трансформацией гендерных ролей в современном обществе, так как восприятие рекламных сообщений во многом обусловлено социокультурной средой, которая в современном обществе все чаще транслируется в информационном контексте.

Ключевые слова: социокультурная среда, гендер, восприятие рекламы, travel-реклама.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ и областного бюджета Ульяновской области, грант № 18-413-730015 «Когнитивные атрибуты групповых феноменов информационной среды в контексте социокультурных вызовов на территории Ульяновской области».

ВВЕДЕНИЕ

Изучение гендерной проблематики в контексте рекламы — достаточно популярная тема на протяжении десятилетий. С зарождения психологии рекламы более 100 лет назад обращают на себя внимание различия в восприятии и воздействии рекламных сообщений на мужчин и женщин. Один из основателей данного направления, американский психолог У. Скотт, считал, что реклама воздействует на женщин в большей степени, чем на мужчин, так как первые более эмоциональны, а смысл рекламы состоит в воздействии именно на эмоции, а уже через них — на волю и принятие решения человеком [3]. Позднее появляются исследования влияния рекламы на мужчин и женщин в рамках психоаналитического, суггестивного, бихевиористского подходов. С актуализацией гендерных исследований как междисциплинарного направления акцент смещается в сторону социокультурных факторов влияния и формирования гендерных

стереотипов в рекламе. Особое внимание в этой связи обращают на себя варианты применения теории социальной идентичности, разработанной Г. Тэжфелом и Дж. Тернером, к объяснению процесса полоролевой стереотипизации [12]. Социальным стереотипам в целом и гендерным в частности (в концепции К. Гуичи) отводится дифференцирующая функция, которая заключается в том, что человеку свойственно уменьшать различия между членами, входящими в одну и ту же группу, и, наоборот, увеличивать их при сопоставлении представителей разных групп. Это относится как к реальным группам (школьный класс, производственный отдел и т. п.), так и виртуальным (группы по национальности, профессии, гендеру и т. п.), в любом случае формируются представления «мы» и «они». Таким образом, если рассматривать мужчин и женщин как большие социальные группы, то гендерные стереотипы могут быть объяснены аналогично данной тенденции — минимизируем

различия между членами одной группы и создаем стереотип о том, что все представители этой группы обладают сходными личностными чертами или демонстрируют одинаковую модель поведения.

В современной практике рекламы и исследовательских технологий психологии исследования преимущественно направлены на анализ репрезентации гендерных стереотипов в рекламе от контекста доминирующих рекламных образов мужчин и женщин [2, 6] до лингвистического анализа межличностных отношений между мужчинами и женщинами [5]. При этом ключевым фактором остается именно социокультурная среда как источник поддержания, формирования и обновления когнитивных гендерных схем. Так, в исследованиях Г. А. Мирошниченко выделяется роль рекламы в создании новых гендерных стереотипов, описываются раскручиваемые рекламой образы мужчин и женщин в современном социуме, которые уже разрушают традиционные представления о гендерных ролях и взаимоотношениях полов [9]. Аналогично анализ влияния современной рекламы на формирование социокультурных норм современного общества и отражающих их во многом гендерных стереотипов потребителей позволил А. А. Согорину зафиксировать определенные изменения, происходящие у мужчин и женщин как субъектов-носителей, выразителей и создателей гендерных характеристик, ролей и статусов [11].

В нашем исследовании мы сфокусировались на другом аспекте — рассмотрении особенности воздействия информационной социокультурной среды на мужчин и женщин на примере travel-рекламы. В современных реалиях информационная виртуальная среда часто выходит на ведущие роли при формировании Я-образа мужчин и женщин [1], и реклама как один из источников данного влияния требует более детального исследования. Действительно ли, как 100 лет назад, реклама оказывает более сильное эмоциональное воздействие на женщин, равнозначно ли это для мужчин и женщин разного возраста, не возникает ли противоречий в сознании отдельных индивидов и социальных групп (в том числе мужчин и женщин как социальных групп по концепции К. Гуичи) в процессе восприятия сообщений, транслируемых рекламой? Анализ данных вопросов и сформировал основное направление нашего исследования. Travel-реклама в целом и ряд конкретных рекламных постеров были выбраны нами как гендерно-нейтральные, не использующие

гендерные стереотипы в своем изначальном посыле, что позволило убрать гендерный акцент в стимульном материале и проанализировать его проявления на проективной основе.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследование проводилось в три этапа.

На первом этапе были подобраны четыре рекламных постера, посвященных путешествиям и отдыху (tourism (travel) advertisements). Основным критерием подбора данного типа рекламы послужила изначальность гендерная нейтральность рекламного сообщения. Также на данном этапе были подобраны две методики, позволяющие, на наш взгляд, выявить отношение респондентов к рекламе: методика личностного дифференциала и методика психотехнического анализа рекламы. В основе этих методик лежат два метода, наиболее активно используемые для оценки восприятия рекламы, — семантический дифференциал и метод прямых ассоциаций [7]. Для решения задач нашего исследования нами была проведена модификация данных методик.

Методика семантического дифференциала была взята нами в варианте адаптации сотрудниками Психоневрологического института имени В. М. Бехтерева [8]. По замыслу авторов, она позволяет не только оценить самосознание и определенные свойства личности, но и межличностные отношения и социально-психологические практики. В данном контексте она достаточно широко применяется в психологических исследованиях сферы маркетинга и рекламы, модификация в данном случае предполагает перенос акцентов при интерпретации с личности на оцениваемое респондентами рекламное сообщение. Так, по фактору Оценки (О) результаты свидетельствуют об уровне привлекательности и симпатии, которым обладает в данном случае рекламное сообщение для человека, по фактору Силы (С) — о степени влияния сообщения на человека с его субъективной точки зрения, по фактору Активности (А) интерпретируется степень динамичности и активности, изменчивости во времени. Методика изначальности предполагала возможность ее использования в социально-психологических исследованиях, поэтому дополнительной проверки на валидность и надежность не проводилось.

Методика психотехнического анализа рекламы Е. Е. Прониной предназначена для проведения как индивидуального, так и коллективного проективного психотехнического анализа воздействия рекламы [10]. Согласно автору,

психотехническая экспертиза рекламы — стандартизированный анализ конкретных рекламных текстов и акций, которые воздействуют на человека одновременно на бессознательном и сознательном уровнях. Методика психологической экспертизы достаточна объемна и включает несколько процедур, из которых в целях нашего исследования была взята процедура ассоциативного теста. Ее смысл заключается в следующем. Респондента просят оценить прежде всего визуальный образ, представленный в рекламном сообщении, и записать все ассоциации, которые возникают при более детальном его рассмотрении. Кроме того, важно зафиксировать, какой эмоциональный контекст несут для него лично данные ассоциации, а именно какие сопровождаются положительными эмоциями (они отмечаются знаком «+»), какие — отрицательными («-»), какие — нейтральными («?»). По ассоциациям, внесенным в протокол, оценивается уровень напряженности психики респондента посредством расчета индексов нейтральности (ИН) и полярности эмоций (ИП), вызываемых рекламным текстом. Более того, их определенные сочетания позволяют диагностировать вероятность нейроневроза (в терминах методики). Дополнительно по ассоциациям респондентов нами был проведен качественный контент-анализ.

На втором этапе респонденты просматривали рекламные постеры и по каждому из них заполняли предложенные бланки методик. В исследовании приняли участие 30 мужчин и 30 женщин в возрасте от 16 до 45 лет, в общей сложности в ходе исследования нами было проанализировано 480 протоколов исследования.

На третьем этапе была проведена математическая обработка (описательная статистика и анализ различий) и интерпретация полученных результатов в соответствии с выдвинутыми гипотезами исследования, сформулированы выводы и рекомендации.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Рассмотрим полученные результаты с учетом возрастных групп респондентов. В первой выделенной нами возрастной группе юношеского возраста от 16 до 24 лет (рис. 1) по фактору Оценки различия показаны только на уровне тенденций — юноши оценивают рекламу о путешествиях как более привлекательную, склонны осознавать данную рекламу как носитель позитивных, социально желательных характеристик, в целом удовлетворены рекламой, а женщины в данном возрастном периоде имеют бо-

лее критичное отношение к данной рекламе, менее удовлетворены особенностями рекламных плакатов. По фактору Силы показатели свидетельствуют о том, что различия значимы, следовательно, на девушек реклама оказывает более сильное воздействие ($p < 0,05$). По фактору Активности различия тоже проявляются лишь на уровне тенденций — юноши воспринимают рекламу как более активную, импульсивную, динамичную и изменчивую во времени.

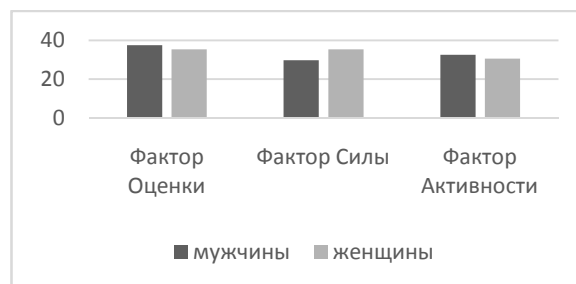

Рис. 1. Различия в восприятии рекламы по факторам Оценки, Силы и Активности мужчинами и женщинами в возрасте от 16 до 24 лет (баллы)

Таким образом, мы получаем следующую ситуацию: несмотря на то, что девушки оценивают рекламу как менее привлекательную для себя, динамичную и изменчивую, она все же оказывает на них большее воздействие. Проверим, подтверждается ли данная тенденция в период зрелости, когда приобретаетесь больший жизненный и социальный опыт как мужчинами, так и женщинами.

Анализ статистических данных в возрастной группе 25—45 лет по факторам Оценки, Силы и Активности выявил значимые различия по эмоциональной привлекательности и динамичности восприятия рекламы мужчинами ($p < 0,01$), по фактору оказываемого воздействия различия незначимы, но также в пользу мужчин (рис. 2).

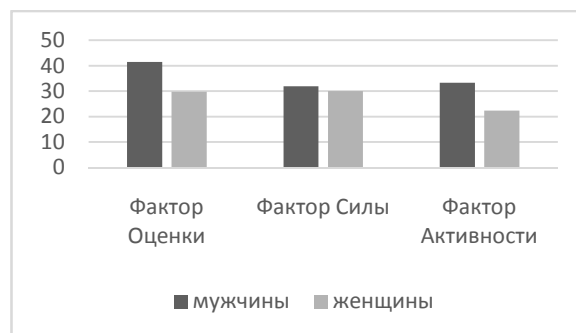

Рис. 2. Различия в восприятии рекламы по факторам Оценки, Силы и Активности мужчинами и женщинами в возрасте от 25 до 45 лет (баллы)

Таким образом, можно сделать вывод, что более привлекательной, сильной, активной, импульсивной и вызывающей положительные и сильные эмоции рекламу о путешествиях считают мужчины второй возрастной группы (25—45 лет). Женщины начинают испытывать меньшее воздействие рекламы по сравнению с более молодым возрастом.

Если сравнивать средние значения внутри групп мужчин и женщин по возрасту, то получаем, что в группе мужчин значения привлекательности, влияния и динамичности рекламных сообщений выше во второй возрастной группе по сравнению с юношеским возрастом, но эти различия статистически незначимы. У женщин наблюдается противоположная картина — значения оценки восприятия рекламы снижаются по всем факторам, и эти различия уже значимы ($p < 0,05$). Таким образом, хотя мы проводили исследование методом поперечных срезов, а не лонгитюдное изучение, можно отметить, что с возрастом женщины испытывают меньшее влияние со стороны рекламы, она менее привлекательная для них эмоционально, оказывает меньшее воздействие на принятие решений, они видят меньше изменений в содержании рекламных сообщений. Возможно, это объясняется современной трансформацией гендерных установок, и женщины стали более рационально оценивать рекламу, чем 100 лет назад, по крайней мере в зрелом возрасте.

Посмотрим, насколько данные результаты подтверждаются анализом бессознательного компонента воздействия рекламы, на выявление которого и направлена психотехническая экспертиза рекламы, в нашем случае — ассоциативный метод. Напомним, что мы оценивали результаты по специально разработанным индексам — эмоциональной нейтральности и полярности эмоций, которые получают при расчетах разного типа ассоциаций, субъективно соотносимых респондентами с позитивными, негативными и нейтральными эмоциональными состояниями.

Индекс нейтральности варьируется в интервале от минус 1 до плюс 1, и автором выделяются следующие границы и их содержательная характеристика: от -1 до -0,33 — сила эмоций повышена и стремится к аффекту; от -0,33 до +0,33 — эмоциональное равновесие неустойчиво; от +0,33 до +1 — сила эмоций снижена и стремится к нейтральности.

Анализ средних значений по индексу нейтральности (рис. 3) показывает, что как у мужчин, так и у женщин в любом возрастном периоде

travel-реклама вызывает сильные эмоции, попадая в первый из описанных интервалов. Но статистический анализ выявляет различия ($p < 0,05$) в сторону женщин до 25 лет и в сторону мужчин старше 25 лет. Таким образом, мы подтверждаем результаты, что в юношеском возрасте рекламные сообщения вызывают больше эмоций у девушек, а в зрелом — у мужчин.

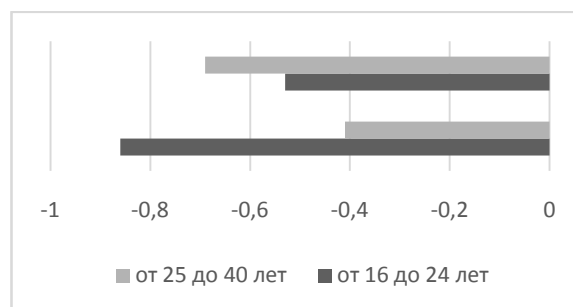

Рис. 3. Различия в индексах нейтральности рекламы у женщин (верхние строки) и мужчин (нижние строки) в возрасте от 16 до 25 лет

Индекс полярности меняется аналогично в интервале от минус 1 до плюс 1, и автором выделяются следующие границы и их содержательная характеристика: от -1 до -0,33 — преобладают отрицательные эмоции; от -0,33 до +0,33 — эмоциональное состояние противоречивое, амбивалентное; от +0,33 до +1 — преобладают позитивные эмоции.

Анализ средних значений по индексу полярности (рис. 4) показывает, что, как в случае с индексом нейтральности, они попадают в интервал положительных эмоций, что весьма логично при восприятии рекламы путешествий. Вместе с тем различия опять значимы ($p < 0,05$) в каждом возрасте у мужчин — для них реклама более позитивна.

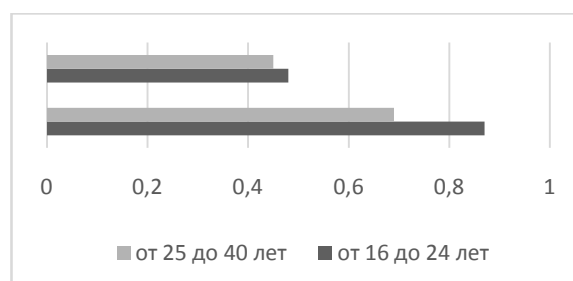

Рис. 4. Различия в индексах полярности рекламы у женщин (верхние строки) и мужчин (нижние строки) в возрасте от 16 до 25 лет

Согласно психотехническому анализу рекламы Е. Е. Прониной, сочетание, когда индекс

полярности стремится к «+1», а индекс нейтральности к «-1», говорит о притуплении критичности мышления, бесконтрольном принятии информации и, возможно, прорыве механизмов психологической защиты. По сути, это означает хорошую работу специалистов по рекламе отдыха, которая оказала свое воздействие на потребителя.

Дополним картину анализа качественными характеристиками контент-анализа. У юношей в ассоциациях при предъявлении им рекламных плакатов присутствовали такие слова, как «девушки», «выпивка», «загар», «жара», «раскованность»; у мужчин 24—45 лет реклама вызвала больше активных ассоциаций, можно выделить такие повторяющиеся ассоциации, как «скорость», «ветер», «восторг», «свобода действий», «экстрим», «арабские ночи», «восточные красавицы» и т. п. Девушки больше использовали такие ассоциации, как «любовь», «отдых», «путешествия», «отношения», а женщины второй возрастной группы — «отношения», «семья», «гармония», «любимые занятия». То есть данная реклама у женщин вызвала ассоциации про отношения и семью и т. п. Один из рекламных постеров показался женщинам слишком «темным», «без суши», «много воды», «ночь», и это сопровождалось отрицательными эмоциями. Также при анализе эмоций, которыми испытываемые оценивали свои ассоциации, можно сделать вывод, что мужчины старались писать больше положительных ассоциаций, избегая отрицательных, а женщины описывали как положительные, так и отрицательные и нейтральные ассоциации.

ВЫВОДЫ

Восприятие рекламных сообщений во многом обусловлено социокультурной средой, которая в современном обществе все чаще транслируется в информационном контексте. Мужчины и женщины различно воспринимают воздействие рекламных сообщений. Так, в юношеском возрасте реклама оценивается более эмоционально привлекательной и динамичной мужчинами, но при этом именно на женщин она оказывает более сильное психологическое воздействие. В возрасте от 24 до 45 лет мужчины все более позитивно воспринимают travel-рекламу, в том числе на бессознательном уровне, снижая критичность мышления. Женщины, наоборот, с возрастом испытывают меньшее влияние со стороны рекламы, она менее привлекательная для них эмоционально, оказывает меньшее воздействие на принятие решений, они видят меньше изменений в содержании рекламных сообщений. Возможно, это объясняется современной трансформацией гендерных установок, и женщины стали более рационально оценивать рекламу, чем 100 лет назад, по крайней мере в зрелом возрасте.

Каждый из нас является субъектом — носителем, выразителем и создателем гендерных характеристик, ролей и статусов [4]. И хотя гендерные стереотипы считаются одними из наиболее устойчивых наряду с расовыми, изменения происходят как в сознании человека, так и в моделях поведения, которые люди демонстрируют. И данные изменения можно наблюдать в продуктах культуры, одним из которых в современном обществе выступает реклама.

Литература

1. Алексеева А. А. Образ «Я» в реальном и виртуальном общении / А. А. Алексеева, И. В. Михайлова // Современные тенденции прикладных исследований в психологии и педагогике : сб. тр. Всерос. науч.-практич. конф. — Ульяновск, 2018. — С. 12—16.
2. Декич Э. Гендерные стереотипы: контент-анализ рекламы в гляцевых журналах / Э. Декич // Век информации. — 2018. — Т. 1, № 2. — С. 148—149.
3. Докторов Б. З. Отцы-основатели: история изучения общественного мнения / Б. З. Докторов. — М. : ЦСП, 2006. — 488 с.
4. Клёцина И. С. Гендерная психология / И. С. Клёцина. — СПб. : Питер, 2009. — 496 с.
5. Куликова Л. Д. Гендерные стереотипы и значение гендера в современной рекламе / Л. Д. Куликова // Актуальные проблемы современного иноязычного образования. — 2018. — № 7. — С. 5.
6. Лопатина А. А. Гендерные стереотипы в рекламе / А. А. Лопатина // Аллея науки. — 2018. — Т. 2, № 6(22). — С. 7—11.
7. Макшанцева Л. В. Экспертная деятельность психолога : учеб. пособие / Л. В. Макшанцева. — М. : Моск. городской пед. ун-т, 2010. — 124 с.
8. Методика личностного дифференциала (вариант, адаптированный в НИИ им. В. М. Бехтерева) / Н. П. Фетискин, В. В. Козлов, Г. М. Мануйлов // Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. — М., 2002. — С. 20—21.
9. Мирошниченко Г. А. Роль рекламы в формировании новых гендерных стереотипов / Г. А. Мирошниченко // Язык и речь в Интернете: личность, общество, коммуникация, культура : сб. ст. II Междунар. науч.-практич. конф. : в 2 т. / под общ. ред. А. В. Должиковой, В. В. Барабаша. — М. : РУДН, 2018. — С. 117—124.

10. Пронина Е. Е. Психологическая экспертиза рекламы. Теория и методика психотехнического анализа рекламы / Е. Е. Пронина. — М. : РИП-холдинг, 2002.
11. Согорин А. А. Тенденции влияния рекламы на формирование норм и гендерных стереотипов потребителей / А. А. Согорин // Молодой ученый. — 2016. — № 19(123). — С. 303—308.
12. Huici C. The individual and social functions of sex role stereotypes // Tajfel H. (ed.) Social dimension. Cambridge: Univ. Press, 1984. V. 2. P. 579—602. Online publication date: August 2010. — URL: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511759154.011>.

PECULIARITIES OF THE IMPACT OF SOCIAL AND CULTURAL INFORMATION ENVIRONMENT ON MEN AND WOMEN ON THE EXAMPLE OF TRAVEL ADVERTISING*

A. V. Emelyanenkova

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)

annaemelyanenkova@gmail.com

The article studies the peculiarities of the impact of socio-cultural information environment on men and women on the example of travel-advertising. As major methods the author selected semantic differential and direct associations in the framework of psychotechnical analysis of advertising of E. Pronina. The study involved 30 men and 30 women, aged 16 to 45 years, 480 study protocols were analyzed. The results showed that men and women perceive advertising messages differently and evaluate their impact on themselves. Young male evaluate advertising as emotionally attractive and dynamic, but at the same time it has a stronger psychological effect on women. At the ages from 24 to 45, men are more positive about travel-advertising, women, on the contrary, experience less influence from advertising, they are less attractive to them emotionally, less influence decision-making. They see fewer changes in advertising content. The author associates this fact with the transformation of gender roles in modern society, since the perception of advertising messages is largely due to the sociocultural environment, which in modern society is increasingly broadcast in the informational context.

Key words: socio-cultural environment, gender, perception of advertising, travel-advertising.

* Grant-supported by the Russian Foundation for Basic Research and regional budget of the Ulyanovsk region № 17-33-01023 "Cognitive attributes of group phenomena of the information environment in the context of socio-cultural challenges in the territory of the Ulyanovsk region".

References

1. Alekseyeva A. A., Mikhaylova I. V. (2018) Obraz «YA» v realnom i virtualnom obshchenii [Image "I" in real and virtual communication]. *Sovremennye tendentsii prikladnykh issledovaniy v psikhologii i pedagogike: collection of works of Russian scientific and practical conference*. Ulyanovsk, p. 12—16.
2. Dekich E. (2018) Gendernye stereotipy: kontent-analiz reklamy v glyantsevykh zhurnalah [Gender stereotypes: content-analysis of advertising in glossy magazines]. *Vek informatsii*, V. 1, (2), p. 148—149.
3. Doktorov B. Z. (2006) Ottsy-osnovateli: istoriya izucheniya obshchestvennogo mneniya [Founding fathers: history of study of public opinion]. Moscow: TSSP, 488 p.
4. Klestina I. S. (2009) Gendernaya psihologiya [Gender psychology]. St. Petersburg: Piter, 496 p.
5. Kulikova L. D. (2018) Gendernye stereotipy i znachenie gendera v sovremennoy reklame [Gender stereotypes and the concept of meaning in modern advertising]. *Aktualnye problemy sovremennoy inoyazychnogo obrazovaniya*, (7), p. 5.
6. Lopatina A. A. (2018) Gendernye stereotipy v reklame [Gender stereotypes in advertising]. *Alleya nauki*, V. 2, 6(22), p. 7—11.
7. Makshantseva L. V. (2010) Ekspertnaya deyatel'nost' psihologa: uchebnoye posobiye [Examination activities of a psychologist: study guide]. Moscow: Moskovskiy gorodskoy pedagogicheskiy universitet, 124 p.
8. Fetiskin N. P., Kozlov V. V., Manuylov G. M. (2002) Metodika lichnostnogo differentsiala [Methodology of personal differential]. *Sotsialno-psihologicheskaya diagnostika razvitiya lichnosti i mal'kh grupp*. Moscow, p. 20—21.
9. Miroshnichenko G. A. (2018) Rol reklamy v formirovaniy novykh gendernykh stereotipov [Role of advertising in the formation of new gender stereotypes]. *Yazyk i rech v Internetе: lichnost, obshchestvo, kommunikatsiya, kultura: collection of articles of II International scientific conference*. Moscow: RUDN, p. 117—124.
10. Pronina E. Ye. (2002) Psihologicheskaya ekspertiza reklamy. Teoriya i metodika psihotekhnicheskogo analiza reklamy [Psychological expert evaluation of advertising. Theory and methodology of psychological and technical analysis of advertising]. Moscow: RIP-kholding.
11. Согорин А. А. (2016) Tendentsii vliyaniya reklamy na formirovaniye norm i gendernykh stereotipov potrebiteley [Tendency of advertising influence on the formation of standards and gender stereotypes of consumers]. *Molodoy ucheny*, 19(123), p. 303—308.
12. Huici C. The individual and social functions of sex role stereotypes // Tajfel H. (ed.) Social dimension. Cambridge: Univ. Press, 1984. V. 2, p. 579—602. Online publication date: August 2010. URL: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511759154.011>.

И. Г. Кочетков

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
igor-nauka@yandex.ru

Р. Н. Валиева

ООО «Премьера»
(г. Ульяновск, Россия)
rozagirl@list.ru

РОЛЬ ПСИХИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ ПОТРЕБИТЕЛЯ ПРИ ВОСПРИЯТИИ РЕКЛАМЫ

В статье рассматриваются различные виды рекламы, изучается восприятие рекламы потребителями в контексте психического состояния в зависимости от типа рекламы и вида предъявления рекламы. Было обнаружено, что при восприятии рекламы, независимо от ее типа и вида предъявления, значимыми являются активность и самочувствие потребителя. Наиболее тесно они связаны с такими параметрами восприятия рекламы, как привлекательность, оригинальность, информативность, чувство напряжения, раздражительность.

Различия были обнаружены в восприятии видеорекламы, в частности, при восприятии коммерческой рекламы более значимым становится настроение потребителя, социальной — степень физиологического дискомфорта.

Психические состояния по-разному включены в восприятие видео-, аудио-, печатной рекламы. Наибольшую роль они играют при восприятии видеорекламы, меньшую — при восприятии аудиорекламы и наименьшую — при восприятии печатной рекламы. Существенно больше различий в восприятии рекламы существует при сравнении восприятия коммерческой и социальной рекламы. Социальная реклама является своеобразным зеркалом происходящих в обществе процессов. Поэтому, в отличие от коммерческой рекламы, информация, содержащаяся в социальной, для него не является новой. Однако парадоксально то, что чем более адресат социальной рекламы осведомлен о теме социального сообщения, тем острее он реагирует на него, т. е. она оценивается как более оригинальная, привлекательная, с большим желанием задуматься над проблемой, но при этом с чувством напряжения и тревоги.

Ключевые слова: психические состояния, виды рекламы, восприятие рекламных сообщений.

Реклама. Слово, которое вызывает массу ассоциаций, и далеко не все из них положительные. В огромной массе раздражителей реклама занимает значимое место, ведь она сделана для того, чтобы ее замечали. Личность, которая подвергается жизненным, естественным воздействиям среды, теперь сталкивается с воздействием искусственным, сознательным, выверенным. Это воздействие — реклама — сопровождает человека повсюду помимо его воли и желания. Потому реклама редко оставляет человека безразличным, провоцируя определенное реагирование.

Конечно, понятно, что реклама как элемент экономики и потребительской модели общества не может просто так быть устранена или сведена до банального информирования, которое не ставит целью менять поведение человека. Рекламный бизнес — это сложная и организованная структура. Но реклама может быть другой — *гуманной и человеческой*, такой, которая считается с воспринимающим ее человеком. Уже сейчас

делаются определенные шаги в этом направлении. Во многих работах изучаются механизмы влияния рекламы с позиций различий в восприятии, образовании, социального положения. Однако следует отметить, что изучаются в основном социологические показатели либо мотивационные компоненты, а текущие состояния психики практически не изучены. В свою очередь психические состояния играют важную роль в протекании психических процессов, в частности, восприятия.

При изучении рекламы значимой проблемой является поиск связующих процессов, параметров, которые могли бы одновременно описать и внутренние свойства субъекта, быть их выражением и являлись бы достаточно хорошо наблюдаемыми индикаторами важных свойств рекламы. Возможно, одним из таких индикаторов-критериев могли бы стать параметры психических состояний потребителя в момент восприятия рекламного сообщения [1, 2]. Таким образом, целью нашего исследования явилось

изучение особенностей восприятия рекламы во взаимосвязи с психическими состояниями.

При рассмотрении классификации рекламы по целевому воздействию на покупателя [7—9] стало очевидно, что коммерческая и социальная реклама отличны в целеполагании. Для коммерческой рекламы характерна активная стимуляция потребления, покупки определенного товара или услуги, презентация их в благожелательном свете. Социальную рекламу отличает привлечение внимания к социальному факту или явлению.

Рекламное воздействие не может осуществляться без учета психического состояния субъекта, потребителя. Ключевую роль в проявлении психических состояний играет биологический ритм. В зависимости от текущих характеристик ритма (его фазы, длительности, силы, направленности) восприятие рекламы будет отличаться. В этой связи необходимо учитывать как фазы работоспособности, суточные ритмы, так и ритмы большего масштаба: антропогенные (недельные, событийные и т. д.), природные (сезонные, годовые) [3].

Динамика околосуточных физиологических ритмов у человека имеет двустороннюю природу. С одной стороны, она обусловлена врожденными факторами, а с другой — является плодом и субъективной активности человека, которая создает стереотипию деятельности и психических процессов. Поэтому в течение дня работоспособность флуктуирует и имеет выраженный фазовый характер.

Можно выделить фазы:

1) вработываемости, в которой происходит формирование «рабочей» доминанты, настройка на необходимый уровень активности и скорости течения нервных реакций;

2) устойчивой работоспособности, когда человек удерживается стабильно на заданном уровне;

3) утомления, связанная со снижением работоспособности и точности работы и сопровождающаяся субъективным ощущением усталости [4—6].

Проводя исследование, мы опирались на теоретические положения системного подхода в изучении свойств человека и на принцип детерминизма Л. С. Рубинштейна. Основываясь на этом принципе, следует ожидать, что действие рекламы будет опосредованно внутренним содержанием личности, в частности, индивидуально-психологическими особенностями личности (тип темперамента, характер), а также протеканием психических процессов [10].

На основе теоретического анализа были выделены психические состояния, от которых могло зависеть восприятие рекламы: самочувствие, активность, настроение, которые изучаются шкалой самооценки САН, разработанной В. А. Доскиным, Н. А. Лаврентьевой, В. Б. Шарай и М. П. Мирошниковым; хроническое утомление в четырех аспектах: симптомы физиологического дискомфорта, снижение общего самочувствия и когнитивный дискомфорт, нарушения в эмоционально-аффективной сфере, снижение мотивации и изменения в сфере социального общения, которые изучались с помощью шкалы степени хронического утомления; сон, аппетит, активность, раздражительность, концентрация внимания, тревога, интересы, изучающиеся методикой оценки нервно-психического состояния, предложенной В. И. Бутовым, Н. А. Курганским, В. И. Сусловым.

Для изучения особенности восприятия рекламных роликов была разработана анкета, в которой учитывалось восприятие объективных технических характеристик ролика и субъективные переживания во время просмотра ролика:

1. Звуковое сопровождение.
2. Продолжительность.
3. Информативность.
4. Красочность изображения.
5. Юмористичность.
6. Ощущение эмоционального комфорта.
7. Чувство тревоги и беспокойства.
8. Чувство раздражения и злости.
9. Чувство напряжения.
10. Ощущение тоски, скуки.
11. Новизна информации.
12. Оригинальность подачи информации.
13. Привлекательность информации.
14. Желание приобрести товар / воспользоваться услугами.

Испытуемым предлагалось оценить рекламные ролики по степени выраженности вышеперечисленных показателей.

Исследование проводилось в несколько этапов. Всего в исследовании приняло участие 98 человек. На первом этапе исследовались особенности восприятия рекламы услуг и товаров. В качестве испытуемых выступили 58 студентов в возрасте от 18 до 20 лет, выборка является смешанной по полу и возрасту.

Реклама была подобрана на основе предполагаемой незаинтересованности и заинтересованности по содержанию (мотивационный фактор) испытуемых — реклама лекарственных препаратов и реклама туристических путевок; и по форме предъявления (аудио-, видео-, печатная).

На втором этапе изучалось восприятие социальной рекламы. В качестве испытуемых выступили 40 студентов в возрасте от 18 до 20 лет, выборка является смешанной по полу и возрасту.

Социальная реклама была поделена на три вида: зависимости (реклама о вреде алкоголя); гражданская реклама (реклама о правах ребёнка); стимулирующая специальное поведение (реклама, призывающая водителей пристёгивать ремень безопасности); а также по форме предъявления (аудио-, видео-, печатная).

При восприятии рекламы, независимо от ее типа и вида предъявления, значимыми являются активность и самочувствие потребителя. Наиболее тесно они связаны с такими параметрами восприятия рекламы, как привлекательность, оригинальность, информативность, чувство напряжения, раздражительность.

Различия были обнаружены в восприятии видеорекламы, в частности, при восприятии коммерческой рекламы более значимым становится настроение потребителя, социальной — степень физиологического дискомфорта. Остальные параметры психических состояний не показали высокой включенности в восприятие рекламы.

Было обнаружено, что психические состояния по-разному включены в восприятие видео-, аудио-, печатной рекламы. Наибольшую роль (наиболее тесно связаны) они играют при восприятии видеорекламы, менее важную — при восприятии аудиорекламы и наименьшую значимость имеют при восприятии печатной рекламы.

Такие выводы, на наш взгляд, объясняются различной информационной нагруженностью и разной эффективностью передачи информации в разных модальностях восприятия. Широко известен тот факт, что видеореклама находится на первом месте по возможности избирательно-го воздействия на потребителей, так как по своей сути является комбинацией двух каналов восприятия — зрительного и слухового; на втором месте аудиореклама, которая, усложняя полноценный двухсторонний контакт с потребителем, тем не менее воздействует на значительную часть целевой аудитории независимо от места его нахождения — на работе, на отдыхе, в пути. То есть аудиореклама является рекламой «сопровождения деятельности». Печатная реклама характеризуется наименьшей избирательностью аудитории потребителей и кратковременностью рекламного контакта. Одновременно она достаточно требовательна к концентрации внимания субъекта.

Восприятие аудио- и видеорекламы более тесно связано с текущими психическими процессами по сравнению с восприятием печатной рекламы. Печатная реклама воспринимается потребителями более индивидуально, чем аудио- и видеореклама.

Возможным объяснением данного феномена является большая связь восприятия печатной информации с когнитивными процессами, так как письменная речь изначально является когнитивной, символической системой. Таким образом, это может уменьшать роль текущих психических состояний при восприятии рекламы в сторону увеличения значимости сложных когнитивных процессов.

Частично подтвердилась дополнительная гипотеза о том, что восприятие рекламы значительно различается в зависимости от вида предъявления рекламы. Различия существуют, но они не столь значительны. К основным различиям можно отнести следующие: видеореклама воспринимается как более эмоционально комфортная, оригинальная; аудиореклама — как более продолжительная.

Значительно больше различий в восприятии рекламы существует при сравнении восприятия коммерческой и социальной рекламы.

Коммерческая реклама воспринимается как более информативная, юмористичная, эмоционально комфортная, новая, продолжительная, и больше испытывается чувство злости и ощущение тоски по сравнению с социальной; социальная же реклама оценивается как более оригинальная, привлекательная, с большим желанием задуматься над проблемой, но при этом чувство напряжения и тревоги испытывается больше, чем в рекламе товаров и услуг. Некая двойственность в оценках рекламы товаров и услуг может зависеть от того огромного количества рекламных сообщений, которые воспринимает потребитель, и, соответственно, может испытывать чувство злости и ощущение тоски, с другой стороны, при какой-либо потребности воспринимаемая реклама становится актуальной и оценивается как информативная, эмоционально комфортная, новая и т. д.

Социальная реклама является своеобразным зеркалом происходящих в обществе процессов. С этими процессами в той или иной мере потребитель сталкивается достаточно часто, если не ежедневно, поэтому, в отличие от коммерческой рекламы, информация, содержащаяся в социальной, для него не является новой. Однако парадоксально то, что чем более адресат социальной рекламы осведомлен о теме со-

циального сообщения, тем острее он реагирует на него, т.е. реклама оценивается как более оригинальная, привлекательная, с большим желанием задуматься над проблемой, но при этом с чувством напряжения и тревоги. Возможно, это объясняется и высокой личностной значимостью того, что затрагивается в социальной рек-

ламе. Поэтому привычность не означает невосприимчивость.

Конечно, данное исследование носит далеко не исчерпывающий характер, но оно позволяет посмотреть на рекламу не только с позиции ее заказчика, но и с позиции самого воспринимающего субъекта — потребителя.

Литература

1. Антипов К. В. Основы рекламы / К. В. Антипов. — М. : Дашков и К°, 2014. — 326 с.
2. Демидов В. Е. Сущность рекламы и психология ее восприятия / В. Е. Демидов. — М., 1984. — 18 с.
3. Доскин В. А. Ритмы жизни / В. А. Доскин, Н. А. Лаврентьева. — М. : Медицина, 1991. — 176 с.
4. Дядичкин В. П. Психофизиологические резервы повышения работоспособности / В. П. Дядичкин. — Минск : Вышэйш. шк., 1990. — 119 с.
5. Ильин Е. П. Оптимальные состояния как психофизиологическая проблема / Е. П. Ильин // Психологический журн. — 1981. — № 5. — С. 35—41.
6. Базылевич Т. Ф. Дифференциальная психофизиология и психология: ключевые идеи : моногр. / Т. Ф. Базылевич. — М. : НИЦ ИНФРА-М, 2013. — 340 с.
7. Лебедев А. Н. Особенности психологического воздействия в российской рекламе / А. Н. Лебедев. — М., 1995. — 79 с.
8. Емельяненко А. В. Суггестивные технологии в рекламе и их воздействие на российскую молодежь / А. В. Емельяненко, А. В. Пилишина // Ананьевские чтения — 2010. Современные прикладные направления и проблемы психологии : материалы науч. конф. — СПб., 2010. — С. 379—381.
9. Михайлова И. В. Ситуация как производная восприятия субъекта : моногр. / И. В. Михайлова. — Ульяновск : УлГУ, 2009. — 130 с.
10. Рубинштейн Л. С. Основы общей психологии / Л. С. Рубинштейн. — СПб. : Питер, 2012. — 720 с.

ROLE OF THE MENTAL STATE OF A CONSUMER IN THE PERCEPTION OF ADVERTISING

I. G. Kochetkov

Ulyanovsk State University (Russia, Ulyanovsk)
igor-nauka@yandex.ru

R. N. Valieva

LLC "Premiere" (Russia, Ulyanovsk)
rozagirl@list.ru

The article deals with different types of advertising. The authors study the consumers' perception of advertising in the context of mental state, depending on the type of advertising and the type of its presentation. The authors reveal the fact that the activity and mood of a consumer are interrelated with the perception of advertising, regardless of its type and type of presentation. They are most closely related to such parameters of perception of advertising as: attractiveness, originality, informativeness, feeling of tension, irritability.

The paper reveals the differences in the perception of video advertising. Namely in the perception of commercial advertising the mood of the consumer becomes more significant, while in social advertising the most significant is the degree of physiological discomfort.

Mental states of the consumer are differently included in the perception of video, audio and print advertising. They play the greatest role in the perception of video advertising, less in the perception of audio advertising and the least of their importance in the perception of print advertising. Significantly more differences in the perception of advertising exist when comparing the perception of commercial and social advertising. Social advertising is a kind of mirror of social processes. Therefore, unlike commercial advertising, the information contained in the social, is not new for the experienter. However, it is paradoxical that the more the addressee of social advertising is aware of the topic of social communication, the more he reacts on it. He evaluates it as more original, attractive and prone to concern about the issue anxiously.

Key words: mental states, types of advertising, perception of advertising messages.

References

1. Antipov K. V. (2014) Osnovy reklamy [Basics of advertising]. Moscow: Dashkov i K°, 326 p.
2. Demidov V. E. (1984) Sushchnost reklamy i psihologiya ee vospriyatiya [The Essence of advertising and the psychology of its perception]. Moscow, 18 p.
3. Doskin V. A., Lavrentyeva N. (1991) Ritmy zhizni [The rhythms of life]. Moscow: Meditsina, 176 p.

4. Dyadichkin V. P. (1990) Psihofiziologicheskiye rezervy povysheniya rabotosposobnosti [Physiological reserves of efficiency increase]. Minsk: Vyshejsh. shk., 119 p.
5. Ilyin E. P. (1981) Optimalnye sostoyaniya kak psihofiziologicheskaya problema [Optimal states as a psychophysiological problem]. Psihologicheskij zhurnal, (5), p. 35—41.
6. Bazylevich T. F. (2013) Differentsialnaya psihofiziologiya i psihologiya: klyuchevye idei [Differential psychophysiology and psychology: main ideas]. Moscow: NITS INFRA-M, 340 p.
7. Lebedev A. N. (1995) Osobennosti psihologicheskogo vozdeystviya v rossiyskoy reklame [Features of psychological impact in Russian advertising]. Moscow, 79 p.
8. Emelyanenkova A. V., Pilichina A. V. (2010) Suggestivnye tekhnologii v reklame i ih vozdeystviye na rossiyskuyu molodezh [Suggestive technology in advertising and their impact on Russian youth]. Ananyevskie chteniya — 2010. Sovremennye prikladnye napravleniya i problemy psihologii. St. Petersburg, p. 379—381.
9. Mikhailova I. V. (2009) Situatsiya kak proizvodnaya vospriyatiya subyekta [The situation as a derivative of the perception of the subject]. Monograph. Ulyanovsk: Ulyanovsk State University, 130 p.
10. Rubinstein S. L. (2012) Osnovy obshchey psihologii [Fundamentals of General psychology]. St. Petersburg: Piter, 720 p.

Т. С. Митина

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
tsmitina.ulsu@gmail.com

Р. Ф. Хаертдинова

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
khaertdinova.ralina@mail.ru

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ НА ФОРМИРОВАНИЕ КРИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ СТАРШЕКЛАССНИКОВ

Современные социальные сети обладают широкими возможностями для манипулирования подростками, поэтому так важно научить школьников уметь отличать достоверную информацию от лживой, иметь свое собственное мнение, уметь рассматривать проблему с разных сторон.

В работе раскрывается степень влияния социальных сетей на формирование критического мышления старшеклассников. Изучение данной темы показало необходимость подбора диагностического инструментария для выявления уровня сформированности критического мышления у старшеклассников и факторов, на него влияющих. Критическое мышление имеет огромное значение как в образовательной, научной, профессиональной деятельности, так и в повседневной жизни. В доказательство актуальности исследования приводятся работы зарубежных и отечественных ученых. Кроме того, положение дел в современной образовательной системе выявляет существование острой необходимости развития данного качества у подростков.

Ключевые слова: социальные сети, Интернет, образование, внушаемость, критическое мышление.

Социальные сети, появившиеся относительно недавно, сегодня становятся объектом пристального изучения для понимания и анализа поведения современной молодежи. Многие коммуникативные функции благодаря Всемирной сети получили новое поле для быстрого обмена информацией. Изучение и анализ страниц в социальных сетях, принадлежащих молодежи, показывают, что виртуальная реальность заменила многим пользователям реальное общение и появляются новые тенденции в социализации молодых людей. Глобальная паутина, с одной стороны, популяризирует анонимность, с другой стороны, требует от современных подростков раскрывать персональную информацию о себе для продолжения живого общения вне Сети.

Новый способ общения, обмена информацией и более быстрое взаимодействие создали и новые проблемы. Подросток стал более уязвим и открыт для большего количества чужих людей; через Интернет более агрессивно стали

диктоваться новые модные тенденции; влияние сетей на подростка становится проблемой глобального характера, требующей совместного анализа и решения [5].

Уже неоднократно ученые всего мира отмечали важность развития критического мышления; считается, что человек демократического общества обязан обладать данным мышлением, умением анализировать и принимать решения исходя из собственных наблюдений на основе полученных достоверных доказательств. И, как правило, развивать такой тип мышления нужно с малых лет, чтобы на пороге взрослой жизни принимать взвешенные и логичные решения.

Если обратиться к проекту Федерального государственного образовательного стандарта общего образования Российской Федерации, а именно к части о среднем (полном) общем образовании, то в нем содержится «портрет выпускника школы», в котором ясно описываются

личностные характеристики старшеклассника: «креативный и критически мыслящий, активно и целенаправленно познающий мир, осознающий ценность образования и науки, труда и творчества для человека и общества» [9]. Как мы видим, уже на государственном уровне констатируется высокая значимость критического мышления.

Следует отметить, что понятие «критическое мышление» имеет множество трактовок и интерпретаций. У большинства людей в сознании всплывают лишь негативные ассоциации, например, с критикой действительности. Но если глубже изучить суть данного вида мышления, можно прийти к выводу, что с обычной критикой оно не имеет ничего общего.

Переход из детства в юность характеризуется желанием и потребностью отделиться от взрослых, строить собственные планы на будущее, при этом мнение сверстников играет огромную роль в становлении личности. Также добавим, что помимо обычного общения подросток стремится обрести более близкие отношения с противоположным полом.

Главной психологической характеристикой старшеклассника является формирование планов на будущее, определение круга занятий. Подростку предстоит принимать собственные решения, основываясь на личном опыте, который он сознательно уже старается обрести и применить; он становится более требовательным к взрослым, к их умениям и профессиональным навыкам. Поведение ребенка по праву может считаться целенаправленно организованным, сознательным и волевым.

В старших классах подросток в силу уязвимости своего психологического состояния попадает под влияние разных людей: ровесников, учителей, родителей, кумиров, а также пользователей социальных сетей. Отсутствие критического мышления вынуждает его совершать поступки, не всегда отвечающие его собственному желанию.

Существуя в обществе, где так необходимо критическое мышление, подросток должен уметь принимать решения и подвергать сомнению всю доступную информацию.

Условия жизни постоянно изменяются, и людям приходится менять свое сознание, чтобы подстроиться под новые правила. Старые ответы на новые вопросы уже не подходят, поэтому так необходимо накапливать знания, опираться на свой опыт [7].

Наша задача — внедрить методики по формированию и развитию критического мыш-

ления в школах, научить учителей и школьников использовать данный опыт во всех сферах деятельности.

Старшеклассникам (10-11-классникам) больше соответствует материал из разных дисциплинарных областей. Возникающие в этом возрасте экзистенциальные проблемы и проблемы самоопределения требуют широкого контекста для их рассмотрения. Исходя из этого, подросток в дальнейшем выбирает главное направление будущей карьеры, и эти переживания способствуют переосмыслению всей деятельности, которую осуществляли старшеклассники на протяжении своей жизни [2]. Поэтому рассмотрим более подробно возраст от 16 до 18 лет, не забывая о главном — какое место занимает критическое мышление в юношеском возрасте.

Для старшеклассников характерно бурное развитие самостоятельности, критичности мышления; это совершенно новая сфера их мыслительной деятельности, в отличие от младших школьников [1].

Обучение в этом возрасте способствует формированию собственного мнения, подросткам необходимо осмысливать любую информацию со своей точки зрения. Старшеклассники уже уходят из-под влияния родителей, учителей, близких, склонны спорить и действовать наперекор. Но не стоит делать вывод, что подростки отрицают существование авторитетов, в силу своего развития они только начинают разбираться в информации, которую получают, подвергают ее сомнению, прежде чем слепо принимать.

Анализируя вышесказанное, можно сделать вывод, что критическое мышление свойственно всем, но не все могут им воспользоваться или не хотят этого делать. Этому нужно учиться, чтобы человек развивался как полноценная личность.

Изучение данной проблематики показало необходимость подбора диагностического инструментария для выявления уровня сформированности критического мышления у старшеклассников и факторов, на него влияющих.

Критическое мышление имеет огромное значение как в образовательной, научной, профессиональной деятельности, так и в повседневной жизни. Анализ исследований зарубежных и отечественных ученых, а также положение дел в современной образовательной системе показали, что существует острая потребность развития данного качества у подростков.

Школьники имеют доступ не только к живому общению и получению знаний традицион-

ным способом, сегодня в образовательный процесс широко вводятся инновации для расширения и увеличения усваиваемости информации, но не всегда на деле это оказывается эффективным.

Таким образом, мы пришли к необходимости составления и апробирования пакета диагностических методик, позволяющих не только оценивать актуальный уровень развития критического мышления, но и моделировать в процессе диагностики условия, которые будут обеспечивать развивающий эффект. Для достижения этой цели были переведены и апробированы на выборке школьников следующие опросники:

1. Тест-эссе Энниса-Виера (Ennis-Weir) для оценивания и обучения критическому мышлению [10].

2. Тест на оценку суггестивности (внушаемости) О. П. Елисеева [6].

Для выявления сформированности критического мышления старшеклассников был проведен тест-эссе, в котором требовалось от лица редактора газеты ответить на письмо и проанализировать прочитанное согласно данным параграфам, а затем сделать общий вывод. На выполнение задания отводилось 40 минут. Темой письма была проблема ночной парковки на улицах города Мурбурга, приводились различные аргументы в пользу ликвидации парковок. Задачей респондентов было опровергнуть, согласиться или найти компромиссное решение. В исследовании приняли участие 47 школьников 11-х классов сельских и городских школ Ульяновской области.

Результаты эссе оценивались с помощью уровня сформированности умений критического мышления по А. С. Байрамову [3].

Максимальная оценка, полученная за все 9 заданий, составила 19 баллов. Исходя из этой суммы, можно рассчитать показатель уровня сформированности умений следующим образом: если обучающийся набирает 12 баллов, то у него высокий уровень сформированности критического мышления.

Для оценивания необходимо учитывать следующие умения:

- 1) делать логические умозаключения и обосновывать свой ответ;
- 2) оценивать последовательность умозаключений;
- 3) обнаруживать ошибки, связанные с неопределенностью и двусмысленностью выражений и терминов;
- 4) выявлять релевантную информацию на фоне избыточной.

Анализ аспекта «Уровень развития монологической речи» проводится по следующим параметрам:

- 1) полнота изложения;
- 2) логичность, последовательность, связность изложения мыслей;
- 3) правильность речи на достаточном уровне коммуникации;
- 4) коммуникативно-мотивированное и творческое использование языковых средств.

Степень развития критического мышления учащихся старших классов имеет три уровня.

Начальный — это слабое представление учащегося об этом стиле мышления, неумение оценивать, доказывать свою правоту.

Средний уровень — это проявление умений и навыков мыслительных операций в пределах элементарных суждений, обретение опыта доказательства и опровержения, желание оценивать и самооценивать, осознавать критику в качестве мыслительного процесса.

Высокий уровень — устойчивость умений и навыков основных мыслительных операций, способность видеть свои и чужие недостатки в поведении, речи, слове, деле и т. д., возросшая скорость определения ошибок, стремление логически обосновывать оценку и самооценку, умело подбирать аргументы «за» и «против»; терпимость к аргументированной критике в свой адрес и т. д.

В результате было выявлено, что среди испытуемых 69 % имеют низкий уровень сформированности критического мышления, 24 % — средний уровень и только 6 % — высокий уровень критического мышления.

В целом можно сказать, что по первому критерию «Умение делать логические умозаключения и обосновывать свой ответ» большинство старшеклассников справились хорошо, они старались дать полный ответ на проблему, хотя были респонденты, которые поверхностно рассматривали аргументы и слепо соглашались с отправителем письма.

Необычным стало проявление в работах третьего критерия «Умение обнаруживать ошибки, связанные с неопределенностью и двусмысленностью выражений и терминов». Высокий балл по нему получили обладатели среднего и высокого уровня критического мышления, которые обнаружили ошибку в шестом параграфе, верно заметили нелогичность сделанных выводов о связи проблемы парковки и дорожных происшествий.

Кроме того, обладатели среднего уровня критического мышления не ограничивались от-

ветом на приведенные аргументы, они рассматривали проблему не только под углом отправления, но и с точки зрения реальной обстановки на дорогах, руководствовались имеющимся опытом и знаниями.

Также подростки с высоким уровнем делали собственные предложения по ликвидации проблем на дорогах, анализируя и аргументируя свой ответ.

Что касается большинства респондентов, выдавших низкие показатели, то в их работах могло содержаться лишь согласие или несогласие с автором письма либо давался утвердительный ответ и выражалось доверие по пунктам шесть и восемь, при этом ответ аргументировался следующим образом: «Согласен, потому что директор Национального совета по безопасности в этом вопросе понимает лучше».

Это говорит о том, что в школе культивируется положение, что статус и должность человека определяют его образованность и компетентность во многих вопросах, поэтому для испытуемых директор оказался авторитетом, с мнением которого непременно стоит согласиться. Считая, что автор письма подкрепляет ответы словами уважаемых людей, таких как директор Национального совета по безопасности движения или начальник полиции, ребята, не задумываясь, соглашались с предложенным аргументом.

Письмо жителя Мурбурга было составлено достаточно грамотно и аргументированно, часто респонденты не вникали в суть вопроса, так как имели мало сведений и знаний о самой проблеме, также они не замечали ошибок в тексте и не предлагали других вариантов решения.

При сравнении гендерной специфики сформированности критического мышления у старшеклассников оказалось, что критическое мышление лучше сформировано у мальчиков, чем у девочек, хотя отличие составляло около 2,6 %. Это может быть связано с тем, что девушки более склонны к конформному поведению, чем юноши. Данный факт объясняется тем, что обычно для женщин единство группы, в состав которой они входят, является более важным, т. е. женщины не любят спорить с другими, так как это может нарушить гармонию и внести раскол в группу. Такие особенности поведения свойственны также тем мужчинам, у которых выражены феминные качества.

Было исследовано, есть ли отличия в рассуждениях городских и сельских школьников. Сначала было сделано предположение, что у городских подростков критическое мышление должно быть сформировано лучше, так как они имеют

доступ к более высокому уровню образования. Но тест показал, что сельские и городские старшеклассники в данном мышлении не имеют особых различий, так как все ребята имеют выход в Интернет, выезжают на городские мероприятия, а иногда в старших классах переезжают в город.

В целом тест-эссе Энниса-Виера позволяет глубже изучить интересы, мотивы и цели старшеклассников при написании этого письма, что дает возможность сделать более точные выводы.

Для выявления связи между социальными сетями и формированием критического мышления на основе использования популярных сайтов нами был проведен тест на оценку суггестивности О. П. Елисеева [3].

Тест состоял из пяти заданий. Сначала испытуемым предлагалось расставить на листке номера заданий и ознакомиться с правилами. Пункты теста читались быстро, после каждого задания произносилось слово «пора», которое являлось определяющим при переходе на следующий пункт. Задания не повторялись; если тестируемый не запомнил задание или не успел его записать, он мог его пропустить и приступить к следующему.

Обработка ответов происходила таким образом: если респондент указал то же слово, что было указано в тесте, ставилось 4 балла, если близкое по смыслу — 3 балла, за совершенно противоположное по смыслу, отличное от задания слово — 2 балла. В результате подсчета баллов определялась степень внушаемости.

На самом деле внушаемость напрямую связана с характером человека. Суггестивность преобладает в целом у большинства людей, так как она возникла у человека в процессе эволюции, чтобы воспринимать информацию общества и следовать его правилам, а не идти против системы.

Елисеев О. П. выделяет в тесте три группы:

1. 15—30 баллов — пониженная внушаемость. Люди с пониженной внушаемостью имеют свое мнение на разрешение различных жизненных ситуаций, они, как правило, не подвержены гипнозу. Чаще всего эти люди имеют высшее образование, хорошо развитое критическое мышление.

2. 31—45 баллов — средняя внушаемость, присущая большинству людей, так как это люди с адекватной самооценкой, умеющие определять достоверность информации.

3. 46 и более баллов — повышенная или чрезмерная внушаемость. Проявляется не только в состоянии транса, но и в поведении личности в привычных условиях. Готовность к подчи-

нению влияет на личные и профессиональные качества личности. Такие люди являются идеальными подчиненными, работниками, которые будут следовать за лидером и не оспаривать его авторитет, они легко принимают чужие идеи. Повышенная индивидуальная внушаемость обычно сочетается с заниженной самооценкой, тогда человеку трудно поверить в собственные силы [3].

Результаты исследования показали, что среди 47 испытуемых оказалось 27 % с повышенной внушаемостью, 67 % со средней и всего 6 % с пониженным уровнем внушаемости. Проанализировав ответы тестируемых, можно констатировать, что большинство имеют средний уровень внушаемости (суггестивности).

Уровень внушаемости в целом зависит от личностных факторов, таких как:

- несформированное критическое мышление;
- низкая самооценка;
- повышенная эмоциональность / чувствительность;
- неумение логически и рационально мыслить.

Испытуемые после проведения исследования объяснили, почему они сделали это так или иначе, оправдывая свои результаты тем, что в задании указывался четкий образец выполнения задания и они следовали этому примеру, чтобы выполнить все правильно. Также они отметили, что если бы исследование проводили их ровесники, они бы чувствовали себя свободнее.

Низкий уровень критичности влечет за собой повышенную внушаемость, а значит в социальных сетях, где есть возможность остаться

анонимным, можно манипулировать подростками для достижения собственных целей.

Среди респондентов оказались и те, кто в заданиях увидел совершенно другое значение и показал хорошие результаты, но таких было выявлено достаточно мало, всего 6 %.

Таким образом, проведенное исследование показало, что внушаемость (суггестивность) является одним из факторов низкой сформированности критического мышления у старшеклассников. Критическое мышление позволяет быть более объективным, оперировать достоверными фактами и иметь собственное мнение. Тесты выявили, что большинство испытуемых не развивает данное мышление и остается на достаточно низком уровне. Это еще раз доказывает их уязвимость в случае, если на них будет оказано целенаправленное воздействие, что мы в действительности наблюдаем сегодня в социальных сетях.

Социальные сети имеют множество возможностей для манипулирования подростками, поэтому так важно научить школьников уметь отличать достоверную информацию от лживой, иметь свое собственное мнение и не придерживаться только одной точки зрения, а рассматривать проблему с разных сторон.

Критическое мышление имеет огромное значение как в образовательной, научной, профессиональной деятельности, так и в повседневной жизни. Анализ исследований зарубежных и отечественных ученых, а также положение дел в современной образовательной системе показали, что существует острая необходимость развития данного качества у подростков.

Литература

1. Бичева Б. И. Развитие критичности как важного качества будущего педагога дошкольного образования / Б. И. Бичева // Перспективы науки и образования. — 2017. — № 4. — С. 28—32.
2. Бондаревская Е. В. Методология системной модернизации и развития педагогического образования / Е. В. Бондаревская // Высшая школа: опыт, проблемы, перспективы. — М. : РУДН, 2017. — С. 27—46.
3. Волков Е. Н. Тесты критического мышления: вводный обзор / Е. Н. Волков // Психологическая диагностика. — 2015. — № 3. — С. 5—23.
4. Гущин Ю. Ф. Оценка уровня развития критического мышления учащихся / Ю. Ф. Гущин. — URL: <http://psyhoinfo.ru/osenka-urovnya-razvitiya-kriticheskogomyshleniya-uchashchisya> (дата обращения: 26.10.2018).
5. Дьюи Д. Психология и педагогика мышления / Д. Дьюи ; пер. с англ. Н. М. Никольской. — М. : Совершенство, 2014. — 208 с.
6. Елисеев О. П. Практикум по психологии личности (Оценка суггестивности). — СПб., 2003. — С. 224—225.
7. Загрекова Л. В. Теория и технология обучения : учеб. пособие для студ. пед. вузов / Л. В. Загрекова, В. В. Николаева. — М. : Высшая школа, 2013. — 157 с.
8. Золотова Н. В. Научное наследие Б. В. Зейгарник в отечественной медицинской (клинической) психологии / Н. В. Золотова, В. А. Мазилев, М. В. Базиков // Ярославский пед. вестн. — 2016. — № 1. — С. 174—187.
9. Об утверждении и введении в действие федерального государственного образовательного стандарта среднего общего образования // Федеральные образовательные стандарты. — URL: <https://fgos.ru> (дата обращения: 23.10.2018).
10. Тест-эссе Энниса-Вейера для оценивания и обучения критическому мышлению. — URL: <http://evolkov.net/critic.think/tests/Ennis-Weir.critic.think.essay.test.html> (дата обращения: 27.10.2018).

IMPACT OF SOCIAL NETWORKS ON THE FORMATION OF CRITICAL THINKING AMONG HIGH SCHOOL STUDENTS

T. S. Mitina

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)

tsmitina.ulsu@gmail.com

R. F. Khaertdinova

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)

khaertdinova.ralina@mail.ru

The article discusses the history of the origin of social networks which possess a lot of opportunities to manipulate adolescents, so it is important to teach students how to distinguish reliable information from deceitful, have their own opinion and not adhere to only one point of view, consider the problem from different sides.

The paper reveals the degree of its influence on the formation of critical thinking of high school students.

The study of this topic showed the need for the selection of diagnostic tools to identify the level of formation of critical thinking among high school students, the factors affecting it.

Critical thinking is of great importance both in educational, scientific, professional activities and in everyday life. In proof of the relevance of the study, the works of foreign and domestic scientists are cited, as well as the state of affairs in the modern educational system reveal the existence of an acute need to develop this quality in adolescents.

Key words: social networks, Internet, education, suggestibility, critical thinking.

References

1. Bicheva B. I. (2017) Razvitie kritichnosti kak vazhnogo kachestva budushchego pedagoga doskolnogo obrazovaniya [Criticality development as the main quality of the future preschool teacher]. *Perspektivy nauki i obrazovaniya*, (4), p. 28—32.
2. Bondarevskaya E. V. (2017) Metodologiya sistemnoy modernizatsii i razvitiya pedagogicheskogo obrazovaniya [Methodology of the system modernization and development of teacher education]. *Vysshaya shkola: opyt, problemy, perspektivy*. Moscow: RUDN, p. 27—46.
3. Volkov E. N. (2015) Testy kriticheskogo myshleniya: vvodnyy obzor [Critical thinking tests: opening summery]. *Psihologicheskaya diagnostika*, (3), p. 5—23.
4. Gushchin Yu. F. Otsenka urovnya razvitiya kriticheskogo myshleniya uchashchihsya [Evaluation of development level of critical thinking of a student]. URL: <http://psyhoinfo.ru/ocenka-urovnya-razvitiya-kriticheskogomyshleniya-uchashchihsya> (access mode: 26.10.2018).
5. Dyui D. (2014) *Psihologiya i pedagogika myshleniya* [Psychology and pedagogics of thinking]. Moscow: Sovershenstvo, 208 p.
6. Eliseev O. P. (2003) *Praktikum po psikhologii lichnosti (Otsenka suggestivnosti)* [Case study of personal psychology]. St. Petersburg, p. 224—225.
7. Zagrekova L. V., Nikolina V. V. (2013) *Teoriya i tekhnologiya obucheniya* [Learning technology and theory]. Moscow: Vysshaya shkola, 157 p.
8. Zolotova N. V., Mazilov V. A., Bazikov M. V. (2016) Nauchnoe nasledie B. V. Zeygarnik v otechestvennoy meditsinskoj (klinicheskoy) psikhologii [Scientific heritage of B. V. Zeygarnik in soviet clinical psychology]. *Yaroslavskiy pedagogicheskij vestnik*, (1), p. 174—187.
9. Ob utverzhdenii i vvedenii v deystvie federalnogo gosudarstvennogo obrazovatel'nogo standart srednego obshchego obrazovaniya. Federalnye obrazovatelnye standarty [On Approval and enforcement of Federal State Educational Standart of secondary general education]. URL: <https://fgos.ru> (access date 23.10.2018).
10. Test-esse Ennisa-Viera dlya otsenivaniya i obucheniya kriticheskomu myshleniyu [Teat-essay of Ennis Weir for evaluation and teaching critical thinking]. URL: <http://evolkov.net/critic.think/tests/Ennis-Weir.critic.think.essay.test.html> (access date: 27.10.2018).

Т. С. Митина

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
tsmitina.ulsu@gmail.com

В. В. Шайлиев

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
thisis.vitalya@yandex.ru

ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

В условиях перехода к новому качеству социально-экономических отношений на основе развития информационных технологий сегодня важной становится задача внедрения и использования информационно-коммуникационных технологий в социальной сфере России. Российская Федерация значительно отстает от стран Запада в использовании информационно-коммуникационных средств. Это объясняется такими факторами, как затяжной экономический кризис, нестабильность экономики, низкая материальная обеспеченность большинства населения, неготовность населения и органов власти полностью автоматизировать производственные процессы и т. д. Тем не менее во всех регионах России проводится активный процесс информатизации разных сфер деятельности. Примеров использования информационно-коммуникационных технологий в государственном управлении множество: создание электронного правительства, разработка портала государственных услуг, использование сети Интернет и социальных сетей в качестве канала обратной связи с населением и т. д. В статье будет рассмотрено применение информационно-коммуникационных технологий в социальной сфере, их эффективность и рациональность.

Ключевые слова: информационно-коммуникационные технологии, информационное общество, образование, социальная сфера, система государственного управления.

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время в России наблюдается широкое распространение новых информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в сфере образования. Рассмотрим: работает ли внедренная система, эффективно ли применение информационно-коммуникационных технологий в сфере общего образования?

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОЛОЖЕНИЯ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В связи с относительной новизной тема является малоизученной с точки зрения социологических наук. Среди современных ученых, занимающихся данной проблемой, можно выделить таких, как А. О. Попов, В. Н. Гебриаль, С. В. Баранов, Е. Ю. Трунова, В. Голик, Л. Г. Прокуракова и другие. Выбор информационной политики в эпоху современной компьютерной и коммуникационной революции анализируется в

трудах В. Буша, Б. Кронина, М. Спенса, Дж. Стиглица и других.

В данной работе понятие «информационно-коммуникационные технологии» мы определяем как процессы, методы поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления, распространения информации и способы осуществления таких процессов и методов.

Информационное общество — общество, в котором большинство работающего населения занято производством, хранением, переработкой и реализацией информации, особенно высшей ее формы — знаний.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Методика проведения исследования включает:

— Проведение анкетного опроса. В качестве респондентов участвуют учителя общеобразовательных школ города Ульяновска.

— Определение выборочной совокупности: вид выборки — простая вероятностная выборка.

Социологическое исследование проведено в общеобразовательных школах Ульяновска.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

С целью изучения влияния новых информационно-коммуникационных технологий на сферу образования в период с сентября по декабрь 2018 года было проведено исследование «Информационно-коммуникационные технологии в образовании». В нем принял участие 71 человек — учителя общеобразовательных школ г. Ульяновска. Из числа опрошенных 84,5 % респондентов составляли женщины и 15,5 % мужчины. Исследование предполагало анкетный опрос с заранее рассчитанной выборкой.

В результате проведенного опроса были получены следующие данные.

При распределении ответов респондентов на вопрос «Ваш опыт применения информационно-коммуникационных технологий на уроках» выяснилось, что большинство опрошенных применяют ИКТ в своей работе более 3 лет, 21 % ответили, что их опыт применения составляет от 1 до 3 лет. Все учителя за последние 3 года так или иначе использовали информационно-коммуникационные технологии в своей работе.

Следующий блок вопросов был направлен на исследование учебного процесса.

На вопрос о том, как часто учителя применяют информационно-коммуникационные технологии на уроках, получены следующие ответы: большинство учителей (52 %) применяют информационно-коммуникационные технологии на уроках как минимум раз в неделю, 47 % используют их каждый день и лишь 1 % — не менее раза в месяц.

На вопрос «Какое программное обеспечение Вы применяете чаще всего?» респондентам было предложено оценить по баллам каждый вариант. Полученные результаты представлены в таблице 1.

Большинство опрошенных отметили, что чаще всего они пользуются текстовым редактором Word (60,6 %) и программой подготовки мультимедийных презентаций PowerPoint (57,7 %). Программой создания электронных таблиц Excel больше половины респондентов (53,5 %) пользуются очень редко. Обучающей программой 1С:Образование большинство респондентов (95,8 %) совсем не пользуется, достаточно редко пользуются 2,8 % и достаточно часто — лишь 1,4 %.

Таблица 1

**Распределение ответов на вопрос
«Какое программное обеспечение Вы применяете
чаще всего в своей деятельности?»
(оценить по баллам: «0» — никогда,
«1» — достаточно редко, «2» — достаточно часто,
«3» — активно) (%)**

Программное обеспечение	0	1	2	3
Word	0	2,8	36,6	60,6
Excel	1,4	53,5	26,8	18,3
PowerPoint	1,4	7	33,8	57,7
1С:Образование	95,8	2,8	1,4	0

На вопрос «На каких уроках эффективнее всего использовать информационно-коммуникационные технологии?» ответы разделились следующим образом: большинство считает, что информационно-коммуникационные технологии необходимо использовать на всех уроках (29,5 %), 19,7 % респондентов считают, что использовать ИКТ необходимо только на уроках математики, 18 % — только на уроках информатики. Подчеркивают, что необходимо использовать ИКТ только на уроках физики 8,2 % респондентов, на уроках литературы — 6,6 %, по 4,9 % набрали варианты «английский язык», «география» и «окружающий мир», 1,6 % респондентов выбрали уроки ИЗО и технологии. Таким образом, видно, что учителя считают эффективным использование информационно-коммуникационных технологий на всех уроках.

Следующие вопросы были направлены на выявление сложностей применения информационно-коммуникационных технологий на уроках.

На вопрос «Что для Вас является самым сложным при работе на компьютере?» ответы распределились следующим образом: почти у половины респондентов вызывают трудности создание электронных таблиц, работа в текстовом редакторе (21,1 %) и подготовка мультимедийных презентаций (24,2 %). Лишь у 5,3 % респондентов вызывает трудности при работе на персональном компьютере (ПК) поиск информации в Интернете. Использование электронной почты не вызывает трудностей.

Следующим вопросом было указать трудности, которые встречаются на пути достижения целей в области использования информационно-коммуникационных технологий в школе. Большее количество респондентов отметили, что это недостаточность возможностей повышения квалификации для учителей (48 %). Поэтому можно сделать вывод, что учителя хотят посещать курсы пользователей ПК, но не имеют

возможности это сделать. Недостаток знаний и умений учителей использовать ИКТ в преподавании отметили 41,3 % респондентов. Вариант ответа, что учителя испытывают дискомфорт ввиду того, что многие учащиеся больше них компетентны в области информационно-коммуникационных технологий, выбрали 10,7 % респондентов. Один респондент отметил отсутствие техники.

Также были заданы вопросы о том, насколько удобным для учителей является взаимодействие с родителями учеников посредством электронного журнала и почты.

На вопрос об использовании электронного журнала абсолютно все респонденты ответили положительно. Учителям было предложено ответить на вопрос, зачем их школе нужен электронный журнал и нужен ли вообще. В таблице 2 распределены ответы на вопрос «Как Вы считаете, зачем Вашей школе электронный журнал?».

Таблица 2

**Распределение ответов на вопрос
«Как Вы считаете, зачем Вашей школе
электронный журнал?» (%)**

Элемент престижа	6,3
Так удобнее доводить информацию до родителей учеников	50,5
Это удобнее для учителей	36,8
Не нужен	6,3

Чуть больше половины респондентов ответили, что таким образом стало удобнее доводить информацию об успеваемости ученика до родителей (50,5 %), многие учителя считают, что с введением электронного журнала им стало удобнее работать (36,8 %), получили по 6,3 % ответы, что электронный журнал — это элемент престижа школы и что журнал вовсе не нужен. Таким образом, видно, что электронный журнал помогает учителям оперативно доводить информацию до родителей учеников.

В следующем вопросе респондентам было предложено оценить удобство заполнения электронного журнала и удобство навигации по сайту.

Большинство респондентов оценили удобство заполнения журнала на 4 балла из 5 (40,8 %), 5 баллов поставили 19,7 % респондентов, оценили удобство заполнения на 2 и 3 балла по 15,5 % респондентов и 8,5 % оценили удобство заполнения журнала на 1 балл.

На 4 балла удобство навигации по сайту электронного журнала оценили 38 % респон-

дентов, 26,8 % оценили удобство навигации на 5 баллов, 22,5 % считают, что удобство навигации по сайту набирает 3 балла, на 2 балла оценили удобство навигации 5,6 % респондентов и 7 % склоняются к тому, что пользование сайтом абсолютно неудобно.

Таким образом, можно сделать вывод, что использование электронного журнала в целом не вызывает трудностей у учителей как в заполнении, так и в навигации по сайту.

На вопрос «Сколько времени в день Вы тратите на заполнение электронного журнала?» ответы разделились следующим образом: «От 30 минут до 1 часа» (70,4 %) и «От 1 часа до 2 часов» (29,6 %).

Электронный журнал предоставляет информацию учителям о посещении его родителями учеников. На вопрос о том, следят ли учителя за этим, получены следующие данные: 60 % респондентов не следят за посещением журнала родителями, 18,6 % ответили, что родители посещают журнал лишь раз в месяц, 10 % — что родители посещают журнал раз в две недели, по 5,7 % набрали варианты ответов «Посещают раз в неделю» и «Посещают ежедневно». Из полученных данных можно сделать вывод, что родители учеников не спешат пользоваться электронным журналом, ежедневное посещение отметили только учителя начальных классов.

Также учителям был задан вопрос, используют ли они электронную почту для связи с родителями учеников. Ответы распределились следующим образом: 40,8 % учителей используют электронную почту для связи с родителями учеников, а 59,2 % не используют. В целом необходимо отметить положительную тенденцию к использованию электронных методов обратной связи с родителями учеников.

Следующие вопросы были направлены на выявление дополнительных возможностей в образовательном процессе благодаря использованию ИКТ.

С развитием новых информационно-коммуникационных технологий в школы стремительно начал внедряться Интернет и происходить обновление классов информатики. Респондентам был задан вопрос, доступен ли ученикам и учителям выход в Интернет в школе и в какое время.

Большинство респондентов отметили, что доступ в Интернет возможен во время уроков и после более двух часов (47,9 %). «Интернет доступен только во время уроков» — такой вариант выбрали 40,8 % респондентов. «Интернет доступен во время уроков и после до двух ча-

сов» — такой вариант выбрали только 9,9 % респондентов. Один человек ответил, что не знает, в какое время Интернет доступен в школе.

В школах появляются мультимедийные доски, проекторы и т. п. На вопрос «Используют ли учителя их в своей деятельности?» были получены следующие ответы: 95,8 % респондентов используют мультимедийные доски и оборудование в своей работе и лишь 4,2 % не используют. Можно сделать вывод, что новое оборудование положительно влияет на процесс обучения и учителя используют их ресурс в полном объеме.

На вопрос о посещении компьютерных курсов очно или удаленно ответы распределились следующим образом: 81,4 % респондентов не посещали курсы, посещали различного рода курсы только 18,6 % респондентов. Из них 5,6 % посещали курсы общего пользования персональным компьютером, 1 респондент сам являлся методистом по курсу 1С:Образование и 2 респондента отметили, что посещали курсы 1С.

Последний вопрос был направлен на выяснение того, какие образовательные порталы чаще всего посещают учителя. Полученные данные представлены на рисунке 1.

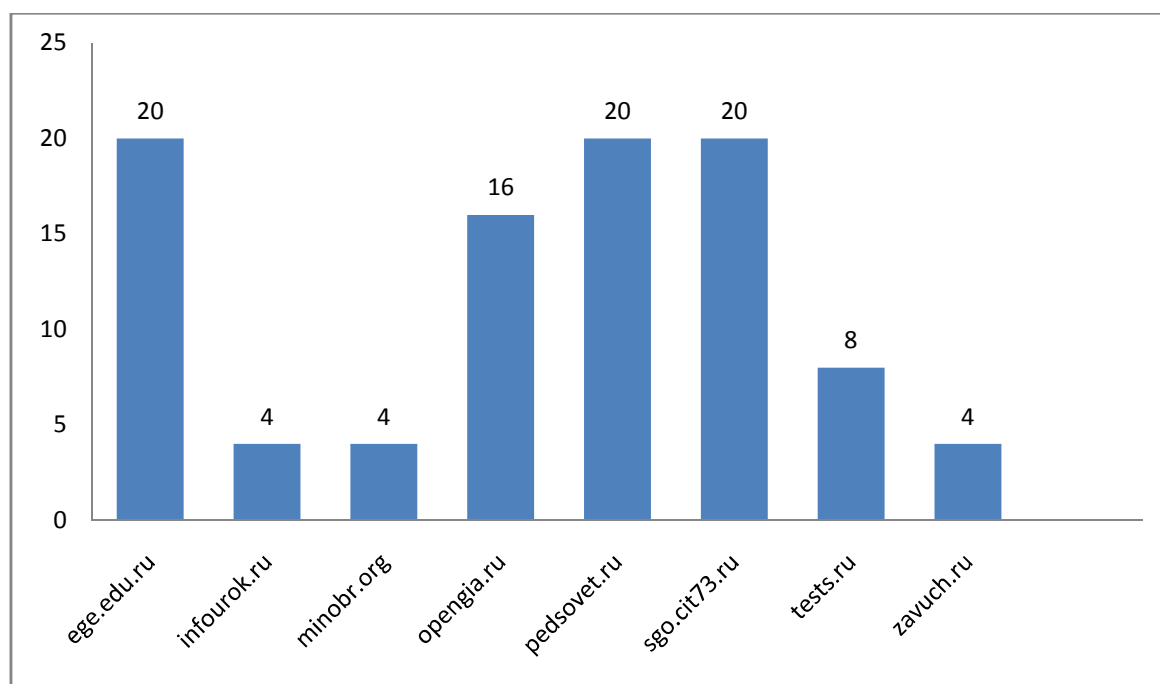

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «Назовите образовательные порталы, интернет-сайты, которые Вы наиболее часто посещаете (например, ege.edu.ru, sgo.cit73.ru, портал Вашей школы)» (%)

Заключение

Таким образом, в ходе исследования было выявлено, что возраст основной части респондентов составляет 41 год и больше, при этом опыт применения ИКТ на уроках у абсолютного большинства был более 3 лет. В учебном процессе учителя используют новую аппаратуру и программное обеспечение практически каждый день (в основном это показ презентаций на уроках). Большинство опрошенных отметили, что необходимо внедрять информационно-коммуникационные технологии на всех уроках, так как доказана их эффективность в процессе обучения.

У учителей периодически возникают сложности при подготовке к уроку с использованием

ИКТ, в основном это касается создания и редактирования электронных таблиц; а создание мультимедийных презентаций не вызывает больших трудностей.

Многие опрошенные учителя отметили, что могут обратиться за помощью к своим коллегам при возникновении трудностей в использовании информационно-коммуникационных технологий. Но для решения вопроса о компьютерной грамотности учителей необходимо проводить курсы повышения квалификации на базе классов информатики в школах, так как большинство отметили, что не имеют возможности записаться на платные курсы. Это же решит проблему с дискомфортом учителей ввиду того, что многие

ученики больше них компетентны в области информационно-коммуникационных технологий.

Неотъемлемой частью образовательного процесса является ведение электронного журнала, и в целом прослеживается положительная тенденция его внедрения. По результатам опроса стало ясно: большинство учителей считают, что благодаря электронному журналу им стало удобнее доводить информацию до родителей учеников, но необходимо наличие обратной связи.

Благодаря развитию ИКТ в школах сейчас есть постоянный доступ в Интернет для учителей и учеников, мультимедийные доски, проекторы. Все это положительно влияет на образовательный процесс. По словам учителей, для них открываются новые горизонты в преподавании материала ученикам.

Можно сказать, что внедрение информационно-коммуникационных технологий в школах положительно влияет на процесс образования во всех его сферах.

Литература

1. Гебриаль В. Н. Информационно-коммуникативные технологии в социальном управлении / В. Н. Гебриаль. — М., 2017. — 23 с.
2. Информационное обеспечение управления. — 2011. — URL: <http://www.inventech.ru/lib/sociolog/sociolog0032> (дата обращения: 03.11.18).
3. Информационно-коммуникационные технологии в государственном и муниципальном управлении. — URL: www.kpfu.ru/informacionno-kommunikacionnye-tehnologii-v-59240.html (дата обращения: 03.11.18).
4. Информационно-коммуникационные технологии как фактор совершенствования государственного регулирования национальной экономики в условиях информационного общества. — URL: www.ifap.ru/library/book368.pdf (дата обращения: 07.11.18).
5. О Едином портале государственных и муниципальных услуг (функций). — URL: <http://www.gosuslugi.ru/pgu/docs/about> (дата обращения: 04.11.18).
6. Роль информационных технологий в повышении эффективности управленческой деятельности в системе государственного управления. — URL: www.rane-brf.ru/conference/2012/danilova.pdf (дата обращения: 07.11.18).
7. Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации, утв. Президентом Российской Федерации 7 февраля 2008 г. № Пр-212 // Российская газета. — 2008. — 16 февр.
8. Тавокин Е. П. Основы социологии управления : учеб. пособие / Е. П. Тавокин, А. И. Турчинов. — М., 2015. — 256 с.
9. Федеральная целевая программа «Электронная Россия (2002—2010 годы)», утв. постановлением Правительства Российской Федерации от 28 января 2002 г. № 65 // СЗ РФ. — 2002. — № 5. — Ст. 531.
10. Электронная Россия. — URL: www.insor-russia.ru/ru/programs/officdoc/1242 (дата обращения: 03.11.18).

INFORMATION AND COMMUNICATION TECHNOLOGIES IN THE SOCIAL SPHERE OF EDUCATION (ON THE EXAMPLE OF THE ULYANOVSK REGION)

T. S. Mitina

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)
tsmitina.ulsu@gmail.com

V. V. Shailiev

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)
thisis.vitalya@yandex.ru

In the transition to a new quality of social and economic relations based on the development of information technologies in the beginning of the XXI century, the task of introducing and using information and communication technologies in the social sphere of Russia becomes important. The Russian Federation lags far behind Western countries in the use of information and communication tools. This is due to such factors as a protracted economic crisis, instability of the economy, low material security of the majority of the population, lack of readiness of the population and authorities to fully automate production processes, etc. However, in all regions of Russia an active process of informatization of different fields of activity is carried out. There are many examples of the use of information and communication technologies in public administration: the creation of e-government, the development of the portal for public services, the use of the Internet and social networks as a feedback channel to the public, etc. In the past twenty years, there has been a widespread use of information technology in all spheres of public life throughout the world, which is caused by the high speed of technical progress. This phenomenon entails changes in those areas of activity where it is most widely used. This article will consider the use of information and communication technologies in the social sphere, their effectiveness and rationality.

Key words: information and communication technologies, information society, education, social sphere, system of government.

References

1. Gebrial V. N. (2017) Informatsionno-kommunikatsionnye tekhnologii v sotsialnom upravlenii [Information and communication technology in social management]. Moscow, 23 p.
2. Informatsionnoe obespechenie upravleniya [Information support of management]. URL: <http://www.inventech.ru/lib/sociolog/sociolog0032> (access date: 03.11.18).
3. Informatsionno-kommunikatsionnye tekhnologii v gosudarstvennom i muntscipalnom upravlenii [Information and communication technology in state and municipal administration]. URL: www.kpfu.ru/informacionno-kommunikacionnye-tehnologii-v-59240.html (access date: 03.11.18).
4. Informatsionno-kommunikatsionnye tekhnologii kak factor sovershenstvovaniya gosudarstvennogo regulirovaniya natsionalnoy ekonomiki v usloviyah informatsionnogo obshchestva [Information and communication technology as a factor of improving state regulation of national economics in the conditions of information support]. URL: www.ifap.ru/library/book368.pdf (access date: 07.11.18).
5. O edinom portale gosudarstvennykh i munitsipalnykh uslug (funktsiy) [On the state and municipal services portal]. URL: <http://www.gosuslugi.ru/pgu/docs/about> (access date: 04.11.18).
6. Rol informatsionnykh tekhnologiy v povyshenii effektivnosti upravlencheskoy deyatel'nosti v sisteme gosudarstvennogo upravleniya [Role of information technology in the performance improvement of management activity in the administration system]. URL: www.rane-brf.ru/conference/2012/danilova.pdf (access date: 07.11.18).
7. Strategiya razvitiya informatsionnogo obshchestva v Rossiyskoy Federatsii, utv. Prezidentom Rossiyskoy Federatsii 7 fevralya 2008 g. № Pr-212 [Development strategy of information society in the Russian Federation approved by the President of The Russian Federation]. Rossiyskaya gazeta. 2008. 16 fevr.
8. Tavokin E. P., Turchinov A. I. (2015) Osnovy sotsiologii upravleniya: Uchebnoe posobie [Fundamentals of management sociology: study guide]. Moscow, 256 p.
9. Federalnaya tselevaya programma «Elektronnaya Rossiya (2002—2010 gody)», utv. Postanovleniem Pravitelstva Rossiyskoy Federatsii ot 28 yanvarya 2002 g. № 65 [Federal Target Program "Electronic Russia (2002—2010) approved by Decree of the government of the Russian Federation from 28 January 2002 No. 65]. SZ RF. 2002. N 5. St. 531.
10. Elektronnaya Rossiya [Electronic Russia]. URL: www.insor-russia.ru/ru/programs/officdoc/1242 (access date: 03.11.18).

И. В. Михайлова

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
44kd11@gmail.com

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ СПЛОЧЕННОСТИ ВНОВЬ ФОРМИРУЕМЫХ КОМАНД*

В статье приводится собственное эмпирическое исследование по изучению социально-психологического тренинга как условия формирования сплоченности вновь формируемых команд в организациях. По итогам проведенного эмпирического исследования выдвинута гипотеза о том, что социально-психологические тренинги могут быть эффективным средством формирования сплоченности сотрудников организации, подтвердилась. В исследовании были использованы метод эксперимента и диагностический метод. Первоначально была проведена первичная диагностика уровня сплоченности и психологического климата сотрудников вновь созданных отделов организаций, затем тренинговая программа с экспериментальной группой, а затем вторичная диагностика обеих групп. Проанализировав результаты исследования и проверив их статистическую значимость, мы получили значимые различия по параметрам групповой сплоченности и оценку психологического климата до и после тренинговых занятий в экспериментальной группе. В группе, в которой тренинг не проводился, изменения тоже произошли в положительную сторону, но все эти сдвиги были незначимыми.

Результаты данной работы катализируют ряд исследований в области социальной психологии, связанных с организацией деятельности сотрудников, работающих удаленно и взаимодействующих с коллегами и руководителем через виртуальную среду.

Ключевые слова: сплоченность как динамический процесс малой группы, реальная развивающаяся группа, команда, психологический климат, социально-психологический тренинг.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ и областного бюджета Ульяновской области, грант № 18-413-730015 «Когнитивные атрибуты групповых феноменов информационной среды в контексте социокультурных вызовов на территории Ульяновской области».

В условиях ужесточающейся конкуренции и динамично меняющейся конъюнктуры рынка неотъемлемым требованием выживания и развития организации является всесторонняя и непрерывная забота о повышении эффективности ее деятельности. Одним из весомых факторов повышения такой эффективности является сплоченность команды. Особенно важно уделить внимание формированию этого свойства во вновь создаваемых организациях.

В последнее время на территории Ульяновской области на площадях зоны экономического развития создается множество средних и крупных предприятий и заботе о сплоченности команд уделяется пристальное внимание.

Особо следует сказать об организациях, имеющих большое количество филиалов и/или сотрудников, работающих удаленно. Такие организации даже больше сконцентрированных географически предприятий нуждаются в мак-

симальной «притертости» ее работников, чтобы обеспечить согласованность действий без очного контакта. Организация такой виртуализированной сплоченности стала актуальна как никогда с появлением возможностей быстрого общения с визуализацией и имитацией личного присутствия. Эти же возможности дают потенциал для разработки новых механизмов сплачивания коллективов в виртуальной среде.

Нами предполагается изучение социально-психологических условий сплочения команд (групп, коллективов) на основе сравнения их эффективности. В данной части представлено исследование на примере очного участия и попытка обозначить возможные способы сплочения без личного присутствия.

Объектом исследования выступает сплоченность группы, а предметом исследования являются социально-психологические условия сплоченности групп в организации. В качестве

гипотезы выступило предположение, что социально-психологические тренинги могут быть эффективным средством формирования сплоченности сотрудников организации (команды).

Первый этап исследования состоял из теоретического анализа литературных источников по проблемам, связанным с групповой сплоченностью работников предприятий.

Выделяют три подхода к пониманию сущности групповой сплоченности.

Первое направление: под сплоченностью понимается преимущественно эмоционально-психологическая привлекательность участников малой группы [2, 6, 7]. Во втором направлении групповая сплоченность понимается как ценностно-ориентационное единство [1]. Третье направление понимает групповую сплоченность как набор поведенческих актов, которые и формируют оптимальное внутригрупповое взаимодействие [10].

Говоря о развитии сплоченности, необходимо затронуть проблему общения, а именно проблему межличностных отношений [1, 10]. Развитие межличностных отношений в группе зависит от ряда факторов. Выделяют когнитивные факторы [5, 9, 11], признаки по отношению к коллегам, по уровню коммуникативного навыка персонала организации и т. д. [8].

В психологической литературе отмечается, что социально-психологический тренинг катализирует положительную динамику сплоченности [3, 4]. Нами социально-психологический тренинг был использован для достижения цели по формированию сплоченности персонала предприятия.

В эмпирическом исследовании использовались следующие **методы**:

1. Формирующий эксперимент.
2. Психодиагностические методы:
 - методика «Индекс групповой сплоченности» Сишор К. Э. в адаптации Фетискина Н. П., Козлова В. В., Мануйлова Г. М.;
 - метод «Определение психологического климата» Лутошкина Л. Н.
3. Статистические методы обработки данных:
 - критерий Вилкоксона для выявления изменений в сплоченности группы, сотрудники которой участвовали в тренинговой программе, и испытуемых, которые данную тренинговую программу не проходили;
 - критерий Манна-Уитни для определения различий между результатами испытуемых двух групп.

Исследование проводилось на базе ООО «ЗМКД» и ИП Митрофанов И. В. (г. Ульяновск), в которых открывались вакансии во вновь формируемых отделах.

В исследовании приняли участие 28 человек вновь формируемых отделов. Возрастные рамки сотрудников, участвующих в исследовании, — от 21 до 59 лет, причем большая часть (53 %) — до 39 лет.

В *первую, экспериментальную, группу* вошли 15 человек, из которых мужчины составляли 73 %, женщины — 27 %.

Во *вторую, контрольную, группу* вошли 13 человек, из которых 61,5 % — мужчин и 38,5 % — женщин.

Сотрудники обеих организаций занимаются контролем экономических показателей, проводят входящие и исходящие товарные группы, обеспечивают функционирование организации со стороны финансовых показателей, формируют отчетность и занимаются планированием.

Вторым этапом было проведение первичных диагностических процедур исследования по уровням сплоченности у работников исследуемого отдела.

Первая методика, предложенная испытуемым, — «Методика определения индексов групповой сплоченности» (Сишор К. Э.).

После обработки результатов по первичной диагностике получены следующие баллы (табл. 1):

Таблица 1

Выявление различий в групповой сплоченности по результатам первичной диагностики по методике определения индексов групповой сплоченности Сишора К. Э. при помощи критерия Манна-Уитни

Показатель уровня групповой сплоченности	1 группа (ЭГ)	2 группа (КГ)	Уэмп
Ниже среднего	67	70	76,5
Средний	27	24	81
Выше среднего	6	5	81,5

Как было установлено в процессе исследования, показатели сплоченности у испытуемых двух групп по результатам первичной диагностики незначимо отличаются друг от друга, т. е. мы можем уверенно сказать, что показатель сплоченности у двух групп одинаков.

На основании полученных результатов можно однозначно констатировать, что на момент тестирования рабочие группы были разобщены и не являлись сплоченными.

Следующим шагом исследования явилось изучение психологического климата подопытной группы коллектива с помощью метода «Карта-схема оценки психологического климата» (Лутошкин Л. Н.).

Первичная диагностика продемонстрировала (табл. 2), что показатели уровня оценки психологического климата у испытуемых двух групп незначимо отличаются друг от друга, т. е. можно с уверенностью сказать, что показатель психологического климата у двух групп одинаково низкий.

Таблица 2

Выявление различий в уровне психологического климата по результатам первичной диагностики по схеме оценки психологического климата Лутошкина Л. Н. при помощи критерия Манна-Уитни

Показатель уровня оценки психологического климата	1 группа (ЭГ)	2 группа (КГ)	Уэмп
Оценка психологического климата	14,7	13,9	81,5

Третьим этапом стало проведение тренинга с экспериментальной группой. Мы проверяли таким образом гипотезу, что социально-психологические тренинги могут быть эффективным средством формирования сплоченности сотрудников организации.

Чтобы удостовериться, что именно тренинговая программа способствует более эффективному сплочению сотрудников, мы провели разработанный психологический тренинг только с частью испытуемых (экспериментальная группа), а вторая половина сотрудников не участвовала в данной тренинговой программе (контрольная группа).

Четвертый этап. После того как был проведен социально-психологический тренинг, разработанный с учетом целевых особенностей группы, нами была осуществлена повторная диагностика. Проанализировав ее результаты и проверив их статистическую значимость t-критерием Вилкоксона и критерием Манна-Уитни, мы убедились в том, что достигли значимых различий по параметру «групповая сплоченность». Результаты представлены в таблице 3.

Таблица 3

Выявление различий в групповой сплоченности по результатам вторичной диагностики по методике определения индексов групповой сплоченности Сисора К. Э. при помощи критерия Манна-Уитни

Показатель уровня групповой сплоченности	1 группа (ЭГ)	2 группа (КГ)	Уэмп
Ниже среднего	13	55	2,5**
Средний	74	32	53,5*
Выше среднего	13	4	81

* значимое различие при $p \geq 0,05$;

** значимое различие при $p \geq 0,01$.

Полученные результаты демонстрируют, какие изменения произошли в уровне групповой сплоченности у работников предприятия, участвующих в программе, после того как был проведен тренинг, и у испытуемых, с которыми тренинговые занятия не проводились.

Таким образом, мы видим, что по истечении одного и того же времени две группы показали различия в уровне сплоченности. Испытуемые первой группы уже вышли на средний уровень сплоченности, т. е. они стали теснее общаться и эффективнее взаимодействовать друг с другом. Испытуемые второй группы остались на низком уровне сплоченности — у них по-прежнему нет тесных межличностных отношений и общегрупповой деятельности.

Статистическая значимость для изменений выявляемых особенностей участников тренинга изучалась при помощи t-критерия Вилкоксона. Нами были выявлены значимые различия в уровне сплоченности у работников отдела до и после тренинговых занятий, однако не было выявлено достоверных различий в уровне групповой сплоченности у испытуемых второй, контрольной, группы, которые не проходили тренинговую программу, но которые, как и испытуемые первой группы, продолжали общаться на работе.

Таким образом, мы достоверно установили, что прохождение тренинговой программы является условием сплоченности вновь формируемых коллективов.

Следующим шагом во вторичной диагностике стало исследование психологического климата в данной группе с помощью метода «Карта-схема оценки психологического климата» (Лутошкин Л. Н.).

Результаты вторичной диагностики представлены (в баллах) в таблице 4.

Таблица 4

Выявление различий в уровне психологического климата по результатам вторичной диагностики по схеме оценки психологического климата Лутошкина Л. Н. при помощи критерия Манна-Уитни

Показатель уровня оценки психологического климата	1 группа (ЭГ)	2 группа (КГ)	Уэмп
Оценка психологического климата	24	15	54*

* значимое различие при $p \geq 0,05$.

Мы видим, что по истечении одного и того же времени две группы продемонстрировали различие в уровне психологического климата. Испытуемые первой группы начали чувствовать себя более или менее расслабленно в коллективе.

ве, а испытуемые второй группы по-прежнему насторожены и чувствуют неловкость в обществе друг друга.

Затем мы сравнили первичную и вторичную диагностику по методике «Карта-схема оценки психологического климата» Лутошкина Л. Н. с использованием критерия Вилкоксона для выявления достоверности изменения уровня психологического климата в экспериментальной группе после проведения тренинговой программы. Результаты проверки оказались значимыми в случае экспериментальной группы и незначимыми в случае контрольной группы, хотя положительные сдвиги тоже намечаются.

Таким образом, наша гипотеза, что социально-психологические тренинги могут быть эффективным средством формирования сплоченности сотрудников организации, подтверждается.

В качестве рекомендаций хочется предложить при образовании рабочего отдела выделять специальные дни тренингов, что поможет сплоченности группы и повысит эффективность профессиональной деятельности.

По результатам исследования возможны мероприятия, проводимые кадровыми службами и службами психологического сопровождения в организации, цель которых будет состоять в формировании сплоченности работников организации.

Литература

1. Андреева Г. М. Социальная психология: новый журнал и новые перспективы / Г. М. Андреева // Социальная психология и общество. — 2010. — № 1. — С. 4—12.
2. Ванюхина Ю. В. Сплоченность трудового коллектива / Ю. В. Ванюхина, Н. В. Кожухова // Проблемы и перспективы развития экспериментальной науки : сб. ст. Междунар. науч.-практич. конф. : в 5 ч. — Уфа, 2018. — С. 64—69.
3. Васильева Е. А. Формирование социально-психологического климата в коллективе педагогов / Е. А. Васильева // Психология, социология и педагогика. — 2018. — № 1(76). — С. 5.
4. Горохов А. Ю. Технологический тренинг как метод повышения групповой сплоченности / А. Ю. Горохов // Матрица научного познания. — 2017. — № 3. — С. 346—350.
5. Емельяненко А. В. Когнитивные атрибуты копинг-стратегий личности / А. В. Емельяненко // Психология состояний человека: актуальные теоретические и прикладные проблемы : материалы Третьей Междунар. науч. конф. / отв. ред. Б. С. Алишев, А. О. Прохоров, А. В. Чернов. — 2018. — С. 191—194.
6. Журавлев А. Л. Социальная психология : учеб. пособие / отв. ред. А. Л. Журавлев. — М. : ПЕР СЭ, 2002. — 351 с.
7. Мокшанцев Р. Социальная психология / Р. Мокшанцев, А. Мокшанцева. — Новосибирск : Сибирское соглашение ; Инфра-М, 2001. — 178 с. — (Сер. Высшее образование).
8. Подавалова М. А. Сплоченность персонала как фактор повышения эффективности деятельности работников / М. А. Подавалова // Актуальные вопросы экономики и социологии / Ин-т экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения РАН. — 2018. — С. 227—229.
9. Седунова А. С. Когнитивные предпосылки взаимодействия в информационной среде у студентов вуза / А. С. Седунова // Общество: социология, психология, педагогика. — 2018. — № 9. — С. 63—66.
10. Социальная психология. Практикум : учеб. пособие / Г. М. Андреева, Е. А. Аксенова, Т. Ю. Базаров, Г. Т. Базарова, И. Б. Бовина. — М., 2009.
11. Masalimova A. R. The interrelation between cognitive styles and copying strategies among student youth / A. R. Masalimova, M. N. Mikhaylovsky, A. V. Grinenko, M. E. Smirnova, L. B. Andryushchenko, M. A. Kochkina, I. G. Kochetkov // Eurasia Journal of Mathematics, Science and Technology Education. — 2019. — Т. 15, № 4.

SOCIAL AND PSYCHOLOGICAL CONDITIONS OF COHESION OF NEWLY FORMED TEAMS

I. V. Mikhailova

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)

44kd11@gmail.com

This article presents its own empirical study of social and psychological training as a condition for the formation of cohesion of newly formed teams in organizations. According to the results of the empirical research the author verifies the hypothesis that social and psychological training can be an effective means of building cohesion among the organization's employees. The author used the experimental and diagnostic methods in the research. Initially, a primary diagnosis of the level of cohesion and psychological climate of the staff of the newly created departments of organizations was carried out, then a training program was conducted with the experimental group. After that a secondary diagnosis of both groups was carried out. After analyzing the results of the study and checking their statistical significance the author revealed significant differences in the parameters of group cohesion and the assessment of the psychological climate before and after the training sessions in the experimental group. In the group in which the training was not conducted, the changes also have taken place in a positive way, but all these changes were not significant.

The results of this work catalyze a number of studies in the field of social psychology related to the organization of the activities of employees working remotely and interacting with colleagues and managers through a virtual environment.

* Grant-supported by the Russian Foundation for Basic Research and regional budget of the Ulyanovsk region № 18-413-730015 "Cognitive attributes of group phenomena of the information environment in the context of socio-cultural challenges in the territory of the Ulyanovsk region".

Key words: cohesion as a dynamic process of a small group, a real developing group, a team, psychological climate, social and psychological training.

References

1. Andreeva G. M. (2010) Sotsialnaya psihologiya: novyj zhurnal i novye perspektivy [Social psychology: a new journal and new perspectives]. Sotsialnaya psihologiya i obshchestvo, (1), p. 4—12.
2. Vanyukhina Yu. V., Kozhukhova N. V. (2018) Splochnost trudovogo kollektiva [The cohesion of the workforce]. Problemy i perspektivy razvitiya eksperimentalnoy nauki: collection of articles of the International Scientific and Practical Conference. Ufa, p. 64—69.
3. Vasilyeva E. A. (2018) Formirivanie sotsialno-psihologicheskogo klimata v kollektive pedagogov [Formation of the socio-psychological climate in the team of teachers]. Psihologiya, sotsiologiya i pedagogika, 1(76), p. 5.
4. Gorokhov A. Yu. (2017) Tekhnologicheskiy trening kak metod povysheniya gruppovoy splochnosti [Technological training as a method of increasing group cohesion]. Matritsa nauchnogo poznaniya, (3), p. 346—350.
5. Emelyanenkova A. V. (2018) Kognitivnye atributy koping-strategiy lichnosti [Cognitive Attributes of the Coping Strategies of the Person]. The Psychology of Human States: Actual Theoretical and Applied Problems: materials of the Third International Scientific Conference (Alishev B. S., Prokhorov A. O., Chernov A. V.), p. 191—194.
6. Zhuravlev A. L. (2002) Sotsialnaya psihologiya: ucheb. posobie [Social Psychology: study guide]. Moscow: PER SE, 351 p.
7. Mokshantsev R., Mokshantseva A. (2001) Sotsialnaya psihologiya [Social psychology]. Sibirskoe soglasenie, Infra-M, 178 p. (Series: Higher Education).
8. Podavalova M. A. (2018) Splochnost personala kak factor povysheniya effektivnosti deyatel'nosti rabotnikov [The cohesion of the staff as a factor in improving the efficiency of workers]. In the collection: Current issues of economics and sociology Institute of Economics and Industrial Production Organization, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, p. 227—229.
9. Sedunova A. S. (2018) Kognitivnye predposylki vzaimodeystviya v informatsionnoy srede u studentov vuza [Cognitive prerequisites for interaction in the information environment of university students]. Obshchestvo: sotsiologiya, psihologiya, pedagogika, (9), p. 63—66.
10. Andreeva G. M., Aksenova E. A., Bazarov T. Yu., Bazarova G. T., Bovina I. B. (2009) Sotsialnaya psihologiya. Praktikum [Social psychology. Practicum]. Moscow.
11. Masalimova A. R., Mikhaylovsky M. N., Grinenko A. V., Smirnova M. E., Andryushchenko L. B., Kochkina M. A., Kochetkov I. G. (2019) The interrelation between the cognitive styles and copyright strategies among student youth. Eurasia Journal of Mathematics, Science and Technology Education, vol. 15, N 4.

А. С. Седунова

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
asedunova@mail.ru

М. А. Эсмантова

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
mari.esmantova@mail.ru

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОТНОШЕНИЯ К БОЛЕЗНИ

В статье обсуждаются результаты эмпирического исследования психологических характеристик отношения к болезни, выполненного в 2018 году. В диагностическом срезе, проведенном на базе ФКУ «Главное бюро медико-социальной экспертизы по Ульяновской области», рассматривались особенности характеристик мировоззрения и самоотношения больных с вегетативными дисфункциями. Методы исследования позволили выявить качественные и количественные показатели особенностей отношения к болезни у мужчин и женщин. Исследование является поисковым, т. е., по В. Н. Дружинину, проведено с целью уточнения проблемы, более корректной постановки задач и выдвижения обоснованных гипотез. Было сделано предположение, что в картине отношения к болезни будут проявляться как индивидуально-психологические, так и социально-психологические характеристики испытуемых. Были рассмотрены три группы показателей, позволяющих оценить тип отношения к болезни, характеристики эмоциональной направленности личности и дать субъективную оценку собственного здоровья. В результате применения методов сравнительной статистики для малых выборок были выявлены значимые различия по ряду показателей: типы отношения к болезни и характеристики эмоциональной направленности личности. Для уточнения гипотез дальнейшего исследования и их операционализации был проведен корреляционный анализ рассматриваемых характеристик. Полученные результаты позволили выявить различия ряда характеристик мировоззрения и отношения к болезни для мужчин и женщин с вегетативными дисфункциями.

Ключевые слова: отношение к болезни, эмоциональная направленность, субъективная оценка здоровья, вегетативный фактор.

ВВЕДЕНИЕ

Традиционно в качестве предпосылок отношения к болезни выделяют две группы факторов: социально-конституциональные (пол, возраст, профессиональная группа) и индивидуально-типологические (Г. С. Никифоров и др.). Ревизия исследований, посвященных проблеме отношения к болезни, включает труды врачей, психиатров, физиологов, таких как Н. И. Пирогов, В. М. Бехтерев, С. П. Боткин, Ч. Ломброзо. Из современных ученых это А. Ш. Тхостов, Г. А. Арина, В. В. Николаев, А. Е. Личко, Н. Я. Иванова и др. [1, с. 5]. Особый вклад в изучение психологических предиктов отношения к болезни принадлежит концепции отношений В. Н. Мясищева. Выделяя три смысловых компонента в структуре отношения, он показывает роль каждого — конативного, эмоционального, когнитивного — как определяющего реакции по совладанию с ситуацией болезни. На эмоциональном

уровне — переживание и эмоциональное отреагирование; на мотивационно-поведенческом — адаптация и дезадаптация к ситуации болезни, ролевые установки и ожидания; на когнитивном — знание о болезни, предполагаемые варианты развития заболевания и возможность выздоровления.

Уже в классических трудах XX века установлена взаимосвязь между наличием заболевания и результативностью терапии. Однако не определен внутриличностный механизм, который посредством включения соматической составляющей организма может способствовать благоприятному исходу лечения. Факт наличия вегетативного заболевания может оказывать непосредственное влияние на личность индивида, изменяя и трансформируя мировоззренческие и личностные установки. Рядом исследований было подтверждено, что в период обострения сердечно-сосудистых заболеваний или

послеоперационных вмешательств происходят определенные физиологические изменения в организме, что в свою очередь выступает в качестве стрессогенного обстоятельства. Однако сам характер протекания болезни и успешность ее лечения очень часто зависят от общего эмоционального фона человека и его отношения к своему заболеванию [16, с. 85]. В работе Прессмана и Козна в 2005 году было выявлено, что позитивная эмоциональная направленность личности коррелирует с болевыми ощущениями и изменением болевого порога в сторону ослабления [11, с. 32]. В 2015 году в клиниках Европы и США было проведено еще одно масштабное исследование общей выборкой в 6025 человек с заболеванием муковисцидоз. Наличие депрессивной симптоматики было обнаружено у 29 % респондентов, повышенная тревожность — у 54 % испытуемых [18].

В своей работе мы решили исследовать роль ряда характеристик мировоззрения и самооотношения больных с вегетативными дисфункциями:

— определить типы отношения к заболеванию у мужчин и женщин;

— рассмотреть эмоциональную направленность людей с вегетативными дисфункциями.

МЕТОДИКА ПРОВЕДЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследование проводилось на базе ФКУ «Главное бюро медико-социальной экспертизы по Ульяновской области». Общая численность выборки составила 20 человек — 10 мужчин и 10 женщин (все испытуемые имели инвалидность по заболеваниям, связанным с сердечно-сосудистой системой). Ограничения по составу выборки были связаны с особенностью условий (добровольное участие) и целью исследования (уточнение проблемы, более корректная постановка задач и выдвижение обоснованных гипотез).

Было сделано предположение, что в картине отношения к болезни будут проявляться как индивидуально-психологические, так и социально-психологические характеристики испытуемых. Роль болезни в разных сферах социального статуса человека и уровне его притязаний определялась с помощью методики А. И. Сердюка. В том числе предполагалось, что у мужчин отношение к болезни будет отличаться тревожностью, мнительностью, иметь завышенную степень ипохондричности, а также будет проследиваться тенденция «уход от болезни в работу». Для женщин будет присущ более высокий уровень выраженности эгоцентрических устано-

вок, меланхоличности, при этом раздражительность и агрессивность в отношении собственного заболевания будут выше, чем у мужчин. Кроме того, мы предположили, что обе категории будут отличаться заниженным уровнем общей эмоциональной направленности личности и неадекватными показателями по субъективному отношению к своему заболеванию.

Психодиагностический инструментарий составили следующие методики:

1. «Тип отношения к болезни» — ТОБОЛ (ранее — личностный опросник Бехтеревского института), авторы Л. И. Вассерман, А. Я. Вукс.

2. Опросник «Определение общей эмоциональной направленности личности», автор Б. И. Додонов.

3. Клинико-психологическая методика А. И. Сердюка.

Обработка и визуализация результатов исследования проводились с помощью статистических пакетов Microsoft Office Excel 2007 и IBM SPSS Statistics 13.0 [14, с. 26]. Были применены методы описательной статистики, сравнительной статистики для малых выборок (U-критерий Манна-Уитни) и проведен корреляционный анализ (коэффициент рангов Ч. Спирмена). А. Д. Наследов отмечает, что расчет коэффициента ранговой корреляции Спирмена возможен для малых выборок от 5 респондентов [10, с. 363], однако с учетом малого объема выборки необходимо скорректировать выводы и установить уровень значимости взаимосвязи не менее $p < 0,01$.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Анализ описательной статистики показал, что наиболее высокие средние баллы зафиксированы по шкале тревожности. Из гистограммы (рис. 1) видно, что у мужчин тревожность значительно выше, чем у женщин. Это может говорить о том, что мужчины наиболее беспокоятся в отношении своего здоровья. Тревожность, испытываемая человеком, зачастую является следствием негативного пережитого опыта, связанного с тем или иным объектом или ситуацией [8, с. 141].

Самые низкие показатели — по шкале типа «Сенситивный» у мужской выборки; женщины же в значительной степени превышают этот показатель мужчин, т. е. можно предположить, что женщины больше озабочены мнением окружающих и социальной средой. Самый высокий показатель среди женской выборки — по шкале анозогнозического типа реагирования (рассматривается как адаптивный компонент отношения к заболеванию) [3, с. 7].

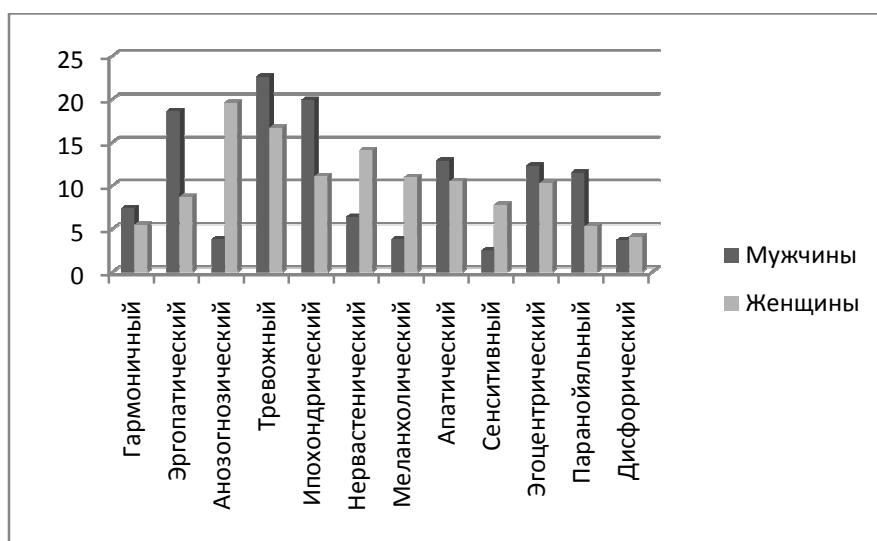

Рис. 1. Средние показатели по методике «Типы отношения к заболеванию» (баллы)

Это может свидетельствовать о том, что женщины не принимают себя «больными», всячески отрицают факты заболевания. У мужчин же данный показатель значительно ниже женского, что может расцениваться следующим образом: сильный пол принимает свое заболевание, а если еще обратить внимание на шкалу «Гармоничный», то можно сделать предварительный вывод о том, что отношение мужчин к заболеванию более адекватно и реалистично, чем у женщин, однако отягощено тревожными состояниями [4, с. 14]. Эгоцентрические тенденции женщин не выражены, что противоречит гипотезе. Достаточно высокие показатели среди мужской выборки по шкалам типов «Эргопатический» и «Ипохондрический». Мы склонны объяснять это тем, что мужчины имеют тенденцию уходить в работу, независимо от тяжести заболевания и высокой степени беспокойства в отношении своего здоровья.

Далее мы провели анализ показателей эмоциональной направленности. Эмоциональная направленность личности — это ориентация чувств и переживаний, эмоционально направленная деятельность индивида [13]. Направленность эмоционального репертуара личности характеризуется теми чувствами и переживаниями, которые индивид испытывает чаще всего. Автор опросника Б. И. Додонов связывает эмоциональную направленность с ценностной сферой личности, т. е. это те эмоции, которые для индивида наиболее ценны (ценные эмоции) и позволяют удовлетворить те или иные психологические потребности [6, с. 289].

Наивысший показатель по опроснику «Определение общей эмоциональной направленности» имеет мужская выборка по шкале «Гедонистическая» (рис. 2). Это может говорить о том, что мужчины больше ориентированы на физическое удовольствие (например, еда, сон, комфорт и т. д.). Самые низкие показатели также у мужчин по шкалам «Романтическая» и «Эстетическая». Мужчины меньше женщин нуждаются в «чувстве возвышенности», в чем-то необычном и тайном. Более детально говорить о причинах таких показателей не представляется возможным, так как наш инструментарий не предусматривает анализ в данном направлении.

Самые высокие показатели среди женской выборки мы получаем по шкале «Эстетическая» — можно считать, что эмоциональная направленность женщин носит эстетический характер, т. е. человек отсюда получает свою эмоциональную ресурсность. Однако заниженные показатели по шкале «Коммуникативная» могут говорить о том, что люди с ограниченными возможностями (обе выборки) стараются абстрагироваться от общения и переживаний других людей или делают это неосознанно, не стремятся к общению и предпочитают более уединенное времяпрепровождение (мужчины в большей степени). Самый низкий показатель у женщин — по шкале «Гностическая», т. е. низкая потребность в познании, если не сказать, что отсутствует вовсе. Исходя из средних значений по опроснику А. И. Сердюка, можно сделать вывод, что субъективное восприятие степени влияния вегетативного статуса на жизнь в целом незначительно выше у мужчин (рис. 3).

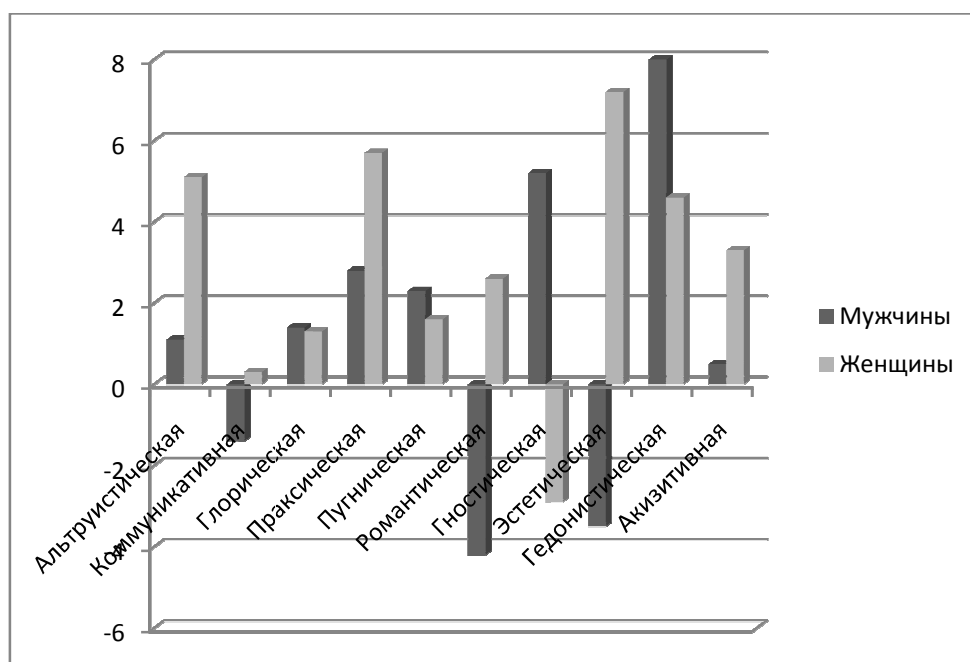

Рис. 2. Средние показатели по опроснику
«Определение общей эмоциональной направленности» (баллы)

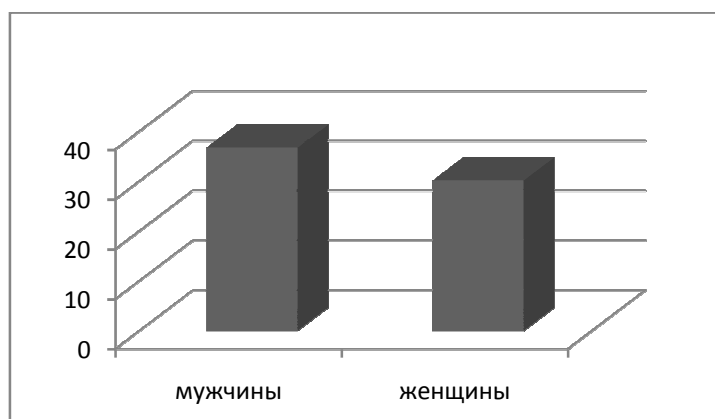

Рис. 3. Средние показатели по опроснику А. И. Сердюка (баллы)

Если же оценивать картину в целом по опроснику Сердюка, то обе выборки имеют некоторое завышенное отношение к своему здоровью, что противоречит их соматическому статусу, т. е. имеют место гипосоматозогнозные признаки [12, с. 42]. Мы склонны интерпретировать полученные данные как неадекватное отношение респондентов к своему здоровью, что подтверждает нашу гипотезу.

Таким образом, обобщая полученные в ходе первого этапа исследования данные, мы приходим к предварительному выводу: субъективное отношение к болезни у инвалидов имеет показатели выше средних, которые мы склонны

интерпретировать как неадекватно завышенные, что подтверждает гипотезу.

По результатам расчета непараметрического U-критерия Манна-Уитни по методике ТОБОЛ мы получили значимые показатели по шкалам «Эргопатический», «Анозогнозический», «Тревожный», «Ипохондрический». Также значимые показатели получили по шкалам «Меланхолический», «Апатический» и «Паранойяльный». Таким образом, здесь можно судить о том, что поставленная нами гипотеза в данном случае подтверждается: в отношении собственного заболевания и состояния в целом мужчины более тревожны и ипохондричны; это может послу-

жить еще одним фактором патогенеза заболевания [18]. Значимый коэффициент «Эргопатический» также частично подтверждает нашу гипотезу. Высокий показатель по шкале «Анозогнозический» у женщин может свидетельствовать о том, что они отрицают наличие собственного заболевания. Здесь также можно говорить о психологической защите — избегание, когда индивид стремится оградить сферу сознания от негативных, травмирующих переживаний [7, с. 10]. Рассчитав U-критерий Манна-Уитни по опроснику «Определение общей эмоциональной направленности личности», мы получили значимые различия по шкалам «Альтруистическая», «Праксическая», «Романтическая», «Гностическая», «Эстетическая», «Гедонистическая», «Акизитивная». Альтруистическая эмоциональная направленность у женщин в значительной степени превышает этот показатель у мужчин. Рассчитав U-критерий Манна-Уитни по опроснику Сердюка, мы получили незначимые различия.

Далее был проведен анализ корреляции Спирмена в программе IBM SPSS Statistic [14, с. 27]. Мы решили выявить, с чем же могут быть связаны высокие показатели у мужчин по шкалам «Эргопатический», «Тревожный», «Ипохондрический». Были установлены следующие связи: «Эргопатический» тип (стремление уходить от болезни в работу) имеет значимую положительную корреляцию на уровне $p \leq 0.01$ со шкалой «Пугническая эмоциональная направленность». Другими словами, стремление уйти от болезни в работу сильнее у мужчин с выраженной потребностью к борьбе, к преодолению препятствий и опасности. Далее мы предположили, что, возможно, высокий показатель по шкале «Тревожный» может быть связан со шкалой «Сенситивный». Была выявлена отрицательная значимая корреляция на уровне $p \leq 0.01$ внутри одной методики. Это может свидетельствовать о том, что сенситивность является неким определяющим фактором высоких показателей по шкале тревожности. Ипохондричность значимо отрицательно коррелирует со шкалой «Эргопатический». Данную связь можно проинтерпретировать следующим образом: чем выше ипохондрические тенденции индивида, тем менее выражено будет стремление работать и заниматься какой-либо деятельностью. Мы проследили отрицательную значимую корреляцию ипохондрии со шкалой дисфорического типа отношения. Чем выше ипохондрический тип у человека, тем менее выражена будет агрессия в отношении здоровых людей. Выявлена значимая отрицательная корреляция на уровне

$p \leq 0.05$, говорящая нам о том, что чем больше будет удовлетворяться потребность индивида в комфорте и еде, тем ниже будут показатели по шкале «Меланхолический».

Проведя корреляционный анализ Спирмена по женской выборке, мы выявили, что «Анозогнозический» тип реагирования значимо отрицательно коррелирует с типом реагирования «Ипохондрический» на уровне $p \leq 0.05$. Активное принятие факта заболевания может снижать мнительные тенденции личности и минимизировать чрезмерное сосредоточение на своем болезненном состоянии [2, с. 162]. Была выявлена значимая отрицательная корреляция со шкалой «Паранойяльный» с анозогнозическим. Из этого следует: повышение переменной анозогнозического типа реагирования влечет за собой уменьшение переменной паранойяльного типа реагирования, тем самым активное отбрасывание мыслей о заболевании, вероятно, позволяет женщинам «не накручивать» мысли о первопричинности своего заболевания. Значимая положительная корреляция между шкалой «Тревожный» и эстетической эмоциональной направленностью еще раз подтверждает наше предположение о том, что положительная эстетическая эмоциональная направленность является хорошей ресурсной базой личности. Положительная корреляция шкалы «Неврастенический» со шкалой гедонистической эмоциональной направленности на уровне $p \leq 0.05$ может говорить нам о том, что при повышении степени невротизации женщины, вероятно, испытывают потребность в комфорте.

Далее мы провели корреляционный анализ по опроснику Сердюка. Была выявлена значимая положительная корреляция со шкалой гедонистической эмоциональной направленности. Можно предположить, что субъективное влияние вегетативного статуса на жизнь человека тесно связано с ощущением комфорта и защищенности личности. Однако стоит обратить внимание, что шкала «Гармоничный» тип реагирования у обоих полов находится на низком уровне, а субъективная оценка влияния собственного вегетативного статуса на жизнь выше среднего, что опять же дает нам предпосылки предполагать неадекватное отношение к своему заболеванию.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ И ВЫВОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Таким образом, мы приходим к следующим выводам: отношение к болезни у мужчин и женщин с вегетативными дисфункциями имеет

различные показатели. Мужчины в своем восприятии заболевания достаточно тревожны и ипохондричны, стремятся минимизировать свои негативные эмоции посредством ухода в работу, что подтверждает нашу гипотезу; у женщин отношение к заболеванию несколько противоречиво: наряду с анозогнозическим типом реагирования не менее ярко выражен тревожный тип, что частично подтверждает нашу гипотезу; невыраженная эгоцентрическая тенденция противоречит нашей гипотезе; обнаруженная эстетическая эмоциональная направленность у женщин может являться одной из основных ресурсных компонентов личности. Также подтвердилась гипотеза о неадекватном субъективном отношении к собственному заболеванию у обоих полов. Существенный компонент нашего исследования — предположение о том, что люди с инвалидностью часто используют определенные

психологические защиты, возможно, как вариант адаптации к текущей ситуации [5, с. 343].

Итак, результаты проведенной пилотажной работы могут быть полезны как медицинским психологам реабилитационных центров, больниц, клиник, бюро МСЭ, так и медицинским работникам при взаимодействии с пациентами. Данные наработки позволят оценить состояние личности на момент прохождения лечения, отследить динамику психических процессов в период реабилитации; помогут в разработке индивидуальных методов психологической помощи пациентам на их психореабилитационном этапе. На данном этапе планируется перейти от поискового к расширенному эмпирическому исследованию, включающему анализ склонностей людей с нарушением соматического спектра к использованию определенных психологических защит и стратегий совладания.

Литература

1. Абросимов И. Н. Внутренняя картина болезни и совладающее поведение у взрослых пациентов с муковисцидозом : дис. ... канд. психол. наук / И. Н. Абросимов. — М., 2016. — 199 с.
2. Асеева В. Г. Психическое состояние и отношение к болезни у онкобольных разного пола / В. Г. Асеева // Сибирский психологический журн. — 2012. — № 46. — С. 161—168.
3. Баканова А. А. Отношение к жизни, смерти и болезни ВИЧ-инфицированных 20—30 лет : автореф. дис. ... канд. психол. наук / А. А. Баканова. — СПб., 2015. — 20 с.
4. Вассерман Л. И. Психологическая диагностика отношения к болезни : пособие для врачей / Л. И. Вассерман, Б. В. Иовлев, А. Я. Вукс. — СПб., 2005. — 32 с.
5. Воронова Т. А. Связь самосознания с психологическими защитами личности как показатель психологического здоровья / Т. А. Воронова, С. В. Дубровина, Ю. В. Чепурко // Инновационные технологии в фармации : материалы Всерос. науч.-практич. конф. с междунар. участием, посвящ. памяти доц. В. А. Пешковой. — 2018. — Вып. 5. — С. 341—345.
6. Дербенева М. Ю. Эмоциональная направленность как основа формирования познавательных интересов личности / М. Ю. Дербенева // Вестн. Санкт-Петербургского ун-та. Сер. 12. — Вып. 1, ч. 1. — 2009. — С. 288—294.
7. Долгова В. И. Психологическая защита : моногр. / В. И. Долгова, О. А. Кондратьева. — М. : Изд-во «Перо», 2014. — 160 с.
8. Конькова О. М. Медико-психологическая реабилитация как мероприятия с целью улучшения качества жизни детей и подростков с ОВЗ / О. М. Конькова // Сб. ст. победителей II Междунар. науч.-практич. конкурса. — Пенза : Изд-во «Наука и Просвещение», 2016. — С. 140—143.
9. Мальцева М. Н. Феномен «семейной инвалидности», или Депрессия у родственников, ухаживающих за пациентом с инвалидностью / М. Н. Мальцева, А. А. Шмонин, Е. В. Мельникова // Учен. зап. СпбГМУ им. акад. И. П. Павлова. — 2016. — Т. XXIII, № 3. — С. 40—43.
10. Наследов А. Д. Математические методы психологического исследования. Анализ и интерпретация данных : учеб. пособие / А. Д. Наследов. — СПб. : Речь, 2004. — 392 с.
11. Орлова Д. Г. Психологическое и субъективное благополучие: определение, структура, исследования (обзор современных источников) / Д. Г. Орлова // Вестн. Пермского гос. гуманитарно-педагогического ун-та. Сер. № 1. Психологические и педагогические науки. — 2015. — № 1. — С. 28—36.
12. Поддубный С. К. Психология болезни и инвалидности : учеб. пособие / С. К. Поддубный, С. Г. Куртев. — Омск : Изд-во СибГУФК, 2015. — 248 с.
13. Пожиткина Н. В. Исследование взаимосвязи андрогинности и типов эмоциональной направленности / Н. В. Пожиткина, А. В. Папушина, А. В. Петрова // Гуманитарные научные исследования. — 2012. — № 6. — URL: <http://human.snauka.ru/2012/06/1493>.
14. Седунова А. С. Математические методы в психологии : электронный учебный курс / А. С. Седунова, А. В. Емельяненко. — Ульяновск : ОРЭИ УлГУ, 2008.
15. Скоринова О. В. Модель психологической работы Центра медико-социальной реабилитации «Росток» Забайкальского края с людьми с ограниченными возможностями здоровья / О. В. Скоринова // Сб. науч. тр. VI Междунар. науч.-практич. интернет-конф. — Чита, 2015. — С. 315—319.

16. Возможности методов когнитивно-поведенческой психотерапии в изменении внутренней картины болезни у пациентов с ишемической болезнью сердца / А. В. Солодухин, А. В. Серый, М. С. Яницкий, О. А. Трубникова // *Фундаментальная и клиническая медицина*. — 2017. — Т. 2, № 1. — С. 84—90.
17. Чернорай А. В. Отношение к болезни и лечению пациентов с обострением сердечно-сосудистого заболевания на этапе реабилитации / А. В. Чернорай // *Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена*. — 2012. — С. 237—242.
18. Wagnies E. Depression, anxiety and coping strategies in adult patients with cystic fibrosis / E. Wagnies, L. Houzé, J. Vanneste, T. Perez, B. Wallaert // *Rev. Mal. Respir.* — 2002. — N 19(1). — P. 39—43.

PSYCHOLOGICAL FEATURES OF ATTITUDE TOWARDS A DISEASE

A. S. Sedunova

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)
asedunova@mail.ru

M. A. Esmantova

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)
mari.esmantova@mail.ru

This article discusses the results of an empirical study of the psychological characteristics of attitude toward a disease, performed in 2018. In the diagnostic section, conducted on the basis of "Main Bureau of Medical and Social Expertise in the Ulyanovsk Region", the role of a number of characteristics of the worldview and self-relation of patients with vegetative dysfunctions was considered. Research methods allowed the authors to identify qualitative and quantitative indicators of the characteristics of the attitude toward the disease among men and women. The conducted research is exploratory, that is, according to V. N. Druzhinin, it was carried out in order to clarify the problem, more correctly set the tasks and put forward sound hypotheses. The authors assumed that in the pattern of the attitude toward the disease, both the individual psychological and socio-psychological characteristics of the subjects will appear. The paper considers three groups of indicators, allowing to assess the type of attitude to the disease, the characteristics of the emotional orientation of the individual and the subjective evaluation of their own health. As a result of the use of comparative statistics for small samples, the authors identified significant differences in a number of indicators: types of attitude to the disease and characteristics of the emotional orientation of the individual. To clarify the hypotheses of further research and their operationalization a correlation analysis of the characteristics under consideration was carried out. The results obtained revealed differences in a number of characteristics of the worldview and attitudes towards the disease for men and women with vegetative dysfunctions.

Key words: relationship to the disease, emotional orientation, subjective assessment of health, vegetative factor.

References

1. Abrosimov I. N. (2016) *Vnutrennyaya kartina bolezni i sovladayushchee povedenie u vzroslykh patsientov s mukovistsidom* [The internal picture of the disease and coping behavior in adult patients with cystic fibrosis]. Dis. ... Cand. Psychology. Moscow, 199 p.
2. Aseeva V. G. (2012) *Psihicheskoe sostoyanie i otnoshenie k bolezni u onko-bolnykh raznogo pola* [Mental state and attitude to the disease in cancer patients of different gender]. *Sibirskiy psihologicheskij zhurnal*, (46), p. 161—168.
3. Bakanova A. A. (2015) *Otnoshenie k zhizni, smerti i bolezni VICH-infitsirovannykh 20—30 let* [Attitude towards life, death and illness of HIV-infected people aged 20—30 years]. Author's Abstract. dis. ... Cand. psychology. St. Petersburg, 20 p.
4. Wasserman L. I., Iovlev B. V., Vuks A. Ya. (2005) *Psihologicheskaya diagnostika otnosheniya k bolezni: posobie dlya vrachev* [Psychological diagnosis of attitudes towards the disease: a manual for physicians]. St. Petersburg, 32 p.
5. Voronova T. A., Dubrovina S. V., Chepurko Y. V. (2018) *Svyaz samosoznaniya s psihologicheskimi zashchitami lichnosti kak pokazatel psihologicheskogo zdorov'ya* [Relationship of self-consciousness with psychological defenses of the individual as an indicator of psychological health]. *Innovatsionnye tekhnologii v farmatsii: materials of the All-Russian scientific-practical conference with international participation, dedicated to the memory of associate professor Peshkova V. A.*, (5), p. 341—345.
6. Derbeneva M. Y. (2009) *Emotsionalnaya napravlennost kak osnova formirovaniya poznavatelnykh interesov lichnosti* [Emotional orientation as the basis for the formation of personal cognitive interests]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*, ser. 12, vol. 1, part 1, p. 288—294.
7. Dolgova V. I., Kondratieva O. A. (2014) *Psihologicheskaya zashchita* [Psychological protection: monograph]. Moscow: Pero, 160 p.
8. Konkova O. M. (2016) *Mediko-psihologicheskaya reabilitatsiya kak meropryatiya s tselyu uluchsheniya kachestva zhizni detey i podrostkov s OVZ* [Medical and psychological rehabilitation as an arrangement to improve the quality of life of children and adolescents with disabilities]. Collection of articles of the winners of the II International Scientific and Practical Competition. Penza: Nauka i prosveshchenie, p. 140—143.
9. Maltsev M. N., Shmonin A. A., Melnikova E. V. (2016) *Fenomen "Semeynoy invalidnosti", ili depressiya u rodstvennikov, uhazhivayushchikh za patsientom s invalidnostyu* [Phenomenon of "family disability", or depression in relative caring for a patient with a disability]. *Uchenye zapiski SPBGMU im. Acad. I. P. Pavlova*, vol. XXIII, (3), p. 40—43.
10. Nasledov A. D. (2004) *Matematicheskie metody psihologicheskogo issledovaniya. Analiz i interpretatsiya dannykh* [Mathematical methods of psychological research. Analysis and interpretation of data]. St. Petersburg: Rech, 392 p.

11. Orlova D. G. (2015) Psihologicheskoe i subyektivnoe blagopoluchie: opredelenie, struktura, issledovanie (obzor sovremennykh istochnikov) [Psychological and subjective well-being: definition, structure, research (review of modern sources)]. Vestnik Permskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta, Ser. 1. Psihologicheskie i pedagogicheskie nauki, (1), p. 28—36.
12. Poddubny S. K., Kurtnev S. G. (2015) Psihologiya bolezni i invalidnosti [Psychology of illness and disability: study guide]. Omsk: SibGUFG, 248 p.
13. Pozhitkina N. V., Papushina A. V., Petrova A. V. (2012) Issledovanie vzaimosvyazi androginnosti i tipov emotsionalnoy napravlenosti [Study of the relationship between androgyny and types of emotional orientation]. Gumanitarnye nauchnye issledovaniya, (6). URL: <http://human.snauka.ru/2012/06/1493>.
14. Sedunova A. S., Emelyanenko A. V. (2008) Matematicheskie metody v psihologii [Mathematical methods in psychology: an electronic training course]. Ulyanovsk: OREI ULSU.
15. Skorinova O. V. (2015) Model psihologicheskoy raboty Tsentra medico-sotsialnoy reabilitatsii "Rostok" Zabaykalskogo kraya s lyudmi s ogranichennymi vozmozhnostyami zdorovya [Model of psychological work of the Center for Medical and Social Rehabilitation "Rostock" of the Trans-Baikal Territory with People with Disabilities]. Collection of Scientific Works of the VI International Scientific and Practical Internet Conference. Chita, p. 315—319.
16. Solodukhin A. V., Seryj A. V., Yanitskiy M. S., Trubnikova O. A. (2017) Vozmozhnosti metodov kognitivno-povedencheskoy psihoterapii v izmenenii vnutrenney kartiny bolezni u patsientov s ishemicheskoy boleznью serdtsa [Possibilities of methods of cognitive-behavioral psychotherapy in changing the internal picture of the disease in patients with ischemic heart disease]. Fundamentalnaya i klinicheskaya meditsina, vol. 2, (1), p. 84—90.
17. Chernoray A. V. (2012) Otnoshenie k bolezni i lecheniyu patsientov s obostreniem serdechno-sosudistogo zabolevaniya na etape reabilitatsii [Attitude to the disease and treatment of patients with exacerbation of cardiovascular disease at the stage of rehabilitation]. Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen, p. 237—242.
18. Wagnies E., Houzé L., Vanneste J., Perez T., Wallaert B. Depression, anxiety and coping strategies in adult patients with cystic fibrosis // Rev. Mal. Respir. 2002. N 19(1). P. 39—43.

В. П. Смолькин

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
surap99@mail.ru

ПРЕПОДАВАНИЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК В ПОДГОТОВКЕ ОБУЧАЮЩИХСЯ В МАГИСТРАТУРЕ

Осуществляемые многие годы в России экономические преобразования вызывают естественный интерес науки и практики управления к зарубежному и собственному опыту совершенствования подготовки современных специалистов в любой сфере деятельности для достижения эффективности и конкурентоспособности предприятий (организаций) и территориальных образований.

В этой связи особое место в рамках современной государственной политики Российской Федерации занимает подготовка пока еще новой формы обучения — магистратуры. Чтобы достигнуть определенных успехов в современном мире, необходимо получить качественно хорошее образование, в т. ч. приоритетом может служить образование в управленческой и экономической сферах. И немалая роль в этой подготовке должна отводиться прежде всего преподаванию этих дисциплин в вузе. Чтобы сформировать у обучающихся интерес к этим дисциплинам, необходимо использовать именно инновационные подходы к методике преподавания дисциплин менеджмента и экономики. Причем огромное значение имеет личность педагога и его методы и приемы обучения. На сегодняшний день от преподавателя экономических и управленческих дисциплин требуется адресное применение активных и интерактивных методов обучения, чтобы именно через познавательную деятельность обучающиеся анализировали и постигали противоречивые процессы рынка.

Ключевые слова: магистратура, инновационный подход, образование, система образования, управление, экономика.

В организации учебного процесса в современных условиях России всё чаще ставятся проблемные вопросы постоянного совершенствования форм организации и методов обучения. Это прежде всего необходимо для получения качественных результатов обучения слушателей как в бакалавриате, так и в магистратуре и дальнейшей адаптации их к специфике своей профессии. Чаще всего кураторы учебного процесса используют уже проверенный набор форм проведения занятий (как активных, так и интерактивных). Причем в стороне не остаются и способы организации самого процесса обучения. Обычно выделяют лекции и семинарские занятия. К ним добавляются тренинги, чтение научной литературы, самостоятельная работа и др. Всё это, по мнению кураторов, позволяет более гибко адаптировать обучающихся к специфике профессии.

Главной и, конечно, самой ключевой составляющей в системе образования являлась и будет являться лекция в высшем учебном заведении (далее — вуз). Именно с нее начинают свое знакомство с азами науки бывшие выпускники школ и колледжей. Она же дает начало

формированию научных взглядов и убеждений студентов, стимулирует творческую мысль обучающихся [1]. Базовой особенностью лекции является устная передача преподавателем учебного материала обучающимся. Автора данной статьи интересуют инновационные формы организации процесса обучения (далее — ФОПО) магистров; какой спецификой отличается лекция в магистратуре от обычной подачи лекционного материала, например в бакалавриате; как могут помочь современные инновационные педагогические технологии в формировании компетенций по профессии. Ведь если слушатель пассивно воспринимает предложенный преподавателем материал, то это не может привести к появлению творческого начала при формировании потенциала магистра. Немаловажна в этом и роль преподавателя, если он передает лекционный материал по своему, известному многим годам конспекту. А это может отразиться на самостоятельной деятельности обучающегося по причине отсутствия заинтересованности в освоении дисциплины.

Рассмотрим подробно виды лекций, используя их классификацию по определенным

критериям. По целям выделяют вводную, установочную, текущую, заключительную и обзорную лекции. По признаку классификации «форма» выделяют лекцию-визуализацию для наглядности читаемого материала, лекцию-конференцию, лекцию-пресс-конференцию. Кроме этого, отмечают бинарную лекцию как диалог, проблемную и лекцию-консультацию. Каждая из приведенных видов лекций несет свою индивидуальную особенность преподнесения лекционного материала и может быть использована преподавателем дисциплины при подготовке ФОПО.

Хотелось бы отметить и следующий момент при подготовке лекционного материала для обучающихся. Особенно это касается ФОПО в магистратуре. Это готовность аудитории к восприятию преподносимого лекционного материала. На практике имеющаяся аудитория может не обладать достаточными знаниями по определенной отрасли, хотя стандарты высшего образования (далее — СВО) вместе с учебными программами вуза направляют педагогический процесс на качественно высокий уровень подготовки аудитории. В этом случае особую роль должны играть новые подходы проведения в магистратуре лекционных занятий.

Методика преподавания лекций по общественным наукам призвана обеспечить теоретический уровень преподавания высокого качества, яркость и доходчивость преподнесения материала. Методика как комплекс определенных средств преподавания неразрывно связана с изучаемой наукой и ее методологией. На огромном множестве примеров можно наглядно проследить тесную связь методики и методологии преподавания. Например, непроработанность методики однозначно и отрицательным образом будет отражаться на уровне методологии лекций и семинаров и наоборот. Имеющиеся частные преподавательские методики отдельных специальных курсов являются подсистемами общей системы наук по педагогике. Такие методики включают в себя и используют базовые принципы дидактики и педагогики применительно к особенностям изложения конкретных дисциплин.

Преподавание в магистратуре всех общественных наук осуществляется по общим методическим требованиям. Но следует обязательно учитывать, что для чтения каждой из наук в магистратуре необходима именно своя, особая методика, которая должна отражать специфику данной науки по содержанию. В то же время всякое особенное является в этот же момент и

общим. В связи с этим и методика преподавания каждой из перечня общественных наук, заявляя об особенностях по отношению к методике преподавания других общественных наук, сама является общей применительно к методикам частным.

В учебной практике вуза сложились вполне оправдавшие себя следующие формы учебного процесса в преподавании общественных наук: это и лекции, и семинарские занятия, и самостоятельная работа магистров; кроме этого, консультации, экзамены, зачеты и другие формы внеаудиторной работы. Но ни одна из предложенных форм не может быть однозначно универсальной и сполна заменить другие. Поэтому с методической точки зрения нельзя признать правильным, когда некоторые кафедры используют путь умышленного разъединения отдельных подсистем учебного процесса, заменяя их другими. Формы учебного процесса находятся в тесной взаимосвязи и логической последовательности. Методика применения одной формы работы заметно влияет на другую.

При организации учебного процесса следует иметь в виду, что количественное соотношение различных методов и их роль в обучении могут заметно изменяться. Так, например, на старших курсах возрастает роль как семинарских занятий, так и самостоятельной работы студентов. На методы обучения влияют также следующие факторы — количество времени на предмет, оснащенность учебных аудиторий техническими средствами обучения и т. д.

Ни для кого не секрет — чтобы достигнуть определенных успехов в современном мире, необходимо получить качественно хорошее образование; приоритетом может служить образование в управленческой и экономической сферах. И немалая роль в этой подготовке должна отводиться прежде всего преподаванию этих дисциплин в вузе. Чтобы сформировать интерес у обучающихся к этим дисциплинам, необходимо использовать именно инновационные подходы к методике преподавания дисциплин менеджмента и экономики. Причем огромное значение имеет личность педагога и его методы и приемы обучения.

На сегодняшний день от ППР экономических и управленческих дисциплин требуется адресное применение активных и интерактивных методов обучения, чтобы именно через познавательную деятельность обучающиеся анализировали и постигали противоречивые процессы рынка. Методика преподавания экономических и управленческих дисциплин рассматривает систему находящихся в тесной связи методов и

форм обучения. Что же отличает данную методику? Ответ лежит на поверхности. Обучение тесным образом связано с экономической жизнью человека, государства, общества. Такие знания — это знания экономических терминов, законов экономического развития, а также понимание механизмов управления рыночной экономикой, экономических принципов и законов.

Поскольку в вузах ключевыми формами в организации педагогического процесса являются лекции и практические (чаще семинарские, чем лабораторные) занятия, то им стоит уделять большее внимание в процессе разработки методики преподавания экономических и управленческих дисциплин. Однако, используя традиционные формы взаимодействия, невозможно только на их основе сформировать интерес студентов к изучению экономических и управленческих дисциплин, целесообразно использовать лекции вдвоем, бинарные лекции, активные лекции, лекции-пресс-конференции и т. п. Если при преподавании традиционной лекции применяются преимущественно стандартные подходы, то в вышеперечисленных видах лекций — всесторонний анализ явлений, научный поиск истины.

Следующей активной ФОПО в магистратуре при формировании профессиональных компетенций является семинар. Семинар широко используется при подготовке к разным видам деятельности — педагогической, организационно-управленческой, научно-исследовательской. При проведении семинарских занятий, которые могут продолжаться длительное время, привлекаются специалисты-практики [2]. Выполняя немалую часть работ на семинарах по исследовательской тематике, обучающиеся могут включить в этот перечень и работу над магистерской диссертацией [3].

Следует отметить, что при использовании интерактивных форм в дополнение к ФОПО должны быть разработаны методики их применения. Согласно СВО «занятия в аудиториях должны быть не менее 30 %, а для лекций предусматривается не более 20 % аудиторных занятий» [4]. В помощь должен быть создан весь комплекс учебно-методических материалов (далее — УМК). В состав УМК должны быть включены информационные и методические материалы к лекционным и семинарским занятиям, к самостоятельной работе обучающихся и многие другие материалы учебного плана. Чтобы поддерживать актуальность вновь создаваемых и имеющихся УМК, необходимо проводить регулярную экспертизу материалов, содержащихся в

УМК, с последующей оперативной их корректировкой по специфике дисциплин преподавания.

Для поддержания постоянной обратной связи между преподавателем и студентом для обмена информацией по учебным и учебно-методическим материалам возможно использование системы дистанционного обучения. Технология дистанционного обучения должна позволять выходить в Интернет с рабочих мест преподавателя и обучающегося. Это неотъемлемая часть подготовки современных специалистов.

Таким образом, все вышеперечисленные ФОПО и методики их применения в магистратуре должны постоянно совершенствоваться на основе инновационных подходов с применением инновационных методов [5].

Еще одной ФОПО в магистратуре является самостоятельная работа, по мнению М. А. Эскиндарова, «...самостоятельная работа, выполняемая по указанию преподавателя и при его методическом руководстве, но без его непосредственного участия» [6].

В СВО для очной формы обучения, например по направлению 080100 «Экономика (специальность «бакалавр»)», «...установлено примерное соотношение аудиторной и самостоятельной работы как 50 % на 50 % в течение недели» [7]. Для магистров экономики — уже как 30 % к 70 % [8], для магистров юриспруденции [9] — как 25 % к 75 %. Получается, что самостоятельная работа в магистратуре становится преобладающим видом обучения в сравнении с лекционными и семинарскими занятиями.

Подводя предварительные итоги, можно предложить вариант *лекции-беседы* как наиболее распространенной и сравнительно простой формы вовлечения студентов в учебный процесс. Лекция-беседа предполагает включение по максимуму магистров с помощью умелого использования диалога, псевдиалога и полилога в живую беседу с лектором. Средствами активизации в данном случае служат отдельные вопросы к аудитории, образование дискуссии с логическим переходом дискуссии в диспут, формирование необходимых условий для возникновения альтернативных вариантов. Это уже известные нам разновидности: лекция-диалог, лекция-дискуссия, далее лекция-диспут и, наконец, лекция-семинар (полилог). Преимущество полилога перед обычной лекцией в том, что эта лекция притягивает внимание студентов к наиболее важным вопросам выбранной темы, задает содержание, способы и последовательность преподнесения учебного материала с учетом мнений и особенностей аудитории слушателей.

Но надо учитывать, что возможная эффективность этой формы, особенно в условиях больших групп слушателей, падает из-за того, что не всегда удается вовлечь каждого слушателя в процесс диалога или дискуссии. В случае небольших групп магистрантов беседа позволяет охватывать большой круг мнений и вовлекать опыт коллектива и накопленные знания студентов.

Для обеспечения активного участия слушателей в *лекции-беседе* можно предложить некоторые простые приемы.

1. А. Вопросы к аудитории предназначены для выяснения мнений и уровня знаний слушателей по рассматриваемой проблеме, а не для проверки знаний.

Б. Вопросы адресуются сразу ко всей аудитории.

В. Слушатели отвечают с мест.

Г. На основании ответов преподаватель строит свои последующие рассуждения.

Д. Важно, чтобы слушатели самостоятельно подходили к выводам и обобщениям.

2. А. «Мозговая атака».

Б. Преподаватель предлагает студентам совместно формировать комплекс позиций.

В. Преподаватель подводит теоретическую базу под коллективный опыт и возвращает

аудитории уже в виде совместно выработанного тезиса.

Таким образом, глубокое изучение дисциплин экономической и управленческой направленности на занятиях позволит магистру сформировать конкретные профессиональные умения и навыки на основе максимального вовлечения в живую беседу с лектором за счет умелого применения диалога, псевдиалога или полилога и в целом совершенствовать свои знания в области экономических и управленческих наук.

Сформулируем общие итоги:

1. Вузам рекомендуется разрабатывать и реализовывать программы постоянного повышения квалификации преподавателей.

2. Необходимы предложения по совершенствованию самостоятельной работы.

3. Необходима разработка методических рекомендаций по ФОПО.

4. Семинарское занятие важно осуществлять в рамках комментирования и дискуссии.

5. Рекомендуется выстраивать и доводить лекции в виде интерактивной презентации.

6. В магистратуре требуется новый подход к методике изложения лекций и семинарских занятий.

Литература

1. Бельский К. С. О методике чтения учебной лекции в юридическом вузе / К. С. Бельский, Л. А. Зайцева // Юрид. образование и наука. — 2011. — № 2. — С. 22—26.
2. Об утверждении и введении в действие федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования по направлению подготовки 080100 Экономика (квалификация (степень) «магистр») : приказ Минобрнауки РФ от 20 мая 2010 г. № 543. П. 7.3 // Бюл. нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. — 2010. — № 34 (Приказ).
3. Терехова Е. В. К вопросу о юридических магистерских программах: правовые, организационные, методологические аспекты / Е. В. Терехова, М. В. Демченко, Е. Е. Амелина // Вопр. экономики и права. — 2011. — № 12. — С. 48.
4. Об утверждении и введении в действие федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования по направлению подготовки 030900 Юриспруденция (квалификация (степень) «магистр») : приказ Минобрнауки РФ от 14 декабря 2010 г. № 1763. П. 7.3, 7.4 // Бюл. нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. — 2011. — № 14.
5. Письмо Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки (Рособрнадзор) от 17 апреля 2006 г. № 02-55-77 ин/ак.
6. Эскиндаров М. А. Самостоятельная работа студентов — современный аспект / М. А. Эскиндаров // Самостоятельная работа студентов: пути ее активизации, методическое обеспечение и способы контроля : материалы Межвузовской методической конф. 18 ноября 2005 г. — М., 2006. — С. 15.
7. Об утверждении и введении в действие федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования по направлению подготовки 080100 Экономика (квалификация (степень) «бакалавр») : приказ Минобрнауки РФ от 21 декабря 2009 г. № 747. Ст. 7.6, 7.7 // Бюл. нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. — 2010. — № 14 (Приказ) (содержание утвержденного этим приказом стандарта см. в справ.-правовой системе «КонсультантПлюс»).
8. Об утверждении и введении в действие федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования по направлению подготовки 080100 Экономика (квалификация (степень) «магистр») : приказ Минобрнауки РФ от 20 мая 2010 г. № 543. Ст. 7.6, 7.7 (содержание утвержденного этим приказом стандарта см. в справ.-правовой системе «КонсультантПлюс»).
9. Об утверждении и введении в действие федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования по направлению подготовки 030900 Юриспруденция (квалификация (степень) «магистр») : приказ Минобрнауки РФ от 14 декабря 2010 г. № 1763. Ст. 7.6, 7.7 (содержание утвержденного этим приказом стандарта см. в справ.-правовой системе «КонсультантПлюс»).
10. Пиралова О. Ф. Особенности обучения в магистратуре современных вузов / О. Ф. Пиралова // Успехи современного естествознания. — 2010. — № 5. — С. 78—80. — URL: <http://natural-sciences.ru/ru/article/view?id=8125> (дата обращения: 10.03.2019).

11. Глоссарий сайта «Российское образование». Федеральный портал. — URL: <http://www.edu.ru/index>.
12. Основы профессиональной подготовки магистров в сфере социальной работы : учеб. пособие / Н. Б. Шмелева [и др.] ; под ред. Н. Б. Шмелевой. — 2-е изд., доп. — Ульяновск : УлГУ, 2018. — 176 с.

TEACHING SOCIAL SCIENCES DURING THE TRAINING OF MASTER STUDENTS

V. P. Smolkin

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)

surap99@mail.ru

Long-term economic transitions in Russia arouse interest of domestic science and practice of management in foreign and own experience of improvement of training modern experts in any field of activity for achievement of efficiency and competitiveness of the enterprises (organizations) and territorial educations.

In this regard preparation of magistracy like a new form of education holds a specific place in the modern state policy of the Russian Federation. To achieve certain success in the modern world, it is necessary to get qualitative-good education. Management and economic education can be a priority. To create interest in these disciplines among students it is necessary to use innovative approaches to the teaching methods of such disciplines as management and economics. Teacher personality and teaching methods and techniques are of great importance. Today economics and management teacher is expected to apply active and interactive methods of training. In this rate the students will analyze and comprehend the contradictory processes of the market through the cognitive activity.

Key words: magistracy, innovative approaches, education, education system, management, economy.

References

1. Belsky K. S., Zaytseva L. A. (2011) O metodike chteniya uchebnoy lektsii v yuridicheskom vuze [On the technique of reading an educational lecture in legal higher education institution]. *Yuridicheskoe obrazovanie i nauka*, (2), p. 22—26.
2. Ob utverzhdenii i vvedenii v deystvie federalnogo gosudarstvennogo obrazovatel'nogo standarta vysshego professional'nogo obrazovaniya po napravleniyu podgotovki 080100 Ekonomika (kvalifikatsiya (stepen) "magistr") [On Approval and enforcement of Federal State Educational Standart of higher vocational education for the degree in 080100 Economics (qualification master's degree)]. Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation of May 20, 2010. N 543. Item 7.3]. *Bulletin of regulations of federal executive authorities*, 2010. N 34 (Order).
3. Terekhova E. V., Demchenko M. V., Amelina E. E. (2011) [On the legal master programs: legal, organizational, methodological aspects]. *Voprosy ekonomiki i prava*, (12), p. 48.
4. Ob utverzhdenii i vvedenii v deystvie federalnogo gosudarstvennogo obrazovatel'nogo standarta vysshego professional'nogo obrazovaniya po napravleniyu podgotovki 030900 Yurisprudentsiya (kvalifikatsiya (stepen) "magistr") [On Approval and enforcement of Federal State Educational Standart of higher vocational education for the degree in 030900 Law (qualification: master's degree)]. Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation from 14 Dec. 2010. N 1763. Item 7.3, 7.4. *Bulletin of regulations of federal executive authorities*, 2011. N 14.
5. Pismo Federalnoy sluzhby po nadzory v sfere obrazovaniya i nauki (Rosobrnadzor) ot 17 aprelya 2006 g. [The letter of Federal Education and Science Supervision Service of 17 Apr. 2006. No. 02-55-77].
6. Eskindarov M. A. (2006) Samostoyatel'naya rabota studentov — sovremennyy aspekt [Independent work of students — modern aspects]. *Independent work of students: ways of its activation, methodological support and ways of control: materials of an interuniversity methodical conference on November 18, 2005*. Moscow, p. 15.
7. Ob utverzhdenii i vvedenii v deystvie federalnogo gosudarstvennogo obrazovatel'nogo standarta vysshego professional'nogo obrazovaniya po napravleniyu podgotovki 080100 Ekonomika (kvalifikatsiya (stepen) "bakalavr") [On Approval and enforcement of Federal State Educational Standart of higher vocational education for the degree in 080100 Economics (qualification: bachelor's degree)]. Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation of 21 Dec. 2009. N 747. Articles 7.6 and 7.7. *Bulletin of regulations of federal executive authorities*, 2010. N 14 (Order).
8. Ob utverzhdenii i vvedenii v deystvie federalnogo gosudarstvennogo obrazovatel'nogo standarta vysshego professional'nogo obrazovaniya po napravleniyu podgotovki 080100 Ekonomika (kvalifikatsiya (stepen) "magistr") [On Approval and enforcement of Federal State Educational Standart of higher vocational education for the degree in 080100 Economics (qualification master's degree)]. Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation from May 20, 2010. N 543. Articles 7.6 and 7.7.
9. Ob utverzhdenii i vvedenii v deystvie federalnogo gosudarstvennogo obrazovatel'nogo standarta vysshego professional'nogo obrazovaniya po napravleniyu podgotovki 030900 Yurisprudentsiya (kvalifikatsiya (stepen) "magistr") [On Approval and enforcement of Federal State Educational Standart of higher vocational education for the degree in 030900 Law (qualification: master's degree)]. Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation from 14 Dec. 2010. N 1763. Articles 7.6 and 7.7.
10. Piralova O. F. (2010) Osobennosti obucheniya v magistrature sovremennykh vuzov [Training peculiarities of master students in modern higher education institutions]. *Uspehi sovremennogo estestvoznaniya*, (5), p. 78—80. URL: <http://natural-sciences.ru/ru/article/view?id=8125> (access date: 10.03.2019).
11. Glossariy sayta "Rossiyskoe obrazovanie". Federalnyj portal [Glossary of the website "Russian education". Federal portal]. URL: <http://www.edu.ru/index>.
12. Shmeleva N. B. (2018) Osnovy professional'noy podgotovki magistr'ov v sfere sotsial'noy raboty [Fundamentals of vocational training of master students in the field of social work: study guide]. Ulyanovsk: ULGU, 176 p.

Р. И. Хайрудинова

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
rezedx-90@yandex.ru

И. И. Минкина

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
rezedx-90@yandex.ru

ОРГАНИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ ПРИЕМНЫХ СЕМЕЙ В АДАПТАЦИОННЫЙ ПЕРИОД

В статье рассмотрены особенности организации социально-психолого-педагогической деятельности с приемными семьями в адаптационный период. Проведен анализ психолого-педагогической литературы по данной проблеме, рассмотрено понятие «приемная семья», основные признаки и характеристики приемной семьи. Проанализированы особенности личности ребенка, оставшегося без попечения родителей, рассмотрены особенности процесса адаптации приемного ребенка в семье. Воспитание приемного ребенка сопряжено с рядом трудностей эмоционального, поведенческого, социально-психологического характера. В статье приведены данные социально-психологического исследования процесса адаптации ребенка в приемной семье и предложены формы и методы социально-психолого-педагогической деятельности с этой семьей.

Полученные результаты и сделанные выводы доказывают, что успешность социальной адаптации детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в приемных семьях зависит от применения социально-педагогических технологий и своевременно оказанной психологической поддержки, помощи в период адаптации ребенка и переживания кризиса взаимоотношений. Социально-психолого-педагогическая поддержка должна включать целевой, содержательный, технологический и процессуальный компоненты. В статье рассматриваются особенности организации социально-психологической поддержки с приемными семьями в адаптационный период, приведены результаты, отражающие эффективность выстроенной деятельности и отработанных на практике технологий.

Ключевые слова: приемная семья, социально-психолого-педагогическая деятельность, адаптация, психологическое сопровождение.

Одной из наиболее актуальных проблем России является преодоление социального сиротства. В нашей стране данная проблема решается путем реализации важного направления социальной политики — создания и законодательного закрепления системы защиты прав и законных интересов детей, оставшихся без попечения родителей, и устройства их в замещающие семьи.

Семья по своему значению в сравнении с другими социальными институтами играет определяющую роль в развитии ребенка. Отсутствие семьи в детстве сказывается на развитии ребенка и препятствует формированию самостоятельности, инициативности, гендерной идентичности и т. д. Без этих новых образований ребенок не может стать субъектом межличностных отношений и сформироваться как зрелый человек. Сегодня проблема решена государством путем размещения сирот в приемных семьях.

Приемная семья как форма семейного воспитания была узаконена в 1996 году с момента принятия Семейного кодекса [7].

В настоящее время в научной литературе отсутствует единое общепризнанное определение термина «приемная семья» [1—5]. Изучением приемной семьи как формы устройства детей-сирот занимались педагоги И. Ф. Дементьева [1, 2], Л. Я. Олиференко [1].

Термин «приемная семья» в анализируемых литературных источниках рассматривается авторами по-разному. Так, педагоги А. И. Довгалева [3] и Т. А. Куликова [5] дают определение приемной семье, образованной в результате принятия на воспитание ребенка, лишившегося родительского попечения. Такие авторы, как И. Ф. Дементьева [2] и Л. Я. Олиференко [1], под приемной семьей понимают социальный институт, который обеспечивает воспитание детей, изъятых из кризисных семей по причине угрозы

их здоровью и жизни [1]. В настоящее время синонимом термина «приемная семья» все чаще выступает «замещающая семья».

Полное и гармоничное развитие ребенка может быть достигнуто при условии воспитания его в атмосфере любви, счастья, заботы, что может дать ему семья. Семья является ближайшим социальным окружением для ребенка, первой ступенькой социализации. Семья выступает основой для формирования начального адаптационного потенциала.

Право ребенка жить и воспитываться в семье может быть реализовано в объеме и на уровне, благоприятном для развития его личности, в двух случаях: при сохранении благополучной кровной семьи и при передаче ребенка в новую, замещающую семью [2].

При попадании ребенка в приемную семью обе стороны испытывают определенные трудности. Дети, воспитывающиеся в условиях детского дома, имеют свои специфические особенности, потребности, индивидуальные психологические и социальные характеристики. Приемная семья, приняв такого ребенка, сталкивается с рядом трудностей, преодоление которых во многом зависит от организации своевременной социально-педагогической поддержки и психологического сопровождения данных семей.

Дети, попавшие в замещающие семьи, имеют свои индивидуальные особенности, потребности, у каждого из них имеется различный жизненный опыт, психологические потрясения, отражающиеся на психическом развитии ребенка и выражающиеся в проблемах различного характера. К проблемам психологического характера чаще всего относятся ранняя родительская депривация, недостаток родительской ласки и любви. Проблемы педагогического характера наиболее часто связаны с педагогической запущенностью, с проявлением девиантного поведения до поступления в государственное учреждение и в первые месяцы после поступления. Имеют место быть также проблемы в адаптации воспитанников детских домов. Вследствие этого приемная семья требует особого внимания специалистов психологов, социальных педагогов, особенно на начальном этапе ее становления; с целью профилактики «вторичного» сиротства детей необходимо своевременное социально-психолого-педагогическое сопровождение приемных семей.

Воспитание усыновленного ребенка в определенных ситуациях сопровождается трудностями, основными отличительными чертами которых являются «стресс в новых условиях про-

живания», социальное и психологическое отчуждение и которые вызывают негативные поведенческие реакции ребенка, ухудшение психологической атмосферы и нарушение семейных отношений в целом. Работа с приемной семьей будет эффективной, если она будет основана на комплексном подходе.

Исследователи отмечают, что интеграция ребенка, оставшегося без попечения родителей, в приемную семью, независимо от формы семейного устройства (опека, попечительство, приемная семья, патронатная семья), порождает множество проблем [6].

Условием успешной адаптации приемного ребенка к новой семье является взаимное соответствие ожиданий приемного родителя и ребенка. Данные семьи нуждаются в своевременном социально-психолого-педагогическом сопровождении. Это направление занимает ведущее место в современной психологической службе.

Процесс адаптации приемного ребенка — напряженный многофакторный процесс, развернутый во времени. Его можно представить как сложную динамику образования новой семейной системы, в которой можно выделить свои этапы. Знания особенностей каждого этапа помогут приемным родителям избежать возможных проблем во взаимоотношениях с опекаемыми детьми и сохранить семью.

Нами было проведено исследование, целью которого являлось изучение процесса адаптации детей в приемных семьях, выявление влияния социально-педагогической деятельности на уровень социально-психологической адаптации детей из приемных семей.

В рамках нашего исследования было выбрано 10 приемных семей, принявших на воспитание детей в возрасте 12—14 лет, из них 6 мальчиков и 7 девочек. Исследование строилось в два этапа. На первом этапе была проведена диагностика семей, находящихся на начальной стадии адаптации, т. е. семей, которые только приняли детей на воспитание. На втором этапе проводилась социально-психолого-педагогическая работа с этими семьями и мониторинговый срез эффективности деятельности.

С целью исследования процесса психологической адаптации детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в замещающих семьях были определены критерии, способные показать в более полной мере уровень успешности данного процесса в целом:

1. Эмоциональный фон детей и активность.
2. Особенности социально-психологической адаптации.

3. Адекватность самооценки.

Нами были выбраны следующие методики: методика САН (самочувствие, активность, настроение), проективный тест «Дом — дерево — человек», опросник социально-психологической адаптации К. Роджерса и Р. Даймонда.

Анализ полученных данных по методике САН показывает, что 70 % детей из замещающих семей имеют сниженные показатели по фактору самочувствия. Это свидетельствует о том, что самочувствие детей в замещающей семье в целом носит удовлетворительный характер, при этом дети иногда могут ощущать себя дискомфортно. У 72 % детей выявлен низкий показатель по фактору «настроение», эмоциональный фон снижен. Анализ фактора «активность» показал, что у 85 % детей имеются низкие показатели, следовательно, на данном этапе адаптации в замещающей семье дети проявляют низкую активность. При этом следует отметить, что было обнаружено явление сниженной активности, зачастую доходившее до пассивности и в учебной деятельности, и в межличностных отношениях. Данные показатели вполне объяснимы, так как дети находятся в подростковом возрасте, смена обстановки, условий проживания сказывается на их самочувствии.

Результаты исследования социально-психологической адаптации можно представить следующим образом. Дети из замещающих семей имеют низкий уровень адаптации. Свидетельством этого служат результаты по описанным ниже шкалам. По шкале «адаптивность» у 42 % детей выявлен низкий уровень, который говорит о возможных трудностях приспособления к новым условиям проживания, что может повлиять на общее психическое состояние ребенка. Изменение условий проживания, а также приобретение новой роли в приемной семье, безусловно, вызывает стресс у ребенка, что подтверждают полученные результаты по остальным шкалам данной методики.

Анализируя данные по шкале «самопринятие», можно отметить, что у 32 % детей выявлен низкий уровень по шкале, у 47 % детей результаты по этой шкале расположены в зоне неопределенности. При попадании ребенка в приемную семью происходят некоторые изменения в эмоциональной сфере. На этапе адаптации, названном «кризис взаимоотношений», у ребенка резко падает самооценка, он становится менее уверенным в себе, эмоциональный фон нестабилен. Анализ данных по шкале «эмоциональный комфорт» показал следующее: у 17 %

детей выявлен высокий уровень, у 40 % — средний, у 43 % — низкий. Причиной этого служит страх отказа приемных родителей от ребенка, страх быть отвергнутым, возвращенным в детский дом.

Таким образом, на данном этапе исследования можно предположить, что дети, переданные на воспитание в замещающую семью, на начальном этапе имеют низкий уровень адаптивности, самооценки, социального комфорта, зачастую могут проявлять агрессию защитного характера. Данные показатели могут быть связаны с коротким (по времени) пребыванием детей в приемных семьях, сменой обстановки, режима, социального окружения.

Исходя из результатов нашего исследования, для повышения самооценки детей, стабилизации эмоционального состояния и повышения уровня адаптации в приемной семье нами была разработана серия занятий. Программа включала в себя 10 занятий, которые проводились по принципу социально-психологического тренинга, часть занятий проводилась совместно с приемными родителями. Продолжительность одного занятия не превышала одного школьного урока. Занятия проводились на протяжении двух месяцев.

Были выделены основные задачи занятий:

1. Стабилизация эмоционального фона, снижение уровня тревожности у детей на всех этапах адаптации в замещающей семье.

2. Организация эмоционального поведения детей:

а) обучение способам регуляции эмоциональных состояний;

б) обучение анализу своего внутреннего состояния и состояния других людей.

3. Коррекция страхов и агрессивных проявлений.

Занятия строились в доступной и интересной для детей форме.

Основными методами, которые использовались в работе, были:

— имитационные и ролевые игры;

— психогимнастика;

— самовыражение в рисунках;

— элементы дискуссии;

— тренинги;

— диагностические и другие методы.

В ходе занятий были использованы следующие психотерапевтические приемы: эмоциональное реагирование отрицательных переживаний, снятие и уменьшение социальных страхов, поиск и обыгрывание выхода из трудных ситуаций.

В результате проведенной программы возможность у детей снизилась, они обучились способам регуляции эмоциональных состояний, а также анализу своего внутреннего состояния и состояния других людей. Дети ощутили радость от нахождения выхода из предложенных им ситуаций, а приемные родители помогали им в этом. Совместные занятия повышали эмоциональный фон, улучшали взаимопонимание между родителями и детьми. С их помощью налаживался контакт, снижалось напряжение «эмоциональной пружины» и, как следствие, повышалась самооценка. Это создало благоприятную основу для развития коммуникативных навыков, ослабило напряжение в стремлении раскрыться перед другими. Дети стали меньше испытывать страх, и у них снизилось проявление агрессивности. Таким образом, они успешно адаптировались в приемной семье, их эмоциональное поведение стабилизировалось, а использование тренингов и ролевых игр помогло скорректировать страхи и агрессивные проявления детей.

Параллельно с приемными родителями с целью повышения психологической и педагогической компетентности проводились беседы, круглые столы на темы «Особенности адаптации приемного ребенка», «Способы эффективного взаимодействия с детьми с «трудным поведением»», «Формирование привязанности» с использованием видеоматериалов; разрабатывались памятки, рекомендации; проводились тренинговые и практические занятия с применением арт-терапевтических и психорелаксационных технологий.

С целью мониторинга эффективности проведенной социально-педагогической деятельности было осуществлено повторное исследование детей по тем же методикам.

По результатам повторной диагностики были получены следующие результаты.

Анализ полученных данных по методике САН показывает, что у 65 % детей из приемных семей высокие оценки по фактору самочувствия, у 27 % — средний уровень. Это говорит о том, что самочувствие хорошее, дети чувствуют себя в семье комфортно. По фактору активности получены следующие данные: 67 % детей имеют высокие показатели, 21 % — средние, что говорит о явном повышении активности детей в приемной семье. При этом следует отметить, что у 70 % детей повышенный фон настроения. Таким образом, мы можем констатировать положительную динамику эмоциональной сферы детей в приемной семье.

Результаты мониторингового исследования степени адаптированности к новым условиям

проживания могут быть представлены следующим образом: большинство детей — 58 % — имеют средний уровень адаптированности. По шкале «самопринятие» 62 % детей имеют высокий уровень. Это говорит о том, что у детей повысился уровень самооценки, они принимают себя в роли членов новых семей. По шкале «эмоциональный комфорт» высокий уровень выявлен у 42 % детей, средний уровень — у 45 % детей, низкий — у 13 %.

Таким образом, мы видим, что у детей, переданных в приемные семьи после проведенной социально-психолого-педагогической деятельности, повысился уровень адаптированности. Также мы можем отметить, что семьи в момент работы с ними находились на этапе кризиса взаимоотношений и им вовремя была оказана социально-психолого-педагогическая поддержка. Это помогло справиться с кризисом и дало положительный результат работы, что подчеркивает важность своевременного оказания помощи таким семьям.

Проведенное нами исследование показывает, что успех восстановления и формирования структуры личности ребенка, обеспечения соответствия уровня развития возрастным нормам, преодоления нарушений в развитии и поведении в адаптационный период приемных детей зависит от грамотно организованного и своевременного социально-психологического сопровождения.

Данная деятельность предполагает решение таких задач, как налаживание межличностного общения, оптимизация коммуникативных связей, оказание помощи детям в познании самих себя, повышение их самооценки, развитие познавательных интересов и т. д. Эти задачи для каждого ребенка должны иметь индивидуальное выражение с учетом социально-психологических качеств, а их осуществление наполняться конкретным содержанием, которое включает различные методы и приемы работы социального педагога. Анализ результатов исследования показал, что под влиянием поэтапно проведенной программы с использованием различных методов социально-педагогической работы для детей из приемных семей и родителей стали более характерны эмоциональная стабильность, коммуникабельность, адекватная положительная самооценка и более высокая адаптивность.

Сложность, нестандартность социальных ситуаций в жизни детей, необходимость принимать грамотные решения в их интересах, специфика данной категории детей требуют от специалиста применения эффективных техноло-

гий с учетом их социально-психологических особенностей.

По результатам проведенного исследования мы пришли к следующим **выводам**:

1. Для специалистов по сопровождению приемных семей первостепенное значение должно иметь создание условий, которые помогут ребенку по возможности безболезненно адаптироваться в новом социальном окружении, принять новый образ жизни и новые правила поведения.

2. Одним из основных условий адаптации социально обездоленного ребенка в новой жизненной ситуации является организация его жизни с учетом насущных потребностей, которые раньше не были удовлетворены.

3. Часть приемных родителей имеют нереалистичные ожидания от детей.

4. Приемные родители не обладают достаточными знаниями о психологических особенностях детей, оставшихся без попечения родителей, об особенностях материнской депривации и о ее влиянии на развитие ребенка и возможных проявлениях в период адаптации.

5. Часть родителей с некой враждебностью относится к членам биологической семьи ребенка, отсутствуют знания, как вести себя в ситуации рассказа приемного ребенка о своей прошлой жизни.

6. Приемные родители нуждаются в поддержке, социально-психолого-педагогическом со-

провождении и повышении родительской компетентности по вопросам воспитания приемных детей, особенно в период адаптации и кризиса взаимоотношений.

Исходя из данных выводов, с целью оптимизации детско-родительских отношений в приемной семье можно дать следующие **рекомендации**:

1. Необходимо проводить систематическую работу по повышению психолого-педагогической компетентности приемных родителей по вопросам эффективных методов воспитания, особенностей развития детей, оставшихся без попечения родителей.

2. Следует обучать приемных родителей приемам эффективного взаимодействия с приемными детьми, формирования у ребенка чувства принадлежности к семье, определения своего места в семье и обществе (например, традиция отмечать день принятия ребенка в семью, оформление семейного фотоальбома и др.).

3. Специалистам при работе с приемными семьями рекомендуется использовать активные методы, такие как семинары-практикумы, дискуссии, круглые столы, игротерапия, арт-терапия и т. д.

4. Необходимо развивать и формировать гуманистическую позицию по отношению к приемным детям и их биологическим родителям, способствовать снижению степени враждебности в отношениях.

Литература

1. Дементьева И. Ф. Приемная семья — институт защиты детства : методич. рекомендации / И. Ф. Дементьева, Л. Я. Олиференко. — М., 2000. — 122 с.
2. Дементьева И. Ф. Российская семья: проблемы воспитания : руководство для педагогов / И. Ф. Дементьева. — М., 2000. — 38 с.
3. Довгалева А. И. Семейное воспитание приемных детей / А. И. Довгалева. — М., 1948. — 122 с.
4. Иванова Н. П. Дети в приемной семье: советы начинающим родителям-воспитателям / Н. П. Иванова, О. В. Заводилкина. — М. : Дом, 1993. — 83 с.
5. Куликова Т. А. Семейная педагогика и домашнее воспитание / Т. А. Куликова. — М. : Мастерство, 2000. — 156 с.
6. Основы социальной работы : учеб. / отв. ред. П. Д. Павленок. — 2-е изд., испр. и доп. — М. : Инфра-М, 2002. — 312 с.
7. Приемная семья: оценка эффективности опеки : методич. рекомендации для соц. работников / ред. О. О. Яременко. — М. : Рус. ин-т соц. исслед., 2000. — 78 с.
8. Сатаева Р. Б. Формирование семейных ценностей у воспитанников детского дома средствами арт-педагогики / Р. Б. Сатаева // Инновационные формы партнерства системы повышения квалификации педагогов и социальных институтов как фактор развития образовательной среды : материалы Юбилейной науч.-практич. конф. (посвящ. 15-летию ИНПО). Ч. II / под ред. И. И. Боговиева. — Набережные Челны : Изд-во ИНПО, 2007. — С. 90—95.
9. Шипицына Л. М. Необучаемый ребенок в семье и обществе. Социализация детей с нарушением интеллекта / Л. М. Шипицына. — 2-е изд., перераб. и доп. — СПб. : Речь, 2005. — 477 с.
10. Ярская-Смирнова Е. Р. Инклюзивное образование детей-инвалидов / Е. Р. Ярская-Смирнова, И. И. Лошакова // Социологические исследования. — 2003. — № 5. — С. 100—106.

ORGANIZATION OF SOCIAL AND PSYCHOLOGICAL SUPPORT OF FOSTER FAMILIES IN THE ADAPTATION PERIOD

R. I. Khairudinova

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)

rezedx-90@yandex.ru

I. I. Minkina

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)

rezedx-90@yandex.ru

This article describes the features of the organization of socio-psychological and pedagogical activities with foster families in the adaptation period. The authors analyse psychological and pedagogical literature on the problem, the concept of "foster family", the main features and characteristics of the foster family and the personality of the child left without parental care, as well as the peculiarities of the adaptation process of the adopted child in a family. Foster care involves a number of difficulties of emotional, behavioral, social and psychological nature. The article presents the data of social and psychological study of the adaptation process of the child in a foster family and proposes the forms and methods of socio-psychological and pedagogical activity with it.

The results obtained and the conclusions prove that the success of social adaptation of children-orphan and children left without parental care in foster families depends on the use of socio-pedagogical technologies and early psychological support and assistance during the period of adaptation of the child and the experience of a relationship crisis. Socio-psychological and pedagogical support should include targeted, substantive, technological and procedural components. The article deals with the features of the organization of socio-psychological support with foster families in the adaptation period, the results reflecting the effectiveness of the activities built and worked out in practice technologies.

Key words: foster family, socio-psychological and pedagogical activity, adaptation, support, social and pedagogical technologies.

References

1. Dementieva I. F. Oliferenko L. Ya. (2000) Priemnaya semya — institute zashchity detstva: metodicheskie rekomendatsii [Foster family — Institute for the protection of childhood: methodological recommendations]. Moscow, 122 p.
2. Dementieva I. F. (2000) Rossiyskaya semya: problemy vospitaniya: rukovodstvo dlya pedagogov [Russian family: problems of education: hands-in for teachers]. Moscow, 38 p.
3. Dovgalevskaya A. I. (1948) Semeynoe vospitanie priemnykh detey [Family foster care]. Moscow, 122 p.
4. Ivanova N. P., Samodelkin O. V. (1993) Deti v priemnoy semye: sovety nachinayushchim roditelyam-vospitatelnyam [Children in foster care: tips for beginner parents-carers]. Moscow: Dom, 83 p.
5. Kulikova T. A. (2000) Semeynaya pedagogika i domashnee vospitanie [Family pedagogy and home education]. Moscow: Masterstvo, 156 p.
6. Pavlenok P. D. (2002) Osnovy sotsialnoy raboty [Fundamentals of social work: textbook]. Moscow: INFRA-M, 312 p.
7. Yaremenko O. O. (2000) Priemnaya semya: otsenka effektivnosti opeki: metodicheskie rekomendatsii dlya sotsialnykh rabotnikov [Foster family: evaluation of the effectiveness of guardianship: methodological recommendations for social workers]. Moscow: Rossiyskiy institute sotsialnykh issledovaniy, 78 p.
8. Sataeva R. B., Bogoviev I. I. (2007) Formirovaniye semeynykh tsennostey u vospitannikov detskogo doma sredstvami art-pedagogiki [Formation of family values in children's home by means of art pedagogy]. Innovatsionnye formy partnerstva sistemy povysheniya kvalifikatsii pedagogov i sotsialnykh institutov kak faktor razvitiya obrazovatelnoy sredy: materials of the anniversary scientific-practical conference (dedicated to the 15th anniversary of INPO). Part II. N. Chelny: publishing house of INPO, p. 90—95.
9. Shipitsyna L. M. (2005) Neobuchaemyy rebenok v semye i obshchestve. Sotsializatsiya detey s narusheniem intellekta [Untrained child in the family and society. Socialization of children with intellectual disabilities]. St. Petersburg: Rech, 477 p.
10. Yarskaya-Smirnova E. R., Loshakova I. I. (2003) Inklyuzivnoye obrazovanie detey-invalidov [Inclusive education of disabled children]. Sotsiologicheskie issledovaniya, (5), p. 100—106.

О. В. Шабанова

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
onlyox@yandex.ru

УЧАСТИЕ В ВОЛОНТЕРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК ОДНО ИЗ УСЛОВИЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО И ЛИЧНОСТНОГО РАЗВИТИЯ БУДУЩЕГО СПЕЦИАЛИСТА СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ В ПРОЦЕССЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ В ВУЗЕ

В статье рассматривается волонтерство как социальная деятельность, обозначены основные направления научного исследования добровольческой деятельности, отражена сущность волонтерства как формы взаимопомощи и благотворительности, выделены основные принципы добровольчества, рассматриваются особенности формирования мотивации к волонтерской деятельности среди молодежи, включения молодежи в волонтерскую деятельность. Дана краткая характеристика принципов технологии социально-педагогического сопровождения волонтерской деятельности. Значительное внимание уделено исследованию отношения будущих специалистов социальной работы к волонтерской деятельности.

В статье представлены результаты анкетирования студентов направления «Социальная работа» (бакалавриат) по данной проблеме. Будущие специалисты социальной работы в целом положительно относятся к волонтерской деятельности и по мере возможности принимают участие в ней, они считают такую деятельность полезной как для личностного, так и для профессионального развития в социальной сфере. Также обозначены особенности профессиональной подготовки будущих социальных работников с учетом включения студентов не только в теоретическое изучение опыта волонтерской деятельности, но и практическое участие в различных мероприятиях, связанных с оказанием помощи людям, попавшим в сложную жизненную ситуацию, на добровольной основе.

Ключевые слова: волонтерство, социальная работа, профессиональная подготовка, профессиональное и личностное развитие.

Развитие и популяризация волонтерского движения — одна из важнейших задач развития современного общества. Современные исследователи в сфере педагогики, психологии, социальной работы считают, что волонтерская деятельность играет значительную роль в решении социальных проблем современного общества, а также формирует активную жизненную позицию неравнодушных граждан. Поэтому особую актуальность приобретает изучение волонтерского движения и технологий мотивации подрастающего поколения к участию в нем. Для будущих социальных работников участие в волонтерском движении может стать основой дальнейшего профессионального и личностного становления, так как многие задачи, которые решает волонтер в своей деятельности, формируют умения и навыки, необходимые специалистам социальной сферы.

Особенности и специфика волонтерской деятельности активно исследуются в трудах как зарубежных (Р. Доукифф, Д. Майерс, С. Нейберт, М. Хьюстон, Р. Чалдини, В. Штребе и др.), так и отечественных авторов (Р. Н. Азапова, В. В. Ан-

дреева, Л. А. Кудринская, В. Г. Лабина, В. П. Эфроимсон и др.).

Изучением феномена волонтерства и сущности волонтерской деятельности занимались А. Б. Бахраев, В. В. Борова, Т. И. Иванушкина, Л. А. Кудринская, М. Д. Мартынова, А. А. Моисеева, Ю. Н. Носова, С. В. Полатайко, Т. В. Пушкарёва, Т. С. Сидоркина, Л. Е. Сикорская, Е. В. Сопова, Н. В. Тарасова и др.

Изучению опыта добровольческого движения в нашей стране и за рубежом посвящены работы А. А. Андросовой, Н. В. Быстровой, Р. А. Габдрахмановой, А. А. Кузьмичук и др.

Анализ отношения молодежи к волонтерской деятельности представлен в трудах Т. Г. Кисилёвой, Е. А. Коган и др.

Возможность формирования социально значимых качеств личности в контексте волонтерской деятельности рассматривалась в исследованиях О. А. Ворониной, В. Д. Герасимовой, Н. Е. Коршуновой, Г. В. Люткене и др.

Особенности организации волонтерской деятельности среди молодежи были рассмотрены в трудах Г. С. Курагиной, М. А. Мазниченко,

А. С. Медведевой, Е. А. Паклиной, Г. С. Папазян, М. В. Певной, В. Н. Стегний, А. В. Сычёвой и др.

Исследования в этой сфере подтверждают, что волонтерство имеет огромный социальный потенциал и определяет развитие гражданского общества. Подходы к означенному понятию могут отличаться, но все ученые сходны во мнении, что в основе данного вида деятельности лежит желание помогать людям, не ожидая материального вознаграждения [2].

Черепанова Н. В., анализируя волонтерство, выделяет гуманистический подход, который ориентирует на рассмотрение добровольческой активности через призму оценки человека как главной ценности этой деятельности. Такой подход очень близок к системе ценностных ориентаций в сфере социальной работы, что подтверждает важность включения будущих специалистов социальной работы в волонтерскую деятельность [9].

Специалист социальной работы не только должен знать о проблемах волонтерства, но и владеть технологиями привлечения подростков и молодежи к данному виду деятельности.

Говоря о проблеме мотивации молодежи к участию в волонтерской деятельности, мы можем отметить, что необходимо учитывать индивидуальные особенности личности, увлечения и интересы молодого человека. Нужно активизировать личностные ресурсы, так как многим начинающим волонтерам необходима поддержка уверенности в своих силах для реализации намеченных действий. Очень важно не просто активизировать желание быть добровольцем, а доступно объяснить, в чем преимущества этой деятельности, что это необходимо не только для формирования практических навыков и коммуникативных умений личности, но и для самореализации и творческого развития. Значимым аспектом волонтерской деятельности является включение личности в групповую работу, что также позволяет приобрести новые навыки и развивать личностные свойства, необходимые для успешного взаимодействия [1].

Важную роль в формировании мотивации к участию в волонтерской деятельности играет заинтересованность организаторов волонтерской деятельности. Они должны объяснить не только преимущества такой работы, но и обозначить социальную значимость выполняемых действий, а также способствовать обучению умениям и навыкам, необходимым для реализации той или иной помощи людям, попавшим в сложную жизненную ситуацию.

На основе изучения проблемы мотивации участия в волонтерской деятельности мы можем сформулировать условия, которые позволят заинтересовать будущих социальных работников данным видом деятельности.

1. Индивидуальный подход и стимулирование личностного роста молодого человека. Данное условие важно для будущих специалистов социальной сферы, так как личностное и профессиональное развитие в этой профессии взаимообусловлено. Реализация первого условия может осуществляться через организацию участия молодых людей в деловых играх, творческих проектах, тренингах. Включаясь в активную деятельность, молодые люди учатся правильно и объективно оценивать поступки других и контролировать свои. В этой ситуации необходимо обеспечить психологическую безопасность, для того чтобы молодой человек смог раскрыть свои личностные качества и способности.

2. Необходима предварительная подготовка желающих участвовать в волонтерской деятельности. Для успешной мотивации и подготовки молодых людей к волонтерской деятельности нужно учитывать, что в первую очередь необходима их добрая воля и понимание необходимости и смысла той работы, которой они будут заниматься.

В функции дополнительной подготовки входит обучение добровольца реальной оценке своих возможностей и умению привлекать на свою сторону тех, с кем он работает. Дополнительная подготовка должна быть гибкой и ориентироваться на практические умения. Рекомендуется использовать такие методы обучения, как деловые игры, групповая дискуссия.

Необходимо подчеркнуть, что успешность волонтерской деятельности в значительной степени зависит от уровня компетентности ее организатора, знаний личностных особенностей входящих в его круг добровольцев, понимания трудностей и проблем, с которыми они могут столкнуться.

Здесь главная задача социального работника заключается в создании благоприятных условий, организации продуманного процесса обучения, приводящего молодых людей к активному участию в добровольческой деятельности, помощи в его самореализации [3, с. 108].

Необходимость активного включения будущих социальных работников в волонтерскую деятельность очевидна, вместе с тем существуют разные подходы и отношение к вопросам добровольчества среди молодежи. В рамках нашего исследования мы провели анкетирование

молодых людей, обучающихся в Ульяновском государственном университете по направлению «Социальная работа» (бакалавриат, очное и заочное отделение), с целью выявления мнения по данной проблеме. Количество респондентов составило 50 человек. После количественного и качественного анализа полученных результатов мы можем сделать следующие выводы.

Молодые люди в большинстве своем знакомы с понятием волонтерской деятельности (88 % респондентов). Мы полагаем, что высокую осведомленность о волонтерской деятельности среди молодых людей следовало ожидать, так как в настоящее время повышается интерес к волонтерской деятельности, более того, прошедший год был объявлен годом волонтера. На вопрос о том, как вы понимаете волонтерскую деятельность, мы получили следующие ответы: безвозмездная деятельность (40 %), социально значимая деятельность (30 %), материальная помощь нуждающимся (10 %) и др. В целом можно отметить, что респонденты достаточно точно представляют себе суть содержания волонтерской деятельности. Большинство респондентов знают о деятельности каких-либо волонтерских организаций в нашем городе. На вопрос об опыте волонтерской деятельности многие ответили, что имели такой опыт, а некоторые даже являются волонтерами каких-либо организаций на постоянной основе. Ответы на вопрос «Хотели бы Вы заниматься волонтерской деятельностью?» показали, что молодые люди положительно воспринимают участие в волонтерской деятельности. Молодые люди в целом готовы принимать участие в волонтерской деятельности, у большинства участников анкетирования уже есть опыт добровольчества, и они не собираются останавливаться на этом (90 %). Значительное меньшинство молодых людей никогда не собираются участвовать в волонтерском движении. Большой интерес в плане нашего исследования представляют ответы на вопрос «Какой именно волонтерской деятельностью Вы хотели бы заниматься?». Выделены такие приоритетные направления деятельности, как помощь детям, помощь пожилым людям, помощь всем, кто попал в сложную жизненную ситуацию. Выбор этих направлений определяет гуманистическую составляющую личности, так как данные категории населения наиболее уязвимы и нуждаются в помощи. Также важным является мнение молодых людей о том, какими качествами должен обладать волонтер. Мы смогли выделить три основных качества, которые отметили большинство респондентов: доб-

рожелательность (86 %), человечность (74 %), коммуникабельность (42 %). Также были отмечены открытость, вежливость, ответственность и др. На вопрос о том, кто обычно занимается волонтерской деятельностью, большинство респондентов ответили, что это студенты учебных заведений среднего и высшего профессионального образования. Рассматривая проблему мотивации, респонденты выделили три основных мотива: желание делать добро (альтруизм), социальное одобрение волонтерской деятельности, получение новых навыков. На вопрос об актуальности волонтерской деятельности на сегодняшний день большинство респондентов также ответили утвердительно (84 %).

На основе исследования мы можем сделать вывод, что студенты, будущие специалисты социальной работы, в целом положительно относятся к волонтерской деятельности и по мере возможности принимают участие в ней. Не все молодые люди становятся волонтерами с альтруистической мотивацией. Как показало исследование, значительная часть молодежи мотивирована жадой признания и получением социального одобрения — этот мотив можно использовать при составлении рекомендаций по формированию мотивации к участию в волонтерской деятельности [5, 7].

Наше исследование подтверждает необходимость активного включения студентов направления «Социальная работа» в волонтерскую деятельность. Данный вид деятельности позволяет приобрести дополнительные навыки в сфере профессиональной деятельности, а также опыт практической работы в «полевых» условиях. Необходимо учитывать, что развитие социальной работы как профессиональной деятельности начиналось именно с добровольной помощи тому, кто попал в сложную жизненную ситуацию. Со временем данная деятельность вышла на профессиональный уровень, но помощь людям не из-за профессионального долга, а по внутренним убеждениям личности не потеряла своей значимости в условиях социальной работы [4].

Волонтерская деятельность является основой для личностного развития будущих специалистов социальной сферы. Ключевым свойством будущего социального работника является гуманистическая направленность личности. Данная направленность личности также составляет основу волонтерской деятельности, поэтому активизация гуманистического потенциала молодого человека в процессе профессиональной подготовки, а также в процессе участия в волонтерской деятельности позволит сформиро-

вать компетентного специалиста в сфере социальной работы [6, 8].

Волонтерство выступает как одна из форм социальной работы, и это особенно актуально, когда человек попал в сложную жизненную ситуацию, а государственные учреждения по каким-либо причинам не имеют возможности ему помочь.

В связи с тем, что участие в волонтерской деятельности положительно влияет на личностное и профессиональное развитие будущего специалиста социальной работы, необходимо использовать потенциал данной деятельности в рамках процесса обучения. Особенности волонтерской деятельности рассматриваются в рамках дисциплины «Введение в профессию «Социальная работа»». В рамках учебного предмета «Теория социальной работы» студенты изучают аспекты деятельности добровольческих движений, а также особенности привлечения волонтеров к решению социальных проблем. На занятиях по дисциплине «Технологии социальной работы» студенты знакомятся со способами привлечения молодежи к волонтерской деятельности, изучают особенности мотивации к добровольческой деятельности. Также одним из аспектов учебной и производственной практики является включение студентов в волонтерскую помощь, так как не всегда задачи, стоящие перед организацией, в которой проходит практику студент, возможно выполнить в условиях прохождения практики. Есть много примеров, когда студенты добровольно включались в различные мероприятия, которые не входили в программу практики и не были обязательны для участия. Проектная деятельность в вузе также подразумевает участие волонтеров в осуществлении задуманных идей [10].

На этапе обучения в магистратуре у студентов также есть возможность изучения проблемы волонтерства в рамках дисциплины «Основы деятельности общественных объединений, организаций социальной направленности и взаимодействие с ними». В России инициато-

рами волонтерской деятельности часто бывают общественные организации, которые объединяют равнодушных граждан, желающих помочь разрешить какую-либо проблему людям, попавшим в сложную жизненную ситуацию. Добровольчество является важным направлением социальной помощи, а также важным аспектом деятельности общественных объединений.

Цель курса — проанализировать современное состояние общественных объединений, организаций и особенности взаимодействия с ними для реализации предложений при разработке программ и проектов. Задачи курса: выделить особенности деятельности общественных организаций в современном обществе; изучить законодательно-правовые основы деятельности общественных организаций; обозначить роль общественных организаций и объединений в сфере социальной работы; мотивировать студентов включаться в волонтерскую деятельность, способствовать становлению активной социальной позиции, гражданской ответственности.

Этот курс позволяет будущим магистрам акцентировать внимание на деятельности различных общественных объединений и выделить одну из наиболее актуальных форм их деятельности — волонтерскую деятельность.

Таким образом, мы видим, что участие в волонтерской деятельности является одним из условий профессионального и личностного развития будущего социального работника в процессе профессиональной подготовки в вузе. В ходе волонтерской деятельности происходит развитие личностных качеств, таких как гуманизм, эмпатия, толерантность, оптимизм, уверенность в себе, а также формирование умения слушать и слышать, общаться с людьми, работать в группе и многие другие. Все это определяет необходимость включения в процесс профессиональной подготовки социальных работников в вузе не только теоретических знаний о волонтерстве как социальной активности, но и создание условий для «погружения» будущих социальных работников в данную деятельность.

Литература

1. Балаян М. Н. Социокультурный потенциал волонтерского движения современной студенческой молодежи : автореф. дис. ... канд. социол. наук / М. Н. Балаян. — Майкоп, 2015. — 23 с.
2. Габдрахманова Р. А. Волонтерская деятельность в России и за рубежом / Р. А. Габдрахманова // Вестн. гуманитарных наук. — 2013. — № 4. — С. 119—131.
3. Люткене Г. В. Гражданская идентичность и гражданская активность у студентов вузов в процессе волонтерской деятельности / Г. В. Люткене // Педагогическое мастерство и современные педагогические технологии : сб. материалов IV Междунар. науч.-практич. конф. — Чебоксары, 2018. — С. 105—110.
4. Мазниченко М. А. Педагогические условия личностного и профессионального роста студентов в контексте волонтерской деятельности / М. А. Мазниченко, Г. С. Папазян // Высшее образование в России. — 2018. — Т. 27, № 2. — С. 103—113.

5. Медведева А. С. Технологии привлечения и обучения волонтеров в Кубанском государственном технологическом университете / А. С. Медведева, Д. А. Кружков // Вестн. Майкопского гос. технологич. ун-та. — 2017. — № 4. — С. 28—34.
6. Певная М. В. Профессиональная подготовка будущих педагогов к организации добровольческой деятельности как концепт развития системы регионального управления добровольчеством / М. В. Певная, Ю. В. Лужков // Педагогическое образование в России. — 2016. — № 1. — С. 19—25.
7. Родионов П. В. Общественная профессиональная организация вуза как основа подготовки студентов по специальности / П. В. Родионов // Сибирский педагогический журнал. — 2015. — № 5. — С. 166—170.
8. Стародубцев В. А. Волонтерские сообщества — школа профессиональных проб студентов / В. А. Стародубцев, П. В. Родионов // Высшее образование в России. — 2018. — № 4. — С. 86—92.
9. Черепанова Н. В. Социальное обучение в добровольческом движении : автореф. дис. ... канд. пед. наук. — Ставрополь : Сев.-Кавказ. гос. тех. ун-т, 2006. — 31 с.
10. Шабанова О. В. Мотивация как процесс побуждения к профессионально-личностному развитию / О. В. Шабанова, А. А. Потапова // Современные вызовы и проблемы социального благополучия в России : сб. работ по результатам Всерос. науч.-практич. конф. / сост. и отв. ред. Н. Б. Шмелева. — Ульяновск, 2017. — С. 172—177.

PARTICIPATION IN VOLUNTARY ACTIVITIES AS ONE OF THE CONDITIONS OF PROFESSIONAL AND PERSONAL DEVELOPMENT OF THE FUTURE SPECIALIST OF SOCIAL WORK IN THE PROCESS OF PROFESSIONAL TRAINING IN THE UNIVERSITY

O. V. Shabanova

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)

onlyox@yandex.ru

The article discusses volunteering as a social activity, identifies the main directions of scientific research of volunteering, reflects the essence of volunteering as a form of mutual aid and charity, highlights the basic principles of volunteering, reveals the features of the formation of motivation for volunteering among young people, including youth in voluntary activities. The author provides a brief description of the principles of technology of social and pedagogical support of voluntary activities. Considerable attention is paid to the study of the attitude of future social work professionals to volunteering. The article presents the results of a survey of students of the "social work" (bachelor) direction on this issue. Future social work specialists, in general, have a positive attitude to voluntary activities and, if possible, take part in it, they consider such activities useful both for personal and professional development in the social sphere. It also identifies the features of professional training of future social workers, taking into account the inclusion of students not only in the theoretical study of the experience of volunteering, but also practical participation in various activities related to providing assistance to people in difficult life situations on a voluntary basis.

Key words: volunteering, social work, vocational training, professional and personal development.

References

1. Balanyan M. N. (2015) Sotsiokulturnyj potentsial volonterskogo dvizheniya sovremennoy studencheskoy molodezhi [Social and cultural potential of contemporary students]. Author's abstract of Dis. ... Cand. of Sociology. Maikop, 23 p.
2. Gabdrahmanova R. A. (2013) Volonterskaya deyatel'nost' v Rossii i za rubezhom [Voluntary activities in Russia and abroad]. Vestnik gumanitarnykh nauk, (4), p. 119—131.
3. Lyutkene G. V. (2018) Grazhdanskaya identichnost' i grazhdanskaya aktivnost' u studentov vuzov v protsesse volonterskoy deyatel'nosti [Civic identity and civic activity of university students in the process of voluntary activities]. Pedagogicheskoe masterstvo i sovremennye pedagogicheskie tekhnologii: materials of IV International Scientific and practical conference. Cheboksary, p. 105—110.
4. Maznichenko M. A., Papazyan G. S. (2018) Pedagogicheskie usloviya lichnostnogo i professionalnogo rosta studentov v kontekste volonterskoy deyatel'nosti [Pedagogical conditions for personal and professional development of students in the context of voluntary activities]. Vysshee obrazovanie v Rossii, vol. 27, (2), p. 103—113.
5. Medvedeva A. S., Kruzhkov D. A. (2017) Tekhnologii privlecheniya i obucheniya volonterov v Kubanskom gosudarstvennom tekhnologicheskom universitete [Methods for volunteers participation and training in Kuban State Technological university]. Vestnik Maykopskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta, (4), p. 28—34.
6. Pevnaya M. V., Luzhkov Yu. V. (2016) Professionalnaya podgotovka budushchikh pedagogov k organizatsii dobrovol'cheskoy deyatel'nosti kak kontsept razvitiya sistemy regionalnogo upravleniya dobrovol'chestvom [Vocational training of future teachers for the arrangement of voluntary activities as the concept of system development of volunteer regional management]. Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii, (1), p. 19—25.
7. Rodionov P. V. (2015) Obshchestvennaya professionalnaya organizatsiya vuza kak osnova podgotovki studentov po spetsialnosti [Public professional organization as the basics for student vocational training]. Sibirskiy pedagogicheskiy zhurnal, (5), p. 166—170.
8. Starodubtsev V. A., Rodionov P. V. (2018) Volonterskie soobshchestva — shkola professionalnykh prob studentov [Voluntary societies — school of professional attempts of students]. Vysshee obrazovanie v Rossii, (4), p. 86—92.
9. Cherepanova N. V. (2006) Sotsialnoe obuchenie v dobrovol'cheskom dvizhenii [Social training in voluntary movement]. Autor's abstract. Dis. ... Cand. of Pedagogics. Stavropol: Sev.-Kavkaz. gos. tekhn. u-t, 31 p.
10. Shabanova O. V., Potapova A. A. (2017) Motivatsiya kak protsess pobuzhdeniya k professionalno-lichnostnomu razvitiyu [Motivation to personal and professional development]. Sovremennye vyzovy i problemy sotsialnogo blagopoluchiya v Rossii: materials of Russian scientific and practical conference. Ulyanovsk, p. 172—177.

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

О. А. Максимов

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
o_maksimov@mail.ru

СТАТУС УЧАСТНИКА УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА КАК УСЛОВИЕ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА ХОДАТАЙСТВО И ЖАЛОБУ

Реализация права на ходатайство и жалобу в уголовном судопроизводстве базируется на процессуальном статусе субъекта процесса. Размытость статуса не позволяет реализовать как процессуальный, так и материальный интерес в уголовном деле. Действующий УПК РФ предполагает в отношении многих участников процесса «внепостатусный» способ предоставления им соответствующих прав, что не позволяет говорить о полноценном и беспроblemном регулировании деятельности по реализации права на ходатайство и жалобу.

В связи с этим конкретный процессуальный статус не может быть заменен предоставлением лицу некоторых прав и свобод. Статус как основание права на ходатайство и жалобу должен быть конкретным как по объему прав и обязанностей, так и по моменту его приобретения и утраты. При этом отмечается, что разнообразие форм интереса в производстве по уголовному делу не позволяет ограничиваться указанием на конкретных субъектов, имеющих право на ходатайство и жалобу. Право «иных лиц» на ходатайство и жалобу является необходимым, но предоставление его в указанных рамках не может подменять необходимость полноценного определения статуса лица.

Ключевые слова: состязательность, участник уголовного процесса, ходатайство, жалоба, процессуальный статус.

Процессуальный статус участника уголовного судопроизводства является основной предпосылкой реализации его прав и отстаивания интересов. Кроме непосредственного объема прав и обязанностей в содержание статуса необходимо входит и такой значительный элемент, как механизм его приобретения и утраты. Именно поэтому для большинства субъектов уголовного процесса законодатель четко определяет момент обретения и продолжительность нахождения в конкретном процессуальном статусе. Указанные моменты, как правило, связаны с решениями, необходимо принимаемыми при производстве по уголовному делу. В наибольшей степени это касается тех субъектов, которые вовлекаются в производство по уголовному делу в связи с имеющимся собственным интересом, — потерпевшего, подозреваемого, обви-

няемого и лиц, профессионально отстаивающих их интересы (защитника, представителя и др.).

Конкретный объем прав и свобод, предоставляемый лицу, вовлекаемому в уголовный процесс, является ключевым при отстаивании им как материальных, так и процессуальных интересов при производстве по уголовному делу. Непредоставление его своевременно существеннейшим и неисправимым образом нарушает права человека и прежде всего его право на защиту. Поэтому УПК РФ полно прописывает для подозреваемого все ситуации, ведущие к обретению данного статуса, причем они завязаны на решения, как определяющие общее производство по делу — его возбуждение в отношении конкретного лица, так и ограничивающие права самого лица — его задержание, применение к нему меры пресечения и уведомление о

подозрении. Идеальная картина состязательно-уголовного судопроизводства не предполагает иных случаев начала уголовного преследования конкретного лица и, соответственно, гарантирует ему возможность своевременно защищаться от этого. Однако практика вносит свои коррективы, и процессуальные органы, достаточно часто заинтересованные в возможности беспрепятственно, в розыском режиме осуществлять свою деятельность, находят лазейки в требовании закона своевременно обеспечить состязательность при расследовании преступлений. Наиболее часто встречается возбуждение уголовного дела «по факту» совершения преступления, несмотря на очевидность лица, в отношении которого ведется производство. Сами такие попытки говорят о важности своевременного обретения конкретного процессуального статуса как гарантии обладания необходимыми инструментами защиты прав и свобод.

Очевидны и попытки процессуальных органов затягивать с привлечением лица в качестве обвиняемого. Этот акт, по сути являющийся правозащитным, так как обозначает объем претензий к лицу, от которых ему предстоит защищаться, стараются вынести как можно позднее. Тем самым органы предварительного расследования затрудняют для вовлекаемого лица возможность сформировать свою защиту, собрать необходимые доказательства и др. и создают себе наиболее комфортные условия работы — без состязания, без учета интересов второй стороны.

Еще одной значительной проблемой, причем в большей степени законодателя, чем практики, является использование в УПК РФ одинаковых понятий для разноплановых явлений. Яркий пример этого — использование слова «адвокат». В одном из значений он упоминается как представитель юридического сообщества, имеющий указанный профессиональный статус и выступающий в качестве соответствующего субъекта в процессе — «защитника» или «представителя». В другом выступает как самостоятельный одноименный субъект уголовного процесса. Эта путаница приводит к подмене понятий «защитник» и «адвокат» и смешению их процессуальных статусов.

Функция защитника состоит в оказании юридической помощи и защите прав и интересов только подозреваемых и обвиняемых. Фактическое положение свидетеля не предполагает в отношении него уголовного преследования, и правом на защиту он не обладает. Он может являться на допрос с адвокатом, который оказы-

вает ему юридическую помощь, присутствует при допросе и пользуется некоторыми правами, имеющимися у защитника. Других способов оказания адвокатом помощи свидетелю нет.

Таким образом, «защитник» и «адвокат» — различные субъекты уголовно-процессуальной деятельности с несовпадающим статусом. При этом УПК РФ не содержит правил отвода «адвоката» вообще, а в отношении «защитника» эти правила позволяют одному и тому же лицу представлять интересы свидетеля и защищать подозреваемого или обвиняемого, если их интересы не противоречат (а как они могут противоречить, если свидетель — «иной» субъект уголовного процесса, изначально ни в чем не заинтересованный?). В иных, кроме допроса и производства обыска, если тот проводится у свидетеля, следственных действиях адвокат участвовать не может. Расширительное толкование полномочий «адвоката» и его смешение с «защитником» влечет различные существенные нарушения. Так, участие «адвоката» при осмотре может привести к тому, что информация, имеющая значение для дела, может стать доступной ненадлежащим субъектам.

Полнота и конкретность процессуального статуса, в том числе его своевременность, точность определения его получения и прекращения, неоднократно являлись объектом внимания законодателя. Так, например, изменения, касающиеся установления момента обретения статуса потерпевшего, определенные Федеральным законом № 432-ФЗ от 28.12.2013, затрагивающие совершенствование прав потерпевших в уголовном процессе, говорят о значимости этого момента для защиты прав лиц, вовлекаемых в уголовное судопроизводство. Момент вступления в дело защитника, определенный частью 3 статьи 49 УПК РФ, последовательно дополнялся новыми основаниями в 2007 и 2013 годах. Причем все это происходило на фоне действия постановления Конституционного Суда РФ от 27 июня 2000 года № 11-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В. И. Маслова», которое определило, что статус лица, вовлеченного в уголовное судопроизводство в качестве конкретного субъекта, менее важен в сравнении с более высоким (конституционным) уровнем статуса лица, преследуемого в рамках уголовного судопроизводства. «Конституционное право на помощь адвоката (защитника) не может быть ограничено федеральным законом» [8].

Указанный подход законодателя подчеркивает, что «внестатусное» обладание уголовно-процессуальными правами не может в полной мере защитить вовлекаемое в процесс лицо. «Внестатусность означает выход за пределы статуса, определяемого обычно в соответствии с функциями участника уголовного процесса» [3, с. 207].

При достаточном внимании к отдельным субъектам процесса действующая редакция УПК РФ не в полной мере определяет процессуальный статус всех лиц, вовлекаемых в уголовное судопроизводство. Это, в свою очередь, не позволяет лицам, не обладающим конкретным уголовно-процессуальным статусом, реализовывать свои права в полном объеме, лишает их возможности полноценно и активно отстаивать свои интересы в состязательном судопроизводстве [5]. В частности, такой подход позволяет рассматривать их ходатайства и жалобы как непроцессуальные обращения, игнорируя уголовно-процессуальный механизм защиты прав и свобод [4, с. 136; 6, с. 29].

Статья 123 УПК РФ среди лиц, обладающих правами на подачу жалобы, упоминает участников уголовного процесса, а также иных лиц, чьи интересы затрагиваются процессуальными действиями и решениями по уголовному делу.

Участниками уголовного судопроизводства выступают все лица, принимающие участие в уголовном процессе (пункт 58 статьи 5 УПК РФ). Таким образом, в объем этого понятия входят и должностные, и физические, и юридические лица, участвующие в уголовно-процессуальных правоотношениях. В то же время раздел 2 УПК РФ определяет совершенно конкретный состав участников уголовного судопроизводства. При внимательном рассмотрении оказывается, что указанный круг не является исчерпывающим — за его пределами, к примеру, находится «следователь-криминалист» (пункт 41.1 статьи 5 УПК РФ). Статьи 56, 189 УПК РФ предусматривают наличие в уголовном процессе «адвоката», однако его права и обязанности определены бланкетным способом, что не позволяет полноценно определить рамки его участия. Упоминающийся в разделах 5 и 7 УПК РФ «заявитель» обладает определенным правовым статусом, однако точно его место в системе субъектов уголовного процесса не определено. Неясно, могут ли претендовать на какие-либо права и исполнять какие-либо обязанности лица, присутствующие в месте производства обыска (статья 182 УПК РФ).

Статья 119 УПК РФ среди лиц, обладающих правом на заявление процессуальных хода-

тайств, перечисляет ряд участников уголовного процесса, включенных в раздел 2 УПК РФ. Также право на подачу ходатайства предоставлено свидетелю (статья 56 УПК РФ). Кроме того, данное право принадлежит «представителю администрации организации и иному лицу, права и законные интересы которых затронуты в ходе досудебного или судебного производства».

«Представитель администрации организации» упоминается также в части 6 статьи 177 УПК РФ в связи с производством осмотра помещения организации, части 15 статьи 182 в связи с производством обыска в помещении организации. Части 2 и 4 статьи 188 УПК РФ упоминают «представителя администрации по месту работы (или учебы)» в связи с передачей через него повестки. Части 1 и 3 статьи 445 УПК РФ упоминают администрацию медицинской организации в связи с ее правом на заявление ходатайства, связанного с исполнением принудительной меры медицинского характера, однако предмет и процедура подачи такого ходатайства никак не соотносятся с правом на «правообеспечительное» ходатайство, установленное статьей 119 УПК РФ. Таким образом, даже рассматривая одного упомянутого в законе субъекта права на ходатайство, сложно понять, кого имеет в виду законодатель и, соответственно, кто может на эти права претендовать. Подмена и смешение различных понятий в рамках УПК РФ позволяет говорить об отсутствии системы в подходе к определению процессуального статуса лиц и невозможности четкого определения средств и методов их уголовно-процессуальной деятельности.

Упоминание в законе «иных лиц, права и законные интересы которых затронуты в ходе досудебного или судебного производства», как субъектов права на ходатайство и жалобу, позволяет говорить о появлении при расследовании уголовного дела участников, обретающих «не характерные для него элементы статуса другого участника процесса» [2, с. 26]. Все это расширяет границы обжалования, что, несомненно, способствует достижению назначения уголовного судопроизводства и соотносится с ранее упомянутой позицией Конституционного Суда РФ, ставящей «фактический» статус лица выше статуса «процессуального». Тем самым «законодатель... гарантирует наличие условий, обеспечивающих права и законные интересы участников уголовного процесса» [1, с. 193]. С другой стороны, такая формулировка, отдавая на откуп лицу, разрешающему обращение, полномочия по определению «затронутости» прав и

законных интересов лиц в ходе уголовного судопроизводства, не дает надежных гарантий от необоснованного перевода обращений в «непроцессуальный» статус. И, наконец, рассматриваемая конструкция не является преградой для злоупотребления правом на ходатайство и жалобу, которое в последнее время отмечается исследователями [7, 9, 10].

Таким образом, являясь, несомненно, значимым и необходимым правозащитным инструментом, «фактический» статус лица, вовлеченного в уголовное судопроизводство, в то же время представляет собой «издержку» правоприменительной практики, которая должна преодолеваться путем совершения полноценных процессуальных действий по предоставлению определенного УПК РФ статуса. Ходатайство

или жалоба «иного лица», принятая и разрешаемая в рамках уголовного дела, чаще всего говорит о том, что «фактический» статус лица не совпадает с «процессуальным», то есть в рамках дела ему не предоставлен весь необходимый инструмент защиты прав и свобод человека. Круг «иных лиц» должен планомерно снижаться в связи с расширением круга субъектов с четко определенным (в том числе и во временных рамках) процессуальным статусом. Только систематизация и определение четкого уголовно-процессуального места, правового статуса лиц, в том числе и не упомянутых в разделе 2 УПК РФ, позволит максимально сузить круг неконтролируемого усмотрения по ограничению прав лиц, вовлекаемых в уголовное судопроизводство.

Литература

1. Андреева О. И. Допустимые пределы ограничения действия принципов уголовного судопроизводства (на примере принципа презумпции невиновности) / О. И. Андреева, О. А. Зайцев // Вестн. Томского гос. ун-та. — 2017. — № 424. — С. 193—198.
2. Григорьев В. Н. Конституционный Суд Российской Федерации о внесудебном статусе некоторых участников уголовного производства / В. Н. Григорьев // Вестн. экономической безопасности. — 2016. — № 5. — С. 24—27.
3. Григорьев В. Н. Новый инструмент правового регулирования статуса участников уголовного производства / В. Н. Григорьев, О. А. Зайцев // Вестн. Томского гос. ун-та. — 2016. — № 413. — С. 205—209.
4. Максимов О. А. К вопросу об определении уголовно-процессуальной жалобы / О. А. Максимов // Аграрное и земельное право. — 2018. — № 9(165). — С. 134—140.
5. Максимов О. А. Ходатайства и жалобы как способ реализации права на состязательное уголовное судопроизводство / О. А. Максимов // Российская юстиция. — 2013. — № 7. — С. 28—31.
6. Максимов О. А. Ходатайство как способ защиты прав лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство: существенные черты / О. А. Максимов // Мировой судья. — 2019. — № 2. — С. 26—33.
7. Насонова И. А. Ходатайства, жалобы, отводы: сходства и различия / И. А. Насонова // Вестн. Воронежского ин-та МВД России. — 2011. — № 1. — С. 34—38.
8. Постановление Конституционного Суда РФ от 27 июня 2000 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В. И. Маслова» // Рос. газета. — 2000. — 1 июля.
9. Тутикова И. А. Необоснованная жалоба в уголовном процессе / И. А. Тутикова // Вестн. Нижегородской акад. МВД России. — 2014. — № 4(28). — С. 304—306.
10. Тутикова И. А. Ябедничество или необоснованное обжалование в уголовном процессе России / И. А. Тутикова // Вестн. Нижегородской акад. МВД России. — 2016. — № 2(34). — С. 451—453.

STATUS OF A PARTICIPANT IN A CRIMINAL CASE AS A CONDITION FOR THE ENFORCEMENT OF THE RIGHT TO PETITION AND CLAIM

O. A. Maximov

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)

o_maksimov@mail.ru

The enforcement of the right to petition and claim in criminal proceedings is based on the procedural status of the party to a legal process. Blurred status does not allow to realize both procedural and material interest in a criminal case. The current Code of Criminal Procedure presupposes, in relation to many participants in the process, an "extra-status" method of granting them the respective rights, which does not presupposes a full-fledged and free regulation of the activity of exercising the right to petition and claim.

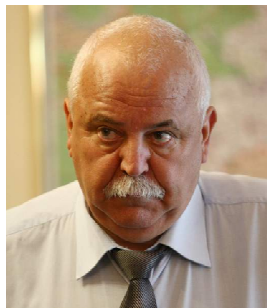
In this regard, the author concludes that it is unacceptable to replace a particular procedural status of a person by granting him an arbitrary amount of rights. Status as the basis of the right to petition and claim should accommodate rights and obligations, as well as the time of its acquisition and loss. The author notes that the variety of forms of interest in a

criminal case does not limit the reference to specific subjects who have the right to petition and claim. The right of "other persons" to the petition and claim is necessary, but granting it within the specified framework cannot substitute for the need to fully determine the status of a person.

Key words: adversary, participant in criminal proceedings, petition, claim, procedural status.

References

1. Andreeva O. I., Zaitsev O. A. (2017) Dopustimye predely ogranicheniya deystviya printsipov ugolovnogo sudoproizvodstva (na primere printsipa prezumpcii nevinovnosti) [Feasible constraints of operation of principles of criminal procedure (on the example of the presumption of innocence principle)]. Vestn. Tomskogo gos. un-ta, (424), p. 193—198.
2. Grigoriev V. N. (2016) Konstitutsionnyj Sud Rossiyskoy Federatsii o vnestatusnom statuse nekotorykh uchastnikov ugolovnogogo proizvodstva [Constitutional Court of the Russian Federation on the extra-status of some participants in criminal proceedings]. Vestn. ekonomicheskoy bezopasnosti, (5), p. 24—27.
3. Grigoriev V. N., Zaitsev O. A. (2016) Novyj instrument pravovogo regulirovaniya statusa uchastnikov ugolovnogo proizvodstva [New instrument of legal regulation of the status of participants in criminal proceedings]. Vestn. Tomskogo gos. un-ta, (413), p. 205—209.
4. Maksimov O. A. (2018) [Defining the criminal procedure claim]. Agrarnoe i zemelnoe pravo, 9(165), P. 134—140.
5. Maksimov O. A. (2013) K voprosu ob opredelenii ugolovno-protsessualnoy zhaloby [Petitions and claims as a way to enforce the right to adversarial criminal proceedings]. Rossiyskaya yustitsiya, (7), p. 28—31.
6. Maksimov O. A. (2019) Khodataystvo kak sposob zashchity prav lits, vovlechennykh v ugolovnoe sudoproizvodstvo: sushchestvennye cherty [Petition as a way to protect the rights of persons involved in criminal proceedings: main features]. Mirovoy sudya, (2), p. 26—33.
7. Nasonova I. A. (2011) Khodataystva, zhaloby, otvody: skhodstva i razlichiya [Petitions, claims, challenges: similarities and differences]. Vestn. Voronezhskogo in-ta MVD Rossii, (1), p. 34—38.
8. Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 27 iyunya 2000 g. № 11-P "Po delu o proverke konstitutsionnosti polozheniy chasti pervoy statyi 47 i chasti vtoroy statyi 51 Ugolovno-protsessualnogo kodeksa RSFSR v svyazi s zhaloboy grazhdanina V. I. Maslova" [Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation from June 27, 2000 No. 11-P "On the case of verifying the constitutionality of the provisions of the first part of Article 47 and the second part of Article 51 of the RSFSR Criminal Procedure Code on the claim of citizen V. I. Maslov"]. Ros. gazeta, 2000, 1st July.
9. Tutikova I. A. (2014) Neobosnovannaya zhaloba v ugolovnom protsesse [Unreasonable claim in a criminal procedure]. Vestn. Nizhegorodskoy akad. MVD Rossii, 4(28), p. 304—306.
10. Tutikova I. A. (2016) Yabednichestvo ili neobosnovannoe obzhalovanie v ugolovnom protsesse [Sneaking or unreasonable judicial review in the criminal proceedings in Russia]. Vestn. Nizhegorodskoy akad. MVD Rossii, 2 (34), p. 451—453.

В. М. Мачинский

Ростовский филиал
Российской таможенной
академии
(г. Ростов-на-Дону, Россия)
alekseyvalerevich1981@mail.ru

А. В. Мачинский

Ростовский филиал
Российской таможенной
академии
(г. Ростов-на-Дону, Россия)
alekseyvalerevich1981@mail.ru

ПЕРЕСМОТР КОНСТИТУЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ — НЕОБХОДИМОСТЬ ВРЕМЕНИ

Недавно страна отметила две знаковые для России даты: 100 лет со дня принятия первой Конституции России и 25-летие последней Конституции современной Российской Федерации. Суть каждой из них — отражение общественно-политических процессов, происходящих на определенных этапах развития России в XX столетии. Последняя Конституция — пятая по счету. Возникает вопрос: надо ли готовиться к принятию новой Конституции, так как жизнь не стоит на месте, или возможны и другие варианты? Априори Конституция является основным законом нашего государства. Она наделена двумя важными характеристиками: стабильность и динамизм. Стабильность выражается в нерушимости главных положений конституции. Динамизм предполагает внесение изменений в конституцию. Его во всех случаях следует сочетать со стабильностью, не игнорируя ее наличие.

В статье изучается и рассматривается опыт Российской Федерации по пересмотрам конституций, а также проводится сравнительно-правовой анализ зарубежных стран, в которых существуют отличительные особенности по введениям поправок и изменений. Исследуются мнения российских юристов и ученых, которые также занимались изучением аналогичных тем. Прописываются их предложения для совершенствования.

Ключевые слова: Конституция РФ, поправки, пересмотр, нерушимость Конституции РФ, конституции зарубежных стран, история Конституции РФ.

Актуальность и важность темы вызваны появлением проблемы в поиске наилучшего взаимодействия стабильности и динамичности при изменении конституции. Проблема будет изучена при помощи сравнения конституций зарубежных стран и Конституции РФ.

При изучении зарубежного опыта следует отметить, что во время внесения поправок в конституцию или во время пересмотра конституции возникает определение отношений в обществе. Оно может существовать без кардинальных изменений действующего общественного строя, совмещая соблюдение и увеличение свобод и прав.

Изучая данную тему, важно рассмотреть количество внесенных поправок в странах Европы, Америки, а также в Российской Федерации. Изменения, которые были внесены в странах Европы (Германия, Франция), зафиксировали стабильность системы. В Германии Основной

закон претерпел 54 изменения. Они в свою очередь считаются конституционными пересмотрами [2]. Конституция Франции 1958 года включает 24 изменения [3]. В Российской Федерации Конституция насчитывает не так много изменений — всего 10 [1].

Пересмотр конституции содержит определенную цель. Цель пересмотра — предопределение развития общества в правильном направлении путем внесения изменений или поправок в содержание конституции. Также необходимо выделить тот факт, что вносить изменения в произвольной форме не допускается. Безосновательные и регулярные изменения текста приводят к необдуманному пересмотру, что может поставить стабильность государства под угрозу.

Авакьян С. А. в своих исследованиях разделял подходы конституционного реформирования на два вида. Первый вид — «консервативный». Согласно данному подходу реформирова-

ние имеет чрезвычайный характер и является редким событием, которое связано со значительными изменениями строя. Второй подход — «рациональный». В этом случае изменения в тексте появляются, только когда это необходимо [5].

Важно заметить, что процесс пересмотра, как правило, растянут во временных рамках. В Конституцию РФ 1978 года с 1991 по 1993 год было внесено больше 300 поправок. Это привело к ее существенному пересмотру [4].

Белкин А. А. высказывал личное мнение относительно принципа «нерушимости конституции». Он считал, что этот принцип взаимосвязан с установленными государственными и историческими учениями. Данный принцип проявляется самостоятельно и не зависит от того, когда была принята конституция [6]. Такой принцип независим от правовых традиций нации, общественного строя и количества конституционных норм, которые считаются «нерушимыми».

Исходя из этого, «нерушимые конституции» фиксируют и вводят в действие несменяемость, несмотря на то, что в такие акты возможно вносить поправки. Например, в статье 136 Конституции Мексики 1917 года прописано, что она не должна терять силы, даже если её действие будет нарушено восстанием. Данная конституция на сегодняшний момент содержит достаточное количество поправок и изменений.

Конституция Греции 1975 года рассматривает проблему иначе. В статье 120 прописано: «Соблюдать Конституцию доверяется грекам, их патриотизму. Их правом и обязанностью принято считать оказание всевозможными методами противодействия всякой попытке упразднить ее с помощью насилия» [9].

В Германии Основной закон наделяет всех немцев правом выражать сопротивление и odpor каждому, кто захочет и предпримет попытки свергнуть действующий строй. Это правило применяется, только когда исчерпаны остальные средства устранения сопротивления. Положение прописано в статье 20.

Троицкая А. А. изучала феномен пересмотров конституций. По результатам исследований она определила два центральных тезиса:

1. Пределы пересмотров конституций являются формальными. Они устанавливаются в актах конституционного уровня. Пределы предусматривают возможность вносить изменения частично или полностью при соблюдении всевозможных требований. Такие требования предъявляются во время процедуры пересмотра и должны исполняться в полном объеме.

2. После соблюдения формальных требований появляются содержательные пределы пересмотра конституции [8].

Во время пересмотров конституций ограничения могут устанавливаться и применяться с использованием нескольких основных позиций. К первой позиции относится то, что в конституции закреплён запрет на пересмотр и рассмотрение пересмотра в определенный период времени. В качестве второй позиции применяется то, что в конституции исключается пересмотр при определенных ситуациях.

После определения и рассмотрения первой позиции следует определить временные ограничения и их способы.

Конституция может включать ограничения по времени о пересмотре либо после того как она принята, либо во время реализации. В качестве примеров следует рассмотреть несколько исторических аспектов конституций зарубежных стран. Конституция Франции 1791 года прописывала запрет на всевозможный пересмотр в течение первых 3 лет. Однако при изучении истории пересмотров данного акта прослеживается, что указанное положение соблюдено не было.

Конституция Парагвая 1992 года устанавливала, что основной акт страны не должен изменяться или пересматриваться по окончании 10 лет с момента объявления. Поправки должны были вноситься только по окончании 3 лет после провозглашения Конституции [10]. Указанные положения включаются в первый способ.

Вторым способом можно считать то, что определенные конституции устанавливают конкретный временной период после вступления в силу последней редакции. Конституция Греции 1975 года не разрешает пересматривать основной закон раньше пяти лет после завершения последнего пересмотра. Это прямо указано в статье 110.

Последующий или последний способ ограничения пересмотра конституций соединен с интервалом времени, который устанавливается, чтобы принять конституционный закон.

Все перечисленные выше способы необходимы для анализа первой позиции.

Важно заметить, что новые и последующие пересмотры конституций в некоторых странах не ограничиваются количеством статей и норм, в которые можно внести изменения. В качестве существенного примера можно привести Основной закон Португалии. Первый пересмотр акта в 1982 году внес изменения в 200 статей, последующий пересмотр в 1989 году внес изменения

почти в 100 статей, а третий пересмотр в 1992 году внес изменения лишь в 5 статей [11].

Позиция, прописанная в качестве второй, показывает, что в некоторых конституциях стоит запрет на изменения основного акта при конкретных ситуациях. К таким ситуациям относятся военные действия, чрезвычайное положение, угроза интервенции. Небольшое число зарубежных стран на современном этапе включают данный запрет в нормы закона (Бельгия, Молдавия, Румыния, Бразилия).

Кроме указанных обстоятельств, при изучении конституций государств можно обнаружить другие, которые запрещают пересматривать или вносить изменения в конституцию. В большинстве случаев это возникает, когда происходит временное замещение функций главы государства. К такому примеру можно отнести Францию (при временном исполнении функций Президента Республики председателем Сената или Правительством) и Россию (при временном исполнении функций Президента РФ Председателем Правительства РФ).

Всем известно, что Конституция — это упорядоченная система норм, которые взаимосвязаны между собой и взаимозависимы. Из этого следует, что не каждую норму можно заменять самостоятельно, не нарушая при этом сложившуюся систему.

В определенных государствах стоит запрет на пересмотр конкретных сфер жизни. К таким можно отнести запрет на пересмотр религиозных и идеологических основ. Этот запрет прописан в конституциях Ирана, Марокко. Основной закон указывает на неприкосновенный исламский характер страны. Конституция Кубы свидетельствует об устойчивости формирования социалистического пути и имеющейся политической системы. Положение прописано в статьях 3 и 137 [7].

Изучение теории показывает, что пересмотр конституции разделяется на гибкий и жесткий. Существуют конституции, где присутствует гибкий пересмотр, в других присутствует жесткий. Однако имеются так называемые «смешанные» конституции, в которых эти два компонента сочетаются и взаимосвязаны. Важно установить, что мерой гибкости и жесткости является не порядок включения изменений. Такой процесс должен сравниваться с принятием обычных законов. Сложность порядка пересмотра прямо соединена с частичным или полным пересмотром.

Однако небольшое количество зарубежных стран разделяют пересмотр на частичный и

полный. Следует определить значение и сущность таких видов. Частичный пересмотр подразумевает изменение отдельных или некоторых действующих положений конституции. Внесение поправок, когда применяется частичный пересмотр, существенно упрощает этот процесс. Процедуру пересмотра образно следовало бы разделить на определенные этапы: проявление инициативы или вынесение предложения о пересмотре, последующее формирование инициативы пересмотра или принятие закона, ратификация конституционного закона.

В содержании конституционных норм по пересмотру Конституции РФ указывается иной порядок. Так, можно согласиться с мнением ученых, что Конституция нашего государства имеет установленное количество уровней «жесткости». Три главы Конституции РФ (1, 2 и 9) обладают признаком нерушимости. Это в значительной степени усложняет совершенствование отдельных положений закона. Указанные главы принято считать цельными структурными подразделениями. Иначе говоря, если произойдет пересмотр хоть одной нормы из этих глав, то необходимо будет пересматривать Конституцию РФ заново и полностью.

Процесс пересмотра Конституции произойдет лишь при поддержке 3/5 голосов от всего количества членов Совета Федерации и депутатов Государственной Думы. Положение прямо указано в Конституции РФ в частях 2, 3 статьи 135. Президент, Парламент, Правительство РФ имеют право на инициативу о внесении поправок или пересмотре. Инициативой наделены и законодательные органы субъектов РФ. Это означает, что инициатива может формироваться как на государственном уровне, так и на региональном.

Исследовав исторические данные пересмотров, зарубежный опыт и опыт нашего государства, можно прийти к конкретному заключению. Законодатель изначально установил требования и меры предосторожности пересмотров, чтобы защитить и не допустить изменений фундаментальных ценностей. В их число входит правовой статус граждан, основы действующего строя. Также, используя меры защиты, законодатель дает нормам дополнительные гарантии. В практической деятельности разделять фундаментальные ценности и определенные конституционные положения достаточно сложно. Тем не менее нормы «дополнительных гарантий» отражают исторический опыт установок страны и приоритеты на определенных этапах государственного строительства.

И последнее, Конституция — это основа нашего государства. Но это не значит, что мы не можем смотреть на нее глазами современных людей, живущих в XXI веке. Такой вывод можно сделать из дискуссий, которые были обусловлены мероприятиями в честь двух обозначенных выше дат. Многие видные ученые и государственные

деятели (В. Д. Зорькин, В. В. Володин, Д. А. Медведев, В. И. Матвиенко и другие) были схожи во мнении, что с учетом происходящих в нашем обществе преобразований отдельные положения Конституции нуждаются в корректировке путем внесения в нее изменений. Авторы статьи полностью их в этом поддерживают.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 года) // Российская газета. — 1993. — 25 дек. — № 237.
2. Основной закон Федеративной Республики Германии от 23 мая 1949 года. — URL: https://www.1000dokumente.de/?c=dokument_de&dokument=0014_gru&object=translation&l=ru.
3. Конституция Французской Республики от 4 октября 1958 года. — URL: <http://lawyers-ssu.narod.ru/subjects/constzs/france.htm>.
4. Конституция (Основной закон) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики от 12 апреля 1978 года. — URL: http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1978/red_1978/5478721.
5. Авакьян С. А. Практика конституционных реформ: некоторые проблемы / С. А. Авакьян // Вестн. Моск. гос. ун-та. Сер. 11. Право. — 2015. — № 1. — С. 24.
6. Белкин А. А. Пересмотр Конституции. Теоретические аспекты / А. А. Белкин // Вопросы правоведения. — М., 2014. — № 2. — С. 9—10.
7. Маклаков В. В. Конституционное право зарубежных стран / В. В. Маклаков. — М., 2016. — С. 104.
8. Троицкая А. А. Пределы пересмотра конституции: формальный и содержательный аспекты / А. А. Троицкая // Вестн. Моск. гос. ун-та. Сер. 11. Право. — 2015. — № 1. — С. 59.
9. Конституции зарубежных государств: Великобритания, Франция, Германия, Италия, Европейский союз, Соединенные Штаты Америки, Япония / сост. сб., пер. В. В. Маклакова. — М., 2016. — С. 116.
10. Конституции государств Америки : в 3 т. / под ред. Т. Я. Хабриевой. — М., 2016. — Т. 2. — С. 547.
11. Конституции государств Европы : в 3 т. / под ред. Л. А. Окунькова. — М., 2015. — Т. 1. — С. 696.

REVISION OF THE CONSTITUTION OF THE RUSSIAN FEDERATION — NEED FOR TIME

V. M. Machinsky

Rostov branch of the Russian Customs Academy (Rostov-on-Don, Russia)

alekseyvalerevich1981@mail.ru

A. V. Machinsky

Rostov branch of the Russian Customs Academy (Rostov-on-Don, Russia)

alekseyvalerevich1981@mail.ru

Recently the country has celebrated two dates significant for Russia: 100 years from the date of adoption of the first Constitution of Russia and the 25th anniversary of the latest Constitution of the modern Russian Federation. The essence of each of them is the reflection of the social and political processes happening at certain stages of development of Russia in the 20th century. The latest Constitution is the fifth. The question is if it is necessary to prepare for adoption of the new Constitution as life does not stand still, or other options are possible. At first glance the Constitution is the fundamental law of our state. It is allocated with two important characteristics: stability and dynamism. Stability presupposes the inviolability of the main provisions of the constitution. The dynamism assumes the introduction of amendments into the constitution. In all cases it should be combined with stability, without ignoring its existence. The article deals with the revisions of the Constitutions of the Russian Federation and conducts the comparative and legal analysis of foreign countries which have distinctive features of introductions of amendments and changes. The authors study the opinions of the Russian lawyers and scientists who studied the similar subjects. The paper offers their proposals for improvement register.

Key words: Constitution of the Russian Federation, amendment, revision, inviolability of the Constitution of the Russian Federation, constitution of foreign countries, history of the Constitution of the Russian Federation.

References

1. Konstitutsiya Rossiyskoj Federatsii (prinyata na vsenarodnom golosovanii 12 dekabrya 1993 goda) [Constitution of the Russian Federation (adopted at the national referendum on December 12, 1993)]. Rossiyskaya gazeta, 25.12.1993, № 237.
2. Osnovnoy zakon Federativnoy Respubliki Germanii ot 23 maya 1949 goda [Fundamental law of Federal Republic of Germany from May 23, 1949]. URL: https://www.1000dokumente.de/?c=dokument_de&dokument=0014_gru&object=translation&l=ru.

3. Konstitutsiya Frantsuzskoy Respubliki ot 4 oktyabrya 1958 goda [Constitution of Republic of France from October 4, 1958]. URL: <http://lawers-ssu.narod.ru/subjects/constzs/france.htm>.
4. Konstitutsiya (Osnovnoy zakon) Rossiyskoy Sovetskoy Federativnoy Sotsialisticheskoy Respubliki ot 12 aprelya 1978 goda [Constitution of Russian Soviet Federative Socialist Republic]. URL: http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1978/red_1978/5478721.
5. Avakyan S. A. (2015) Praktika konstitutsionnyh reform: nekotorye problemy [Constitution reforms: problems]. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta, Ser. 11, Pravo, (1), p. 24.
6. Belkin A. A. (2014) Peresmotr Konstitutsii. Teoreticheskie aspekty [Revision of constitution. Theoretical aspects]. Voprosy pravovedeniya, (2), p. 9—10.
7. Maklakov V. V. (2016) Konstitutsionnoe pravo zarubezhnyh stran [Constitutional law of foreign countries]. Moscow, p. 104.
8. Troitskaya A. A. (2015) Predely peresmotra konstitutsii: formalnyj i soderzhatelnyj aspekty [Limits of constitutional revision: formal and content-related aspects]. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta, Ser. 11, Pravo, (1), p. 59.
9. Maklakova V. V. (2016) Konstitutsii zarubezhnyh gosudarstv: Velikobritaniya, Frantsiya, Germaniya, Italiya, Evropeyskiy soyuz, Soedinennye Shtaty Ameriki, Yaponiya [Constitution of foreign countries: Great Britain, France, Germany, Italy, European Union, the United States of America, Japan]. Moscow, 116 p.
10. Khabrieva T. Ya. (2016) Konstitutsii gosudarstv Ameriki: v 3 t. [Constitution of America]. Moscow, T. 2, 547 p.
11. Okunkov L. A. (2015) Konstitutsii gosudarstv Evropy: v 3 t. [Constitution of Europe]. Moscow, T. 1, 696 p.

Е. В. Медведев

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
oxymoron@rambler.ru

ПОСЯГАТЕЛЬСТВА НА ПОРЯДОК ОТПРАВЛЕНИЯ ПРАВОСУДИЯ СО СТОРОНЫ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ, УЧАСТВУЮЩИХ В НЕМ

Проблема противодействия угрозам отправления правосудия остается почти не освещенной в теории уголовного права, несмотря на то, что практика применения соответствующих уголовно-правовых запретов вскрывает немало спорных вопросов, требующих кардинального решения. Данная статья посвящена комплексному анализу проблемы противодействия угрозам отправления правосудия, проистекающим от лиц, наделенных властными полномочиями в данной сфере. В результате проведенного исследования определен круг внутренних угроз отношениям по отправлению правосудия, проведена их классификация, определены виды потерпевшего в соответствующих составах преступлений, установлены общественно опасные способы воздействия на участников этих отношений и их близких. В ходе исследования выявлен ряд существенных недостатков законодательного определения, теории и практики применения уголовно-правовых норм об ответственности должностных лиц, участвующих в осуществлении правосудия за совершение ряда преступлений, а именно: существенный круг участников отношений по осуществлению уголовного правосудия остается вне уголовно-правовой защиты от произвола со стороны должностных лиц, наделенных властью в этой сфере; законодатель не совсем удачно описывает и сами варианты возможного воздействия на потерпевших, в частности, в статье 302 УК; в названии данной статьи говорится только о принуждении к даче показаний, в то время как в содержании ее диспозиции упоминается еще и о принуждении эксперта или специалиста к даче заключения и т. д. В целях исправления сложившегося положения и расширения действия рассматриваемых уголовно-правовых запретов автор предлагает сделать их универсальными, охватывающими весь спектр отношений правосудия. В данной связи предлагается внести ряд кардинальных изменений в текст норм действующего УК РФ об ответственности за преступления против правосудия.

Ключевые слова: правосудие, отправление правосудия, судопроизводство, участники судопроизводства, субъекты отправления правосудия, представители власти, потерпевший, преступный вред, уголовная ответственность.

При определении круга и содержания факторов, которые могут привести к нарушению порядка осуществления правосудия, следует прежде всего отталкиваться от внутренних угроз, происходящих от действий самих участников этих отношений, а именно от должностных лиц, наделенных властными полномочиями в сфере судопроизводства, на которых по закону возложены обязанности по обеспечению их надлежащей реализации.

Круг таких угроз в сфере уголовного судопроизводства довольно широк, что обусловлено числом должностных лиц, которые теоретически могут воспользоваться своими полномочиями в преступных целях. Сюда, помимо представителей судейского корпуса, можно отнести должностных лиц, осуществляющих предварительное расследование, оперативно-розыскные меро-

приятия, начальников органов дознания и следствия и т. д., а также представителей прокуратуры. Угрозы безопасности правосудия с их стороны могут выражаться в насильственном принуждении или склонении иным способом к совершению тех или иных процессуальных действий, например, к даче показаний и т. п. или, наоборот, к отказу от совершения такого рода действий для достижения определенного уголовно-процессуального результата (например, формирования обвинительной доказательственной базы).

В качестве уголовно-правового инструмента профилактики оказания давления на участников судопроизводства лицами, представляющими власть в сфере отправления правосудия, УК на данный момент предусматривает несколько уголовно-правовых запретов. Они содержат-

ся в статье 301 УК (незаконные задержание, заключение под стражу или содержание под стражей), статье 302 УК (принуждение к даче показаний), статье 305 УК (вынесение заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта, если такое воздействие происходит от судьи или иного лица, осуществляющего правосудие) и статье 311 УК (разглашение сведений о мерах безопасности, применяемых в отношении судьи и участников уголовного процесса).

На первый взгляд, набор средств уголовно-правового обеспечения безопасности отправления правосудия, предложенный разработчиками УК, выглядит вполне солидно. Однако в целом этот уголовно-правовой механизм имеет довольно много изъянов. Во-первых, это проблемы с терминологией, и прежде всего используемой для описания признаков потерпевших. Исключения составляют лишь диспозиции норм, предусмотренных статьями 301 и 305 УК, которые прямо о потерпевшем не говорят [9, с. 31]. Здесь признаки и круг потерпевших вытекают из смысла и характера самого деяния. Так, в составах преступления, закрепленных частью 1 статьи 301 УК и статьей 305 УК, потерпевшим может быть любое лицо, а в части 2 и 3 статьи 301 УК в этом качестве может выступать исключительно подозреваемый или обвиняемый; в части 2 статьи 305 УК — соответственно лишь подсудимый.

В первом из названных посягательств это те лица, которым в ходе предварительного расследования или в суде может быть незаконно избрана мера пресечения в виде заключения под стражу. По процессуальному статусу арест может быть применен только к определенной категории лиц — подозреваемому, обвиняемому, а также подсудимому [10, с. 29]. Во втором случае в качестве потерпевшего может выступать лишь подсудимый, поскольку речь здесь идет уже о приговоре.

В иных приведенных выше статьях разработчики УК идут по пути казуистического перечисления лиц, участвующих в уголовном процессе, на которых может быть совершено посягательство [7, с. 23]. Например, статья 302 УК вполне конкретно указывает, что принуждение к даче показаний возможно в отношении четко определенного круга лиц. К их числу относятся подозреваемый, обвиняемый, потерпевший либо свидетель, а также эксперт или специалист, если речь идет о принуждении к даче экспертного заключения или к даче показаний. Таким образом, в рассматриваемом случае в качестве

потерпевшего, согласно идее разработчиков УК, могут выступать пять участников уголовного судопроизводства.

Однако это не совсем так. В действительности принуждение со стороны должностных лиц в ходе расследования уголовного дела может применяться и к иным участникам процесса, например, к понятому, переводчику, педагогу, психологу, защитнику, законным представителям и т. д. Подтверждением тому выступают не такие уж и редкие в судебной практике уголовные дела о фальсификации результатов расследования уголовных дел [1, с. 38].

Таким образом, учитывая, что уголовный закон не применяется по аналогии и его нормы не могут быть истолкованы расширительно, существенный круг участников отношений по осуществлению уголовного правосудия остается вне уголовно-правовой защиты от произвола со стороны должностных лиц, наделенных властью в этой сфере.

Помимо этого, законодатель не совсем удачно описывает и само возможное воздействие на потерпевшего в статье 302 УК. В названии статьи говорится лишь о принуждении к даче показаний, а в тексте самой статьи еще и о принуждении эксперта или специалиста к даче заключения. В параллели со схожим по смыслу составом, предусмотренным статьей 309 УК (Подкуп или принуждение к даче показаний или уклонению от дачи показаний либо к неправильному переводу), возникает справедливый вопрос: почему в статье 302 УК говорится о принуждении только к этим двум действиям [2]?

Давление со стороны дознавателя, следователя и т. д. на других участников процесса может иметь и другие формы выражения [8, с. 10]. Например, оно может выразиться в принуждении сделать неправильный перевод, или исказить содержание протокола судебного заседания, или в попытке заставить адвоката отказаться от защиты подозреваемого, обвиняемого и т. д. [6, с. 35]. Причем последствия такого давления могут быть не менее серьезными. Для устранения обозначенного пробела необходимо расширить закрепленную в статье 302 УК формулировку «принуждение к даче показаний». Вместо нее в текст уголовного закона следует ввести выражение «принуждение к даче показаний, совершению *иных процессуальных действий* или отказу от их совершения», которое будет охватывать своим содержанием все возможные насильственные формы воспрепятствования реализации процессуаль-

ной правоспособности участниками судопроизводства.

Помимо этого, из-за неточности законодательной формулировки немало вопросов среди специалистов возникает по поводу уточнения сферы судопроизводства, в которой указанное воздействие возможно. Большинство ученых полагают, что в данном случае имеется в виду исключительно сфера уголовного судопроизводства [2]. Причем многие авторы и эту сферу отправления правосудия рассматривают лишь в узком смысле, подразумевая под ней только стадию досудебного производства [3].

С подобным суждением довольно сложно согласиться, поскольку с позиции охраны интересов правосудия его защита должна охватывать своим потенциалом все виды правосудия, а не только правосудие по уголовным делам. Действительно, гражданское и арбитражное судопроизводство не располагают таким набором мер принудительного воздействия, отсутствуют в данных сферах отправления правосудия и карательные инструменты и субъекты, уполномоченные их применять [11, с. 25]. Зато здесь есть другой субъект — судья. Напрямую он не может оказывать давление на истцов и ответчиков в ходе отправления судопроизводства, но в его подчинении находятся помощник и секретарь судебного заседания. На них судья вполне способен воздействовать в целях обеспечения чьих-то личных или корпоративных и т. д. интересов, а не интересов правосудия [4, с. 9]. Представляется, что такой вариант незаконного воздействия на участников отношений по отправлению правосудия также должен подлежать уголовно-правовой оценке и быть оценен как общественно опасный, поскольку способен нанести существенный ущерб отношениям правосудия.

В остальной части обозначенные выше уголовно-правовые нормы вполне логичны, способны обеспечить охрану интересов правосудия и отражают реальное положение дел в сфере отправления правосудия. Разработчиками УК

верно дифференцированы способы принуждения, справедливо расставлены акценты в санкциях за оказание давления на участников уголовного процесса в зависимости от характера принуждения, с применением насилия, издевательств или пытки.

Правда, законодатель не совсем корректно отобразил угрозу, происходящую изнутри системы отправления правосудия, которая, на наш взгляд, может быть вызвана не только действиями следователя и лица, производящего дознание, непосредственно работающими со всеми другими участниками процесса в ходе расследования уголовного дела. Законодатель забыл о руководителе следственного органа или руководителе органа дознания, а также прокуроре и в отдельных случаях — о судье, которые располагают весьма существенными полномочиями на стадии предварительного расследования. Всех вместе их можно обозначить универсальным понятием «представитель власти» в сфере осуществления правосудия [5, с. 14].

Разработчики УК отчасти учли возможность множественного проявления внутренней угрозы интересам правосудия, дополнив круг субъектов преступления в статье 302 УК «другими лицами». Однако это сделано в несколько другом ключе, с упоминанием лишь субъектов, действующих с ведома или молчаливого согласия следователя или лица, производящего дознание.

Получается, все проявления злоупотреблений, насилия и т. д., проистекающие от представителей власти в сфере отправления правосудия, законодатель свел к поведению лиц, осуществляющих уголовное преследование на досудебной стадии уголовного судопроизводства. Чтобы исправить сложившееся положение и расширить действие данного уголовно-правового запрета, сделав его универсальным, охватывающим весь спектр отношений правосудия, представляется необходимым внести соответствующие изменения в текст нормы, предусмотренной статьей 302 УК.

Литература

1. Баев О. Я. Посягательства на доказательственную информацию и доказательства в уголовном судопроизводстве (правовые и криминалистические средства предупреждения, пресечения и нейтрализации последствий: проблемы и возможные решения) / О. Я. Баев. — М. : Юрлитинформ, 2010. — 429 с.
2. Барышева В. Ответственность за лжесвидетельство и принуждение к даче показаний / В. Барышева // Законность. — 2003. — № 5. — С. 49—50.
3. Белоковильский М. С. За гранью процессуального конфликта: к вопросу о незаконном противодействии сторон в уголовном процессе / М. С. Белоковильский, А. Н. Игнатьев // Адвокат. — 2009. — № 8. — С. 35—39.
4. Бобраков И. А. Охрана участников уголовного судопроизводства: криминологические и уголовно-правовые аспекты : моногр. / И. А. Бобраков. — М. : ЮНИТИ-ДАНА ; Закон и право, 2005. — 239 с.

5. Бобраков И. А. Уголовная ответственность за посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование / И. А. Бобраков // Российский следователь. — 2006. — № 3. — С. 11—16.
6. Бухарев А. В. Особенности правового регулирования противодействия коррупции в судах общей юрисдикции / А. В. Бухарев // Администратор суда. — 2012. — № 1. — С. 34—37.
7. Зиганшин А. Т. Квалификация преступного противодействия осуществлению правосудия (ст. 309 УК) / А. Т. Зиганшин // Администратор суда. — 2009. — № 4. — С. 22—24.
8. Лозовицкая Г. П. Проблемы безопасности участников правосудия / Г. П. Лозовицкая // Российский следователь. — 2007. — № 16. — С. 8—11.
9. Попова Л. А. Уголовная ответственность за угрозу или насильственные действия в связи с осуществлением правосудия или производством предварительного расследования : дис. ... канд. юрид. наук / Л. А. Попова. — Омск, 2001. — 201 с.
10. Шестаков А. Л. Квалификация действий органов внутренних дел при совершении преступлений против правосудия / А. Л. Шестаков // Российский судья. — 2010. — № 5. — С. 28—31.
11. Шестаков А. Л. Сущность и место принуждения в системе способов совершения преступлений против правосудия / А. Л. Шестаков // Российский судья. — 2010. — № 1. — С. 23—25.

VIOLATIONS OF JUSTICE BY OFFICIAL PERSONS INVOLVED IN JUSTICE ADMINISTRATION

E. V. Medvedev

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)

oxymoron@rambler.ru

The problem of countering threats to the administration of justice remains almost obscured in the theory of criminal law, despite the fact that the practice of applying the relevant criminal law prohibitions reveals some controversial issues that require a radical solution. This article is devoted to a comprehensive analysis of the problem of countering threats to the administration of justice arising from persons with power in this area. As a result of the study, the range of internal threats to relations in the administration of justice is defined, their classification is carried out, the types of the victim in the relevant compositions of crimes are determined, socially dangerous methods of influence on the participants of these relations and their relatives are established. The study revealed a number of significant shortcomings of the legislative definition, theory and practice of criminal law on the responsibility of officials involved in the administration of justice for a number of crimes, namely: a significant number of participants in relations on the implementation of criminal justice remain outside the criminal law protection from arbitrariness on the part of officials vested with power in this area; the legislator does not quite successfully describe the options themselves for possible impact on victims, in particular, in article 302 of the criminal code; the title of this article refers only to the coercion to give evidence, while the content of its disposition also refers to the coercion of an expert or specialist to give an opinion, etc. In order to correct the situation and expand the effect of the criminal law prohibitions under consideration, the author proposes to make them universal, covering the whole range of justice relations. In this regard, it is proposed to make a number of fundamental changes to the text of the norms of the criminal code of the Russian Federation on responsibility for crimes against justice.

Key words: justice, administration of justice, legal proceedings, participants in legal proceedings, subjects of administration of justice, representatives of the authorities, victim, criminal harm, criminal liability.

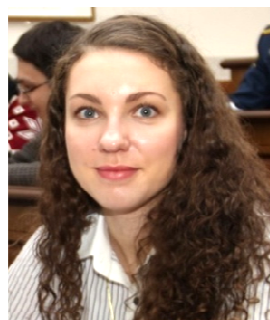
References

1. Bayev O. (2010) *Posyagatelstva na dokazatelstvennyuyu informatsiyu i dokazatelstva v уголовном судопроизводстве (pravovye i kriminalisticheskiye sredstva preduprezhdeniya, presecheniya i neytralizatsii posledstviy: problemy i vozmozhnyye resheniya)* [Infringements on evidentiary information and evidence in criminal proceedings (legal and criminalistic means of prevention, suppression and neutralization of consequences: problems and possible solutions)]. Moscow: Yurлитinform, 429 p.
2. Barysheva V. (2003) *Otvetstvennost za izhesvidetelstvo i prinuzhdeniye k dache pokazany* [Responsibility for perjury and coercion to testify]. *Zakonnost*, (5), p. 49.
3. Belokobylskiy M. S., Ignatyev A. N. (2009) *Za granyu protsessualnogo konflikta: k voprosu o nezakonnom protivodeystvii storon v уголовном protsesse* [Beyond procedural conflict: the issue of illegal opposition parties in the criminal process]. *Advokat*, (8), p. 35—39.
4. Bobrakov I. A. (2005) *Okhrana uchastnikov уголовного судопроизводства: kriminologicheskiye i уголовно-pravovye aspekty* [Protection of participants in criminal proceedings: criminological and criminal legal aspects]. Monografiya. Moscow: UNITY-DANA, *Zakon i pravo*, 239 p.
5. Bobrakov I. A. (2006) *Ugolovnaya otvetstvennost za posyagatelstvo na zhizn litsa, osushchestvlyayushchego pravosudiye ili predvaritelnoye rassledovaniye* [The criminal liability for infringement of life of the person performing justice or preliminary investigation]. *Rossiyskiy sledovatel*, (3), p. 11—16.
6. Bukharev V. (2012) *Osobennosti pravovogo regulirovaniya protivodeystviya korruptsii v sudakh obshchey yurisdiktsii* [Features of legal regulation of anti-corruption in courts of General jurisdiction]. *Administratorsuda*, (1), p. 34—37.
7. Ziganshin A. T. (2009) *Kvalifikatsiya prestupnogo protivodeystviya osushchestvleniyu pravosudiya* [The qualification of criminal obstruction of justice (article 309 of the criminal code)]. *Administratorsuda*, (4), p. 22—24.

8. Lozovyt'ska G. P. (2007) Problemy bezopasnosti uchastnikov pravosudiya [Safety of participants of the justice process]. Rossiyskiy sledovatel, (16), p. 8—11.
9. Popova L. (2001) Ugolovnaya otvetstvennost za ugrozu ili nasilstvennye deystviya v svyazi s osushchestvleniyem pravosudiya ili proizvodstvom predvaritelnogo rassledovaniya: dis. ... kand. yurid. nauk [Criminal liability for threat or violent actions in connection with the implementation of justice or the production of preliminary investigation: dis. ... kand. the faculty of law. sciences]. Omsk, 201 p.
10. Shestakov A. L. (2010) Kvalifikatsiya deystvy organov vnutrennikh del pri sovershenii prestupleniy protiv pravosudiya [Qualifikation of the actions of police in crimes against justice]. Rossiyskiy sudya, (5), p. 28—31.
11. Shestakov A. L. (2010) Sushchnost i mesto prinuzhdeniya v sisteme sposobov soversheniya prestupleniy protiv pravosudiya [The Nature and place of coercion in the system of crimes against justice]. Rossiyskiy sudya, (1), p. 23—25.

С. Ю. Морозов

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
fgslaw@mail.ru

А. О. Пятакова

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
alena.pyatakova@yandex.ru

КОЛЛЕКТИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫМИ ПРАВАМИ

В статье рассмотрены проблемы, связанные с существованием в предмете гражданского права отношений управления. В настоящее время дискуссионным остается вопрос о возможности сочетания метода юридического равенства сторон и общественных отношений, основанных на власти и подчинении. Частным случаем проявления отношений управления в гражданском праве является коллективное управление интеллектуальными правами. Предлагается системно взглянуть на правовые средства, обеспечивающие такое управление. Одним из гражданско-правовых инструментов, упорядочивающих данный вид отношений, является лицензионный договор с организацией по коллективному управлению интеллектуальными правами. В статье рассмотрен только один из наиболее важных элементов этой системы. Важной научной проблемой является также соотношение отношений управления с организационными гражданско-правовыми отношениями. Открытым остается вопрос о том, следует ли их разграничивать либо необходимо соотносить как часть и целое.

Цель исследования: сформировать научное представление о правовой природе коллективного управления интеллектуальными правами. Методы: в качестве основных методов и подходов, которые были использованы при написании данной статьи, следует особо выделить системный подход, метод правового моделирования, метод межотраслевых исследований. Кроме того, использованы теоретические методы формальной и диалектической логики и интерпретации.

Ключевые слова: отношения управления, интеллектуальные права, метод юридического равенства сторон, лицензионный договор.

Вопрос о регулировании отношений по управлению гражданским правом является дискуссионным, поскольку считается, что управление свойственно только для публично-правовой сферы. Однако объективная действительность свидетельствует об обратном. На сегодняшний день отношения по управлению можно обнаружить в институтах гражданского права. Например, включение в предмет гражданского права отношений по управлению корпоративными организациями является одним из многочисленных свидетельств наличия отношений управления в частноправовой сфере. Анализ гражданского и жилищного законодательства позволяет привести такие примеры, связанные с наличием в нем категории управления, как договор управления многоквартирным домом, договор управления залогом, право оперативного управления, договор доверительного управления, аренда транспортных средств с экипажем,

арбитражное управление, договор оперативно-диспетчерского управления. Услуги управления, оказываемые операторами, встречаются в банковской, туристической, перевозочной и иных сферах деятельности. В рамках данного исследования нас в первую очередь интересует управление с использованием гражданско-правовых средств не вещами, а поведением участников соответствующих отношений.

Процессы конвергенции частного и публичного права обуславливают не только подвижность границ между данными системными образованиями [1, с. 72], но и проникновение публичного права в сферы частноправового регулирования. Наблюдается тенденция расширения круга властных инструментов, применяемых для регулирования частноправовых отношений. Более того, субординационные отношения власти и подчинения на сегодняшний день существуют в гражданском праве наряду с имуще-

венными и личными неимущественными. При чем данная объективная реальность ни в коей мере не противоречит регулированию таких отношений методом юридического равенства сторон [2, с. 21]. Данная позиция находит подтверждение и в том, что отношения по управлению, которые свойственны публично-правовым отраслям права, проявляются в гражданско-правовой сфере.

Управление характерно для любых организованных систем, поскольку реализация функций управления обеспечивает достижение поставленных целей. Так, А. В. Габов предлагает выделять следующие разновидности управления: управление в публично-правовых системах (государственное управление) и управление в частноправовых системах [3, с. 147]. Управление свойственно любым системам, соответственно, отношения по управлению могут существовать как в публично-правовых отраслях права, так и в частноправовой сфере.

Управление, по мнению Ю. С. Харитоновой, выражается в частной сфере и является «функцией власти в сложных организованных системах» [4, с. 17]. В частном праве управление направлено на реализацию функций по сохранению и эффективному использованию имущества. Цели управления заключаются в том, чтобы объект достиг заданных параметров, это может быть как сохранение, так и изменение характеристик объекта.

Основой отношений по управлению являются отношения власти и подчинения, которые, как было сказано выше, могут возникать в частноправовой сфере. Отношения власти и подчинения между субъектами гражданского права имеют ряд отличительных особенностей. А. А. Ананьева обоснованно полагает, что возможность отнесения таких правоотношений к числу гражданско-правовых обосновывается целью участников правоотношений, гражданской правоспособностью субъектного состава, методом правового регулирования, спецификой объектов, использованием гражданско-правовых средств для наделения полномочиями субъекта управления [6, с. 54].

Отношения управления в гражданско-правовой сфере возникают между равноправными субъектами права. Деятельность таких субъектов направлена на организацию, планирование, контроль и регулирование отношений, возникающих по поводу объекта управления.

Управленческое воздействие всегда основано на власти, при этом субъект, осуществляющий управление, имеет властные полномо-

чия. Если один из субъектов отношений имеет властные полномочия, а другой вынужден подчинять свою волю его указаниям, то между ними складываются отношения зависимости, отношения власти и подчинения. По мнению С. Ю. Морозова, «отношения власти и подчинения в гражданском праве существуют, а метода власти и подчинения нет и быть не может» [7, с. 184].

Отношения по управлению предполагают проявление зависимости, если одна сторона подчиняет свою волю решениям другой стороны, в связи с этим необходимо определить, возможно ли регулировать властные отношения, применяя принцип юридического равенства сторон.

Как было сказано выше, гражданско-правовое управление имеет ряд особенностей, именно поэтому мы считаем, что управление в гражданском праве не нарушает принципа юридического равенства сторон. Отношения по управлению устанавливают определенный порядок действия сторон данных отношений. Стороны таких отношений — равноправные субъекты гражданского права, которые добровольно вступают в отношения власти и зависимости. Сторона, воля которой становится зависимой от решений управляющего субъекта, добровольно передает полномочия по управлению с целью получения имущественных либо неимущественных выгод. Таким образом субъект, передающий полномочия по управлению другой стороне, преследует цель по наиболее эффективному использованию объекта управления.

По мнению А. А. Ананьевой, управление в гражданском праве представляет собой «основанную на юридическом равенстве сторон и автономии воли участников юридическую процедуру целенаправленного воздействия наделенного полномочиями субъекта гражданского права (субъект управления) на имущество либо деятельность участников гражданских правоотношений (объект управления) для достижения экономических либо неимущественных выгод участников гражданского оборота» [8, с. 305]. Данную позицию следует поддержать.

Атаманчук Г. В. предлагал рассматривать управление как «целеполагающее (сознательное, преднамеренное, продуманное), организующее и регулирующее воздействие» [5, с. 19]. Соответственно, отношения по управлению состоят в целеполагании, организации и регулировании. При возникновении отношений по управлению определяются характеристики объекта управления, которые должны быть достиг-

нута. Осуществляя воздействие на объект управления, управляющий субъект оказывает организующее и регулирующее воздействие для достижения поставленных целей. Гражданско-правовое управление направлено на организацию и регулирование правоотношений, которые складываются по поводу объекта управления и основаны на наделении субъекта управления властными полномочиями с использованием гражданско-правовых инструментов (нормы права, договора, односторонней сделки или решения собрания) [6, с. 55].

Особое место в системе гражданско-правовых отношений по управлению занимают отношения по коллективному управлению, когда два и более субъекта передают имеющиеся у каждого из них права в управление коллективному управляющему. Гражданско-правовое управление основано на выражении воли участников на добровольное предоставление полномочий по управлению третьему лицу для того, чтобы объекты управления приобрели заданные характеристики. Субъекты вступают в отношения по управлению, выражая добрую волю, что является аргументом в пользу допустимости сочетания данных отношений с принципом юридического равенства сторон.

Между тем для верной квалификации таких отношений необходимо выяснить их соотношение с организационными гражданско-правовыми отношениями. На наш взгляд, гражданско-правовые отношения управления и организационные отношения не могут рассматриваться как вид с родом ввиду различия их природы. Нельзя, конечно, оспаривать их сходство ввиду того, что оба вида правоотношений связаны с организацией и упорядочиванием. Вместе с тем организационные отношения построены на координации действий сторон. Это проявляется, в частности, в организационных договорах, которые являются многосторонними ввиду того, что интересы их сторон однонаправленны, т. е. направлены в одну точку. Здесь отсутствует синаллаagma и конфликт интересов сторон. Именно поэтому организационные договоры способны вызвать эффект самоорганизации. В отношениях управления интересы субъектов являются встречными, ни о какой самоорганизации здесь речи быть не может.

Данные утверждения можно проиллюстрировать на соотношении таких договоров, как договор о соавторстве (пункт 3 статьи 1229 ГК РФ) и договор коллективного управления авторскими и смежными правами. В договоре о соавторстве невозможно однозначно выделить

управляющего и управляемого субъекта. В правоотношении, возникающем из такого договора, отсутствуют ярко выраженные фигуры должника и кредитора. Причем такое правоотношение всегда носит неимущественный характер. Интересы участников договора однонаправленны, поскольку объединены общей целью — организовать совместное использование авторских прав. Иная картина наблюдается в результате исполнения договора коллективного управления авторскими и смежными правами. Некоммерческая организация, являющаяся субъектом управления, имеет противоположные интересы по отношению к интересам управляемых субъектов (лицензиатов). Здесь можно четко обозначить кредитора и должника. Не предполагается возникновение иного (организуемого) правоотношения.

Далее, в целях исследования отношений по управлению в сфере интеллектуальных прав, предлагаем проанализировать общественные отношения, складывающиеся с участием организаций по коллективному управлению интеллектуальными правами. Обладатели авторских и смежных прав могут объединиться и создать некоммерческую организацию, которой будут переданы полномочия по управлению интеллектуальными правами.

Отношения по гражданско-правовому управлению нацелены на то, чтобы удовлетворить частные интересы участников данных отношений. Как отмечает Ю. С. Харитоновна, отношения по управлению находят проявление при объединении усилий участников для достижения общей цели [4, с. 284]. Большое число пользователей произведений приводит к тому, что авторы и правообладатели не могут своими силами осуществлять имеющиеся у них авторские и смежные права. Обладатели авторских и смежных прав объединяют усилия для осуществления и защиты исключительных прав.

Организации по коллективному управлению интеллектуальными правами создаются с целью наиболее эффективного управления переданными ей объектами авторских и смежных прав. Авторы произведения, создавая такие организации, объединяют свои усилия для того, чтобы освободиться от поиска потенциальных пользователей, а также нарушителей принадлежащих им исключительных прав [9, с. 136].

По нашему мнению, управление интеллектуальными правами включает в себя коммерциализацию объектов авторских и смежных прав, сбор и распределение вознаграждения за использование этих объектов пользователями,

выстраивание системы охраны и защиты прав авторов, правообладателей. При этом можно выделить два круга правоотношений — внутренний и внешний. Внутренний складывается между равноправными субъектами гражданско-правовых отношений — членами организации и самой организацией. Внешний круг правоотношений образуется между организацией и третьими лицами, которым необходимо воспользоваться результатами интеллектуального труда членов организации по коллективному управлению интеллектуальными правами.

Суть внешнего круга правоотношений можно охарактеризовать как работу организаций по коллективному управлению интеллектуальными правами посредством заключения лицензионных договоров в отношении предоставленных в управление интеллектуальных прав; сбора, распределения и выплаты вознаграждения за использование объектов авторских и смежных прав; совершения действий по защите исключительных прав правообладателей. При этом полномочия таких организаций не включают в себя использование переданных в управление объектов авторских и смежных прав. Контрагентами таких организаций на практике выступают гостиницы, развлекательные комплексы, которым для организации досуга своих клиентов необходимо использовать на законных основаниях право на воспроизведение фонограммы и другие авторские и смежные права.

Что касается внутреннего круга правоотношений между организацией по коллективному управлению интеллектуальными правами и правообладателями, то здесь основным гражданско-правовым инструментом выступает договор коллективного управления авторскими и смежными правами. В случае, если отношения управления возникли между аккредитованной организацией и автором при отсутствии договора, то такие отношения могут быть прекращены при обращении правообладателя с соответствующим требованием. Как мы считаем, такая возможность, основанная на свободе волеизъявления, есть проявление метода юридического равенства сторон в отношениях управления.

Как справедливо отмечает Н. Семенникова, в ГК РФ договор коллективного управления авторскими и смежными правами не нашел своего закрепления. В пункте 3 статьи 1242 ГК РФ упоминается лишь договор на передачу полномочий [11, с. 51]. В литературе предпринимаются попытки разграничить эти два вида договора, хотя большинство ученых все же склонны к их отождествлению.

На наш взгляд, для того чтобы управление коллективными правами можно было осуществлять, необходимо существование двухступенчатой системы договорных связей. На первой ступени полномочия правообладателей должны быть добровольно ими переданы организации по коллективному управлению интеллектуальными правами. Отношения такого рода и должен регулировать договор на передачу полномочий. И только после этого должен быть заключен договор на оказание услуг по коллективному управлению авторскими и смежными правами. Логика здесь проста: не получив властные полномочия, нельзя чем-либо управлять. Следует обратить внимание на то, что предмет этих двух договоров по сути абсолютно разный. Передача полномочий является не услугой, а особым видом прав, которые отличны от субъективного права. Как отмечал В. А. Рясенцев, полномочие в отличие от субъективного права невозможно нарушить, поскольку полномочию не противостоит никакая обязанность [10, с. 34]. Заметим, что отношения по передаче полномочий в данном конкретном случае осуществляются на безвозмездной основе.

Предметом договора на оказание услуг по коллективному управлению авторскими и смежными правами должна быть, хотя бы исходя из его названия, услуга. Именно в рамках этой услуги реализуются властные полномочия субъекта управления по планированию, организации, анализу и регулированию деятельности в сфере использования третьими лицами чужих интеллектуальных прав. Заключение лицензионных договоров, направленных на предоставление права использования объекта авторских и смежных прав, помогает осуществлять организующее воздействие на объект управления. Организации призваны контролировать наличие нарушения прав авторов и правообладателей и в случае выявления нарушения осуществлять их защиту, распределять полученное вознаграждение между правообладателями; таким образом организация оказывает регулирующее воздействие. Причем совершают они эти действия, включая действия по заключению и исполнению лицензионных договоров, во исполнение договоров на оказание услуг по коллективному управлению авторскими и смежными правами, заключаемых с правообладателями, являющимися членами некоммерческой организации. Ответ на вопрос о том, осуществляются ли действия, являющиеся предметом рассматриваемого договора на возмездной либо безвозмездной основе, никак не влияет на возможность квалификации

таких действий в качестве услуги. Как известно, услуги в гражданском праве могут оказываться и на безвозмездной основе, в частности на основании договора поручения либо хранения.

Сказанное приводит нас к выводу о том, что между субъектами внутренних правоотношений должны заключаться два различных по своей правовой природе договора, а не один. Конечно, на практике возможно заключение единого смешанного договора. Не исключаем, что со временем, возможно, будет обосновано, что такой договор следует перевести из разряда смешанных в категорию самостоятельных поименованных договоров нового вида или типа.

Но пока такое обоснование в науке отсутствует.

Итак, отношения по управлению проявляются в гражданском праве. Гражданско-правовое управление возникает на основе доброй воли равноправных субъектов гражданского права и направлено на удовлетворение имущественных и неимущественных интересов субъектов отношений по управлению. Особенности отношений по управлению, возникающих в частноправовой сфере между равноправными субъектами, дают основания полагать о возможности регулирования коллективного управления интеллектуальными правами на основе принципа юридического равенства сторон.

Литература

1. Коршунов Н. М. Частное и публичное право: проблемы формирования основ современной теории конвергенции / Н. М. Коршунов // Журнал российского права. — 2010. — № 5. — С. 66—72.
2. Егорова М. А. Соотношение категорий «регулирование» и «управление» в гражданско-правовых отношениях / М. А. Егорова // Юрист. — 2014. — № 9. — С. 18—24.
3. Габов А. В. Сделки с заинтересованностью в практике акционерных обществ: проблемы правового регулирования / А. В. Габов. — М.: Статут, 2005. — 412 с.
4. Харитонова Ю. С. Управление в гражданском праве: проблемы теории и практики / Ю. С. Харитонова. — М.: Норма: Инфра-М, 2011. — 304 с.
5. Атаманчук Г. В. Теория государственного управления : учеб. / Г. В. Атаманчук. — М.: Омега-Л, 2010. — 584 с.
6. Ананьева А. А. К вопросу о цивилистическом содержании категории «управление» / А. А. Ананьева // Вестн. Поволжского ин-та управления. — 2016. — № 4(55). — С. 49—55.
7. Морозов С. Ю. Метод юридического равенства сторон и принцип подчинения в корпоративном праве России / С. Ю. Морозов // Вестн. Пермского ун-та. Юридические науки. — 2017. — Вып. 36. — С. 181—191.
8. Ананьева А. А. Договор на оказание операторских услуг по управлению / А. А. Ананьева // Вестн. Пермского ун-та. Юридические науки. — 2017. — № 37. — С. 303—311.
9. Право интеллектуальной собственности : учеб. : в 2 т. Т. 2. Авторское право / под общ. ред. Л. А. Новоселовой. — М.: Статут, 2017. — 512 с.
10. Рясенцев В. А. Представительство в советском гражданском праве : дис. ... д-ра юрид. наук / В. А. Рясенцев. — М., 1948. — Т. 1. — 343 с.
11. Семенникова Н. Сущность и правовая природа договора коллективного управления авторскими и смежными правами / Н. Семенникова // ИС. Авторское право и смежные права. — 2018. — № 11. — С. 51—60.

COLLECTIVE MANAGEMENT OF THE INTELLECTUAL RIGHTS

S. Y. Morozov

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)
fgslaw@mail.ru

A. O. Pyatakova

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)
alena.pyatakova@yandex.ru

The article deals with the problems of management relations in the subject of civil law. The possibility of the combination of the method of legal equality of the parties and public relations based on the power and submission is a controversial issue at present. A special case of the demonstration of management relations in civil law is the collective management of intellectual rights. The authors offer to look at the legal means providing this management in a consistent manner. One of the civil tools ordering this type of relations is the license contract with the organization for collective management of the intellectual rights. The paper considers only one of the most important elements of this system. An important scientific problem is also the balance between the management relations and the organizational civil relations. An open question is whether it is necessary to differentiate them, or it is necessary to correlate them as a part and the whole?

Purpose: to create a scientific idea about the legal nature of collective management of the intellectual rights. Methods: as the main methods and approaches which were used in the article it is necessary to allocate the system approach, a method of legal modeling, a method of inter-industry researches. The authors also used theoretical methods of formal and dialectic logic and interpretation.

Key words: management relations, intellectual rights, method of legal equality of the parties, license contract.

References

1. Korshunov N. M. (2010) Chastnoe i publichnoe pravo: problemy formirovaniya osnov sovremennoy teorii konvergentsii [Private and public law: problems of forming the foundations of the modern theory of convergence]. Zhurnal rossiyskogo prava, (5), p. 66—72.
2. Egorova M. A. (2014) Sootnoshenie kategorij "regulirovanie" i "upravlenie" v grazhdansko-pravovykh otnosheniyah [The ratio of the categories of "regulation" and "management" in civil law relations]. Yurist, (9), p. 18—24.
3. Gabov A. V. (2005) Sdelki s zainteresovannostyu v praktike aktsionernykh obshchestv: problemy pravovogo regulirovaniya [Transactions with interest in the practice of joint stock companies: problems of legal regulation]. Moscow: Statut, 412 p.
4. Haritonova Yu. S. (2011) Upravlenie v grazhdanskom prave: problemy teorii i praktiki [Management in civil law: problems of theory and practice]. Moscow: Norma : Infra-M, 304 p.
5. Atamanchuk G. V. (2010) Teoriya gosudarstvennogo upravleniya: ucheb. [Theory of Public Administration: studies.]. Moscow: Omega-L, 584 p.
6. Ananyeva A. A. (2016) K voprosu o tsivilisticheskom soderzhanii kategorii "upravlenie" [To the question of the civil content of the category "management"]. Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniya, 4 (55), P. 49—55.
7. Morozov S. Yu. (2017) Metod yuridicheskogo ravenstva storon i printsip podchineniya v korporativnom prave Rossii [The method of legal equality of the parties and the principle of subordination in the corporate law of Russia]. Vestnik Permskogo universiteta, Ed. 36, p. 181—191.
8. Ananyeva A. A. (2017) Dogovor na okazanie operatorskikh uslug po upravleniyu [Contract for the provision of operator management services]. Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki, (7), p. 303—311.
9. Novoselova L. A. (2017) Pravo intellektualnoy sobstvennosti [Intellectual property law]. Moscow: Statut, 512 p.
10. Ryasencev V. A. (1948) Predstavitelstvo v sovetskom grazhdanskom prave [Representation in Soviet Civil Law]. Dis. ... Dr. Juridical Sciences. Moscow, vol. 1, 343 p.
11. Semennikova N. (2018) Sushchnost i pravovaya priroda dogovora kolektivnogo upravleniya avtorskimi i smezhnymi pravami [Essence and legal nature of the agreement on collective management of copyright and related rights]. Avtorskoe pravo i smezhnye prava, (11), p. 51—60.

А. А. Сидакова

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
alena-84-05@mail.ru

ПРИНУДИТЕЛЬНЫЕ МЕРЫ ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Статья посвящена исследованию вопроса о становлении и развитии института принудительных мер воспитательного воздействия как самостоятельного вида мер уголовно-правового воздействия, применяемого в отношении несовершеннолетних. В ней анализируются дореволюционный и советский этапы становления отечественного уголовного законодательства, рассматриваются положения ключевых нормативных правовых актов, содержащих нормы об уголовной ответственности несовершеннолетних, такие как: Воинские Артикулы, Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года, Декрет СНК от 14 января 1918 года «О Комиссиях для несовершеннолетних», Декрет СНК от 4 марта 1920 года «О делах несовершеннолетних, обвиняемых в общественно опасных действиях», Основные начала уголовного законодательства СССР и союзных республик, Уголовные кодексы РСФСР вплоть до 1960 года. Как показало исследование, названные меры уголовно-правового характера изначально рассматривались отечественным законодателем как альтернатива уголовному наказанию. На основе исторического опыта автор приходит к выводу о необходимости обособления норм, образующих институт принудительных мер воспитательного воздействия, в самостоятельную главу Общей части Уголовного кодекса Российской Федерации. Ее, по мнению автора, следует разместить в Разделе «Иные меры уголовно-правового характера».

Ключевые слова: уголовная ответственность, меры уголовной ответственности, несовершеннолетний, принудительные меры воспитательного воздействия, ювенальная уголовная юстиция.

Вопрос об индивидуальном подходе к уголовной ответственности несовершеннолетних поднимался еще в дореволюционном праве России. Однако решался он главным образом не с учетом их особого уголовно-правового статуса, отражающего специфику этой возрастной группы как самостоятельного субъекта общественных отношений, а исходя из способностей подростков ко «вменению». Отсюда, если несовершеннолетний возраст и учитывался уголовным законом при совершении преступлений, то, как правило, лишь в плане смягчения общеуголовной репрессии.

Тем не менее нельзя сказать, что досоветское уголовное законодательство вообще не предусматривало средств дифференциации уголовной ответственности несовершеннолетних. Сначала в Воинских Артикулах, затем в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года и далее предусматривались такие меры воздействия, которые не применялись к субъектам иных возрастных групп. Сюда, например, можно отнести помещение их в исправительные приюты, иные исправительно-воспитательные заведения, домашние исправитель-

ные наказания и т. д.¹ Но ввиду того, что в уголовном законодательстве того времени не прослеживалось четкой систематизации мер уголовно-правового воздействия, назначаемых за совершение преступлений, в том числе и наказаний, довольно сложно было определить их юридическую природу.

Большинство из мер воздействия, применяемых к подросткам, ученые причисляли к разновидностям наказания (так называемым за-

¹ Так, в ст. 14 артикула 195 Воинских Артикулов 1715 г. говорилось об «отдаче малолетних, совершивших воровство, родителям для сечения розгами» (см.: Российское законодательство X—XX веков. М., 1988. Т. 4). Согласно ст. 143 Уложения о наказаниях подростков в возрасте от 10 до 14 лет мог быть отдан «под надзор родителей или лиц, их заменяющих, либо других благонадежных людей». Ст. 148 этого же нормативного акта допускала возможность применения домашнего исправительного наказания по распоряжению родителей или опекунов и т. д. (см.: Российское законодательство X—XX веков. М., 1988. Т. 6). Ст. 11 Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, предусматривала возможность направления несовершеннолетних в воспитательно-исправительные заведения в качестве альтернативы тюремному заключению (см.: Российское законодательство X—XX веков. М., 1988. Т. 6).

меняющим наказаниям), остальные — к мерам общественного воздействия [4, с. 41; 10, с. 121].

Конечно, уголовное законодательство до революционного периода нельзя сравнивать по уровню, в том числе и законодательной техники, с современным. Тем не менее в нем все же нельзя выделить какие-либо специфические воспитательные меры уголовно-правового воздействия, альтернативные наказанию, рассчитанные на применение к данной категории лиц.

Помещение в исправительно-воспитательные учреждения и аналогичные им специфические отделения при тюрьмах, иные заведения, такие как арестные или смирительные дома по своей сути, содержанию и режиму, а также, как справедливо отмечали ученые тех времен, «пагубным последствием пребывания в них», фактически ничем не отличалось от отбывания лишения свободы в тюрьмах [11, с. 518]. Поэтому направление туда несовершеннолетних преступников вполне обоснованно, на наш взгляд, рассматривалось как наказание.

Что касается положений о совершении преступлений несовершеннолетними, «не имеющими надлежащего о своих обязанностях разумения», которые в связи с этим не могли быть подвергнуты уголовному наказанию, то применение к ним мер в виде принудительного помещения под «строгий присмотр» родителей либо «благонадежных» родственников для «исправления и наставления» со значительной долей условности можно признать неким прообразом принудительных мер воспитательного воздействия, ныне предусмотренных УК [6, с. 5].

Однако, во-первых, следует учитывать, что речь в данном случае шла о лицах, которые по сути не признавались субъектами уголовной ответственности, а во-вторых, названные меры не имели черт уголовно-правового принуждения и не имели достаточно четкого выражения в законе, который не определял ни их содержания, ни границ применения, ни порядка реализации. К тому же государство не проявляло какого-либо интереса к тому, как они исполнялись [1, с. 70]. Иначе говоря, указанные меры не имели того уголовно-правового значения, которое им придается сегодня.

Несмотря на это, закрепление указанных выше положений на законодательном уровне само по себе уже можно признать значительным прогрессом в деле дифференциации уголовной ответственности несовершеннолетних и одним из первых шагов в развитии системы альтернативных наказанию средств уголовно-правового воздействия.

В период действия советского уголовного законодательства вопросам уголовной ответственности рассматриваемой категории лиц стало уделяться гораздо больше внимания. Это было обусловлено большим количеством беспризорных детей, особенно в послевоенное время, а также статусом государства, одним из приоритетных направлений которого стало решение социальных задач, обращение к личности, нравственности и воспитанию граждан в духе особой морали социалистического общежития.

С первых же дней советской власти уголовно-правовой доктриной была воспринята идея борьбы с преступностью несовершеннолетних посредством их воспитания. Декрет СНК от 14 января 1918 года «О Комиссиях для несовершеннолетних» сразу же упразднил суды и наказание в виде тюремного заключения для лиц, не достигших совершеннолетия. В соответствии с положениями данного нормативного акта несовершеннолетних преступников должны были либо освобождать от уголовной ответственности, либо направлять в специальные учреждения Народного комиссариата общественного призрения [9, с. 21]. Затем Декретом СНК от 4 марта 1920 года «О делах несовершеннолетних, обвиняемых в общественно опасных действиях» уголовное преследование в отношении них было отнесено к ведению комиссий о несовершеннолетних [9, с. 67].

Таким образом, до появления «Основных начал уголовного законодательства СССР и союзных республик» несовершеннолетние преступники фактически не привлекались к уголовной ответственности, а любое девиантное их поведение, в том числе имеющее и уголовно-правовое значение, рассматривалось как отклонение от нормального развития личности. Вместо этого к ним применялись меры воздействия медико-педагогического характера. Но было и исключение из данного правила. Наиболее опасные несовершеннолетние преступники все же подвергались воздействию мер общеуголовной репрессии в случаях, когда комиссия приходила к выводу о невозможности их исправления медико-педагогическими средствами.

Безусловно, названные меры нельзя признать уголовно-правовыми по своему характеру, поскольку законодатель выводил их применение за рамки уголовной юрисдикции [7, с. 99]. Однако сама идея использования альтернативных наказанию средств воздействия на несовершеннолетних, совершающих преступления, несомненно, заслуживает одобрения. Отдельный интерес представляет перечень мер медико-педа-

гогического характера, которые по содержанию довольно близки с некоторыми принудительными мерами воспитательного воздействия, закрепленными в современном уголовном законе [5, с. 48]. Он раскрывался в «Инструкции комиссиям по делам несовершеннолетних 1920 г.».

В соответствии с указанным нормативным актом в этот перечень включались: а) «беседа, разъяснение, замечание воспитателя»; б) «внушение и оставление на свободе под присмотром родителей, родственников и обследователей»; в) «определение на ту или иную работу»; г) «помещение в школу»; д) «отправка на родину»; е) «помещение в детский дом или в одну из лечебно-воспитательных колоний и учреждений»; ж) «помещение в специальные изоляционные отделения психиатрических лечебниц»; з) «передача несовершеннолетних вместе с делом в народный суд в случае признания недостаточными указанных мер: при упорных рецидивах, систематических побегах из детских домов, при явной опасности для окружающих оставления несовершеннолетнего на свободе» [9, с. 75—76].

Данный перечень отличался отсутствием признаков четкой системы, классификации медико-воспитательных мер. В него вперемешку были включены различные по своей природе средства принуждения, и меры медицинского характера, и воспитательного воздействия, и репрессивной, карательной направленности, и такие средства, которые по сути были лишены воспитательного значения. Но некоторые из них оказались довольно результативными на практике и тем самым доказали свое право на существование в последующих нормативных актах уголовного законодательства.

С принятием «Основных начал уголовного законодательства» уголовная политика в отношении преступников, не достигших совершеннолетия, существенно изменилась. Возрастная категория лиц, совершивших преступление до достижения ими восемнадцати лет, была разделена на две группы: малолетних и несовершеннолетних, к которым применялись разные средства: меры медико-педагогического характера и меры социальной защиты судебно-исправительного характера соответственно. Первые могли назначаться несовершеннолетним лишь в качестве исключения по усмотрению суда [4, с. 67].

К «мерам социальной защиты» были отнесены: а) «меры судебно-исправительного характера»; б) «меры медицинского характера»; в) «меры медико-педагогического характера». Перечень последних существенно изменился по

сравнению с предыдущим, описанным ранее. В законе от него остались лишь: а) «отдача несовершеннолетних на попечение родителям, родственникам и другим лицам, учреждениям и организациям»; б) «помещение в специальное заведение» [9, с. 204—207].

Таким образом, нельзя сказать, что принятие Основных начал государством стало существенным прогрессом в деле дифференциации уголовной ответственности несовершеннолетних. Однако теперь медико-педагогические меры хотя бы закреплялись в самом уголовном законодательстве, что позволяло их считать собственно уголовно-правовыми средствами, и назначались судами.

В 1935 году ЦИК и СНК СССР было принято постановление «О мерах борьбы с преступностью несовершеннолетних», которое отменило действие положений, предусматривавших применение к несовершеннолетним мер медико-воспитательного воздействия, что, видимо, было обусловлено недостаточно высокой их эффективностью. К данной категории лиц, начиная с двенадцати лет, стали применяться все наказания, которые были предусмотрены уголовным законодательством и назначались в общем порядке для всех виновных в совершении преступлений [9, с. 381—382].

Поиск пути противодействия подростковой преступности вновь привел государство к политике применения к несовершеннолетним преступникам мер общеуголовной репрессии. Данное нововведение просуществовало до принятия «Основ уголовного законодательства СССР и союзных республик» 1958 года и вступления в силу «Уголовного кодекса РСФСР 1960 г.».

С этого момента, можно сказать, в УК наконец появилась более-менее выраженная система самостоятельных мер уголовно-правового характера, отличных от наказания, предназначенных для применения к несовершеннолетним преступникам. Это были принудительные меры воспитательного характера, которые могли применяться вместо наказания и при этом были лишены карательной направленности.

В их число входили: 1) «возложение обязанности публично или в иной форме, определенной судом, принести извинения потерпевшему»; 2) «объявление выговора или строгого выговора»; 3) «предостережение»; 4) «возложение на несовершеннолетнего, достигшего пятнадцатилетнего возраста, обязанности возместить причиненный ущерб, если несовершеннолетний имеет собственный заработок и сумма ущерба не превышает пятидесяти рублей, или возложение

обязанности своим трудом устранить причиненный материальный ущерб, не превышающий пятидесяти рублей; при причинении ущерба свыше пятидесяти рублей возмещение ущерба производится в порядке гражданского судопроизводства»; 5) «передача несовершеннолетнего под строгий надзор родителям или иным лицам, их заменяющим»; 6) «передача несовершеннолетнего под наблюдение трудовому коллективу, общественной организации с их согласия, а также отдельным гражданам по их просьбе». По усмотрению суда несовершеннолетнему мог быть назначен общественный воспитатель — по положению «об общественных воспитателях несовершеннолетних»; 7) «помещение несовершеннолетнего в специальное учебно-воспитательное или лечебно-воспитательное заведение».

В данной законодательной инициативе, на наш взгляд, можно выделить целый ряд положительных моментов. Во-первых, довольно интересным и содержательным представляется сам перечень принудительных мер воспитательного характера. Некоторые из них по своему воспитательному потенциалу заслуживают, по нашему мнению, отдельного внимания современного законодателя. Во-вторых, более четко была определена их юридическая природа. Это были альтернативные наказанию меры уголовно-правового характера, которым придавалось самостоятельное значение и отводилось отдельное место в уголовном законодательстве. В-третьих, в законе был четко определен порядок их применения и т. д.

Тем не менее были в нем и существенные недостатки. Некоторые меры воспитательного характера по сути являлись мерами общественного воздействия (передача несовершеннолетнего под надзор родителей, под наблюдение трудового коллектива и т. д.) и, на наш взгляд, не имели необходимого превентивного значения. Другие по своей природе больше относились к сфере административно-правового регулирования общественных отношений [2, с. 103]. Кроме того, с позиции современного представления о правах и свободах человека и гражданина и допустимости их ограничения, многие положения прежнего уголовного закона неприемлемы для действующего УК.

Уголовный кодекс 1996 года значительно изменил институт принудительных мер воспитательного характера. Законодатель подошел к проблеме его регулирования с учетом признаваемых во всем мире требований к обеспечению прав, свобод и законных интересов несовершеннолетних как особой категории субъектов социальных и правовых отношений. Поэтому названные средства уголовно-правового воздействия рассматриваются в нем прежде всего как атрибут специфики их уголовной ответственности, однако без учета особенностей их юридической природы. Отсюда и место, которое законодатель определил им в системе Общей части УК. Они находятся в Разделе V «Уголовная ответственность несовершеннолетних», Главе 14 «Особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних».

Литература

1. Богдановский А. Молодые преступники. Вопрос уголовного права и уголовной политики / А. Богдановский. — СПб., 1871.
2. Бурлака С. А. Гносеологические корни принудительных мер воспитательного воздействия / С. А. Бурлака // Проблемы правоохранительной деятельности. — 2014. — № 2. — С. 101—106.
3. Воинские Артикулы 1715 г. // Российское законодательство X—XX веков. — М., 1988. — Т. 4.
4. Кистяковский А. Ф. Молодые преступники и учреждения для их исправления / А. Ф. Кистяковский. — Киев, 1878.
5. Магомедова А. М. Развитие принудительных мер воспитательного воздействия в уголовном праве : дис. ... канд. юрид. наук / А. М. Магомедова ; Дагестанский гос. ун-т. — Махачкала, 2006.
6. Медведев Е. В. Понятие и виды принудительных мер воспитательного воздействия / Е. В. Медведев // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. — 2009. — № 4. — С. 4—7.
7. Медведев Е. В. Принудительные меры воспитательного воздействия в системе средств реализации уголовной ответственности / Е. В. Медведев // Евразийский юридический журн. — 2009. — № 11(18). — С. 98—101.
8. Савина Т. А. Сравнительная характеристика принудительных мер воспитательного воздействия по уголовному закону России и Германии / Т. А. Савина // Вектор науки Тольяттинского гос. ун-та. — 2013. — № 1(23). — С. 231—235.
9. Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР. 1917—1952 гг. — М., 1953.
10. Таганцев Н. С. Исследования об ответственности малолетних преступников по русскому праву и Проект законоположений об этом вопросе / Н. С. Таганцев. — СПб., 1871.
11. Фельдштейн Г. С. Главные течения в истории науки уголовного права в России / Г. С. Фельдштейн. — М., 2003.

COMPULSORY MEASURES OF EDUCATIONAL IMPACT IN THE HISTORY OF NATIONAL CRIMINAL LAW

A. A. Sidakova

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)

alena-84-05@mail.ru

The article is devoted to the study of the issue of the formation and development of the Institute of compulsory educational measures as an independent type of criminal law measures applied to minors. It analyzes the pre-revolutionary and Soviet stages of the formation of domestic criminal legislation, examines the provisions of key normative legal acts containing rules on the criminal responsibility of minors, such as: Military Articles, the Code of criminal and correctional penalties of 1845, the decree of the Council of People's Commissars of January 14, 1918 "On juveniles commission", the decree of Council of People's Commissars of March 4, 1920 "On cases of juveniles accused of socially-dangerous acts", the Main principles of the criminal legislation of the USSR and the Union republics, the Criminal codes of the RSFSR until 1960. The study shows that these measures of a criminal-legal nature were initially considered by the domestic legislator as an alternative to criminal punishment. On the basis of historical experience the author comes to the conclusion about the necessity of the separation of norms that constitute the Institute of compulsory educational measures in a separate Chapter of the General part of the Criminal code of the Russian Federation. The author assumes it should be placed in the Section "other measures of criminal law".

Key words: history, criminal liability, measures of criminal liability, juvenile, compulsory measures of educational influence, juvenile criminal justice.

References

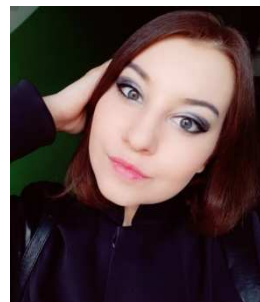
1. Bogdanovskiy A. (1871) Molodye prestupniki. Vopros ugolovnoy prava i ugolovnoy politiki [Young criminals. Criminal law and criminal policy]. St. Petersburg.
2. Burlaka S. A. (2014) Gnoseologicheskie korni prinuditelnykh mer vospitatelnogo vozdeystviya [Gnoseology roots of compulsory measures of educational impact]. Problemy pravoohranitelnoy deyatel'nosti, (2), p. 101–106.
3. Voinskie Artikuly 1715 g. [Articles of war]. Rossiyskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov. Moscow: 1988, vol. 4.
4. Kistyakovskiy A. F. (1878) Molodye prestupniki i uchrezhdeniya dlya ih ispravleniya [Young criminals and youth custody centres]. Kiev.
5. Magomedova A. M. (2006) Razvitie prinuditelnykh mer vospitatelnogo vozdeystviya v ugolovnom prave [Development of compulsory measure of educational impact in civil law]. Dis. ... Cand. Juridical Sciences. Dagestan State University. Mahachkala.
6. Medvedev E. V. (2009) Ponyatie i vidy prinuditelnykh mer vospitatelnogo vozdeystviya [Concept and types of compulsory measures of educational impact]. Ugolovno-ispolnitelnaya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie, (4), p. 4–7.
7. Medvedev E. V. (2009) Prinuditelnye mery vospitatelnogo vozdeystviya v sisteme sredstv realizatsii ugolovnoy otvetstvennosti [Compulsory measures of educational impact as the means of realization of criminal liability]. Evraziyskiy yuridicheskiy zhurnal, 11(18), p. 98–101.
8. Savina T. A. (2013) Sravnitel'naya kharakteristika prinuditelnykh mer vospitatelnogo vozdeystviya po ugolovnomu zakonu Rossii i Germanii [comparative analysis of compulsory measures of educational impact in criminal law of Russia and Germany]. Vektor nauki Tolyatinskogo gosudarstvennogo universiteta, 1(23), p. 231–235.
9. Sbornik dokumentov po istorii ugolovnoy zakonodatel'stva SSSR i RSFSR. 1917–1952 gg. [Collection of documents on the history of criminal legislation. 1917–1952]. Moscow, 1953.
10. Tagantsev N. S. (1871) Issledovaniya ob otvetstvennosti maloletnih prestupnikov po russkomu pravu i Proekt zakonopolozheniy ob etom voprose [Research of the liability of juvenile delinquents in Russian law]. St. Petersburg.
11. Feldshteyn G. S. (2003) Glavnye techeniya v istorii nauki ugolovnoy prava v Rossii [Main trends in the history of Russian criminal law]. Moscow.

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

И. Д. Митина

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
7151mid@gmail.com

К. И. Бойкова

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
elstinko@mail.ru

СПЕЦИФИКА ВЗАИМОСВЯЗИ СОЦИОЛОГИИ И КУЛЬТУРОЛОГИИ В СОВРЕМЕННОМ СОЦИОКУЛЬТУРНОМ АНАЛИЗЕ

В современной науке взаимосвязь и интегративный характер исследований является основой в изучении основных гуманитарных проблем социума. Область знания, рассматривающая культуру с точки зрения социологии, на сегодняшний день в науке — одно из интереснейших направлений. Социология культуры является областью социологических исследований, рассматривающих особенности функционирования и развития культуры в обществе на разных ее уровнях и направлениях. Наибольший научный интерес при этом занимают вопросы, связанные с динамикой изменений социокультурных компонентов в период модернизации и реформирования всех социальных основ современного общества.

Все особенности социокультурного знания дают нам основание анализировать их как сложнейшие системы и модели, взаимодействующие друг с другом и с социумом на базе интегрирующих компонентов. Чтобы оценить произведение культуры, нужно не только понять творческий замысел художника, проникнуть в избранные им приемы, осознать внутреннюю структуру его языка, его поэтику, но и вникнуть в ту эпоху, то общество, которые воссоздает мастер своими средствами через определенные художественные образы, а также ту эпоху, в которой существовал он сам.

В рамках социокультурного анализа важно отметить и традиционное направление, соединяющее художественную интуицию с позитивными знаниями предмета исследования, социологический анализ художественной жизни, иконографию, семантику, семиотику, анализ проблем художественного формообразования.

Ключевые слова: социология, культурология, культура, общество, искусство, анализ, ценность, символ.

Благодаря тому, что культура исторически возникла из групповой жизни людей и немислима вне общества, произошла интеграция между двумя науками — социологией и культурологией. В результате образовались такие научные ответвления, как социология искусства, социология культуры и др. Представляя собой социальное явление, культура развивается по собственным законам.

С этой точки зрения она становится предметом исследования множества социологов. «Социология — отрасль науки о человеческом поведении, ставящая целью раскрытие причин-

но-следственных связей, возникающих между индивидами и группами в процессе социальных отношений. Она изучает традиции, структуры и институты, влияние групп и организаций на поведение и характер людей» [1, с. 9].

Еще задолго до того, как социология оформилась в обособленную полноценную науку, интерес к обществу и социальному взаимодействию людей прослеживался в воззрениях и трудах Конфуция, Платона, Аристотеля, Вольтера, Д. Дидро, Ж.-Ж. Руссо и др. Только в XIX веке «с легкой руки» Огюста Конта, знаменитого французского философа, появился термин «социология».

Социология изучает фундаментальные особенности человеческого общества как местного, так и всемирного характера. Она демонстрирует человеческое естество, раскрывает жизненные противоречия. Основные проблемы социологии предстают не в виде абстракции, а как совершенно подлинные положения. Сущность социологии заключается в том, что действие отдельного человека исследуется в связи с взаимодействием группового поведения, а общество выступает как организованная совокупность социальных общностей. Социология имеет немало общего со следующими общественными науками:

- политологией (политические отношения, государственное управление);
- экономикой (товарооборот, оборот услуг, изучение последствий производства, обмена и распределения);
- психологией (формирование и развитие личности);
- историей (современность, прогнозирование и социальное планирование);
- культурологией (культура, традиции, верования).

Социология старается понять действия людей, обусловленные в первую очередь культурой, повседневностью и социальной организацией. Социологи изучают не индивида, а социальные группы, социальные процессы, социальные ценности, социальные изменения, отклонения от норм и правил поведения, рассматривающиеся в динамике. Социология акцентирует внимание на различиях, существующих между социальными объединениями.

Культурология — это гуманитарная наука о сущности, закономерности существования и развития, человеческом значении и способах постижения культуры [9, с. 15].

Термин «культурология» стал известен во всем мире в 1939 году прежде всего благодаря работам Л. А. Уайта. Как учебная дисциплина в высшей школе, она образовалась только в 1990-х гг.

Наука развивалась вследствие появления трудов таких известных ученых, как Генрих Риккерт, Освальд Шпенглер, Эрнст Кассирер, Карл Густав Юнг, Эрих Фромм, Арнольд Тойнби, Карл Ясперс, Алексей Федорович Лосев и многие другие.

Культурология исследует возникновение, развитие, преемственность, изменчивость всех сторон культуры, а также «...культурное содержание социальной жизни человека, тексты, в которых это содержание воплощается, и, соответственно, языки (как вербальные, так и не-

вербальные), на которых это содержание передается от индивида к индивиду, от поколения к поколению» [11, с. 17].

Анализу подвергаются конкретные образы и документы эпохи, традиции и ритуалы, нормы и правила, сохраненные в культурном мире человека. Социология же изучает общие нормы и правила организации жизнедеятельности общества, разнообразных социальных групп, взаимоотношения внутри них.

Культурология занимается анализом и изучением следующих компонентов:

- способы или технологии реализации группового сосуществования людей (в социологии же внимание уделяется больше структурным формам жизни в обществе);
- процессы образования в разнообразных группах социально значимых навыков и умений в рамках конкретной картины мира, отображающей историческую судьбу народа и государства;
- специфика процессов в рамках социальной коммуникации;
- направленность процессов и способов социального воспроизводства общества и личностей [11].

Несомненно, культура сформировалась в недрах социальной жизни людей и вне ее невозможна. Из-за этого в течение долгого времени было сложно выделить понятие «культура» из социальных явлений, и даже после вычленения оно не было по-настоящему независимым [3, 5].

В марксистском представлении культура была призвана высвобождать духовное выражение и имела вторичный характер, а в иерархии ценностей «стояла на голову ниже» базовых общественных сфер. К последним относились политика, экономика и социальные отношения. С течением времени проблемы и вопросы, связанные с развитием и функционированием культуры, стали так же важны, как и вопросы, связанные с политикой и экономикой [2].

Необходимо подчеркнуть, что социология и культурология — две самостоятельные науки, имеющие множество общих черт и различий, вместе они породили отдельное научное ответвление — социологию культуры, возникшую в результате применения по отношению к культуре социологического подхода, социологических методов и принципов. Социологические положения в культуре продолжают занимать одно из важнейших мест. Культура — это прежде всего развитие общества, и все процессы ее формирования и развития — результат развития

цивилизации, общественных процессов. В этом и заключается особенность ее изучения, так как на протяжении длительного времени культуру анализировали как часть социальных явлений [3, 7].

Важнейшим направлением социологии культуры является определение специфики «строения и функционирования культуры и связь ее с социальными структурами и институтами применительно к конкретным историческим ситуациям» [12, с. 6].

В широком смысле в социологии под культурой понимают специфическую совокупность средств, форм, способов, образцов взаимоотношения людей в среде обитания для поддержания структур деятельности и общения в совместной жизни. В узком смысле культура — это система коллективно разделяемых ценностей, норм поведения, которая относится к определенной группе людей [4, 8].

Если абстрагироваться от традиционных представлений о культуре, то окажется, что культурная деятельность не может существовать без социальных институтов, которые оказывают ей постоянную непрерывную поддержку. Многие социальные институты, меняясь, функционируют только в определенных исторических и социальных условиях, а многие другие становятся важнейшей традицией, передающейся из одного периода в другой.

Современная социология культуры исследует культуру и социокультурные аспекты с уче-

том конкретных исторических и социальных реалий. Уровень развития общества очень важен, так как он определяет уровень развития социальных институтов, социокультурных процессов, являясь базовым фактором культурных изменений [10].

В XX столетии социология культуры стала одним из важных направлений в культурологии и социологии. М. Адлер ввел в научное понимание положение, что социальное и культурное — это две стороны общественного развития. В своих исследованиях Л. Уайт также подчеркивал значимость рассмотрения культуры как аспекта всех возможных социальных взаимосвязей, считая, что в науке важно единство исследования социального и культурного [6].

Крупнейшими представителями социологии культуры являются М. Вебер, А. Вебер, Т. Парсонс, Л. Уайт, Р. Мертон, А. Моль и др.; их работы стали направляющими в период становления культурологии как научного направления [6, 7].

Таким образом, социология дополняет культурологию по многим позициям, ведь без социологических составляющих невозможно раскрыть всю широту и безграничность понятия «культура».

Взаимосвязь двух наук четко прослеживается в схожести анализа общества. Исследование событий, происходящих в обществе, по своей сути равно анализу развития культуры в социуме. Социология раскрывает также специфику влияния на процессы культурогенеза [2, 10].

Литература

1. Волков Ю. Г. Социология / Ю. Г. Волков, В. И. Добренков, В. Н. Нечипуренко. — М., 2003.
2. Ерасов Б. С. Социальная культурология / Б. С. Ерасов. — М., 2000.
3. Жидков В. С. Искусство и картина мира / В. С. Жидков, К. Б. Соколов. — СПб., 2003.
4. Каган М. С. Эстетика как философская наука / М. С. Каган. — СПб., 1997.
5. Лосев А. Ф. История эстетических категорий / А. Ф. Лосев, В. П. Шестаков. — М., 1965.
6. Мартыненко А. В. Олимпиада по культуре и искусству / А. В. Мартыненко, И. Д. Митина. — Ульяновск : УлГУ, 2011.
7. Митина И. Д. Анализ и интерпретация произведений культуры в контексте культурологического подхода / И. Д. Митина, А. В. Мартыненко, М. В. Моисеева. — Ульяновск : УлГУ, 2013.
8. Митин С. Н. Имиджелогия / С. Н. Митин, Т. С. Митина. — Ульяновск : УлГУ, 2013.
9. Радугин А. А. Культурология / А. А. Радугин. — М., 2001.
10. Рыжов В. П. Системные аспекты информационного моделирования произведений искусства / В. П. Рыжов // Эмпирическая эстетика: информационный подход : материалы Междунар. науч. симп. — Таганрог, 1997.
11. Флиер А. Я. Культурология для культурологов / А. Я. Флиер. — М., 2000.
12. Ярматова М. А. Социология культуры / М. А. Ярматова // Молодой ученый. — 2016. — № 8. — URL: <https://moluch.ru/archive/112/28475>.

SPECIFICS OF THE RELATIONSHIP OF SOCIOLOGY AND CULTURAL STUDIES IN MODERN SOCIO-CULTURAL ANALYSIS

I. D. Mitina

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)
7151mid@gmail.com

K. I. Boykova

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)
elstinko@mail.ru

In modern science, the relationship and integrative nature of research is the basis for studying the main humanitarian problems of society. The field of knowledge considering culture from the point of view of sociology is one of the most interesting directions in science today. "Sociology culture" is the field of sociological research considering the features of the functioning and development of culture in society at its different levels and directions. The greatest scientific interest is occupied by issues related to the dynamics of changes in socio-cultural components in the period of modernization and reform of all the social foundations of modern society.

All the features of socio-cultural knowledge give us the reason to analyze them as the most complex systems and models interacting with each other and with society on the basis of integrating components. To evaluate the work of culture you need not only to understand the artist's creative intent, to penetrate his chosen techniques, to recognize the internal structure of his language, his poetics, but also to penetrate into that era and the society that the master recreates with his own means through certain artistic images, and in which he himself existed.

Within the framework of sociocultural analysis, it is important to note the traditional direction that combines artistic intuition with positive knowledge of the subject of study, a sociological analysis of artistic life, iconography, semantics, semiotics, and analysis of the problems of artistic formation.

Key words: sociology, cultural studies, culture, society, art, analysis, values, symbols.

References

1. Volkov Yu. G., Dobrenkov V. I., Nechipurenko V. N. (2003) Sotsiologiya [Sociology]. Moscow.
2. Erasov B. S. (2000) Sotsialnaya kulturologiya [Social culturology]. Moscow.
3. Zhidkov V. S., Sokolov K. B. (2003) Iskusstvo i kartina mira [Art and world picture]. St. Petersburg.
4. Kagan M. S. (1997) Estetika kak filosofskaya nauka [Aesthetics as a philosophy science]. St. Petersburg.
5. Losev A. F., Shestakov V. P. (1965) Istoriya esteticheskikh kategoriy [History of aesthetic categories]. Moscow.
6. Martynenko A. V., Mitina I. D. (2011) Olimpiada po culture i iskusstvu [Culture and art Olympiad]. Ulyanovsk: UIGU.
7. Mitina I. D., Martynenko A. V., Moiseeva M. V. (2013) Analiz i interpretatsiya proizvedeniy kultury v kontekste kulturologicheskogo podhoda [Analysis and interpretation of works of culture in the context of culturology approach]. Ulyanovsk: UIGU.
8. Mitin S. N., Mitina T. S. (2013) Imidzhelogiya [Imagiology]. Ulyanovsk: UIGU.
9. Radugin A. A. (2001) Kulturologiya [Culturology]. Moscow.
10. Ryzhov V. P. (1997) Sistemnye aspekty informatsionnogo modelirovaniya proizvedeniy iskusstva [System aspects of informational modeling of works of art]. Empiricheskaya estetika: collection works of international scientific and practical conference. Taganrog.
11. Flier A. Ya. (2000) Kulturologiya dlya kulturologov [Culturology for culturologist]. Moscow.
12. Yarmatova M. A. (2016) Sotsiologiya kultury [Sociology of culture]. Molodoy uchenyj, (8). URL: <https://moluch.ru/archive/112/28475>.

ИНФОРМАЦИЯ

НАШИ АВТОРЫ

Агаджанова Эмилия Рафаэловна — старший преподаватель; Ульяновский государственный университет; заведующая УИЛ «Психолог» (г. Ульяновск); emilia73.90@mail.ru; тел. 8-987-633-48-01.

Арябкина Ирина Валентиновна — доктор педагогических наук, профессор кафедры дошкольного и начального общего образования; Ульяновский государственный педагогический университет имени И. Н. Ульянова; ar_irina@rambler.ru; тел. 8-960-372-49-32.

Бойкова Ксения Игоревна — студентка направления магистратуры «Социология»; Ульяновский государственный университет; elstinko@mail.ru; тел. 8(8422)37-24-72.

Валиева Роза Нетфулловна — менеджер по персоналу; ООО «Премьера»; rozagirl@list.ru; тел. 8(8422)37-24-72.

Донина Ольга Ивановна — доктор педагогических наук, профессор кафедры психологии и педагогики; Ульяновский государственный университет; kaf_ped@ulsu.ru; тел. 8(8422)37-24-72.

Емельяненко Анна Валерьевна — кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии и педагогики; Ульяновский государственный университет; ann_emel@mail.ru; тел. 8-905-036-11-39.

Кочетков Игорь Геннадьевич — кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии и педагогики; Ульяновский государственный университет; igor-nauka@yandex.ru; тел. 8(8422)37-24-72.

Максимов Олег Александрович — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и процесса; Ульяновский государственный университет; o_maksimov@mail.ru; тел. 8-908-479-18-78.

Agadzhanova Emiliya Rafaelovna — senior lecturer; Ulyanovsk State University; Head of the Train and Research Laboratory "Psychologist" (Ulyanovsk); emilia73.90@mail.ru; tel. 8-987-633-48-01.

Aryabkina Irina Valentinovna — Doctor of Pedagogics, professor; Chair of Pre-school and Elementary General Education; Ulyanovsk State Pedagogical University named after I. N. Ulyanov; ar_irina@rambler.ru; tel. 8-960-372-49-32.

Boykova Kseniya Igorevna — Master student, specialty "Sociology"; Ulyanovsk State University; elstinko@mail.ru; tel. 8(8422)37-24-72.

Valieva Roza Netfullovna — Chief Human Resources Officer; LLC "Premyera"; rozagirl@list.ru; tel. 8(8422)37-24-72.

Donina Olga Ivanovna — Doctor of Education, Professor; Chair of Psychology and Pedagogics; Ulyanovsk State University; kaf_ped@ulsu.ru; tel. 8(8422)37-24-72.

Emelyanenkova Anna Valeryevna — Candidate of Psychology; associate professor; Chair of Psychology and Pedagogics; Ulyanovsk State University; ann_emel@mail.ru; tel. 8-905-036-11-39.

Kochetkov Igor Gennadyevich — Candidate of Psychology, associate professor; Chair of Psychology and Pedagogics; Ulyanovsk State University; igor-nauka@yandex.ru; tel. 8(8422)37-24-72.

Maksimov Oleg Aleksandrovich — Candidate of Juridical Sciences, associate professor; Chair of Criminal Law and process; Ulyanovsk State University; o_maksimov@mail.ru; tel. 8-908-479-18-78.

Мачинский Алексей Валерьевич — кандидат юридических наук, старший научный сотрудник отдела научно-исследовательских работ; Ростовский филиал Российской таможенной академии (г. Ростов-на-Дону); alekseyvalerevich1981@mail.ru; тел. 8-961-433-35-55.

Мачинский Валерий Михайлович — кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права; Ростовский филиал Российской таможенной академии (г. Ростов-на-Дону); заслуженный юрист Российской Федерации; alekseyvalerevich1981@mail.ru; тел. 8-961-433-35-55.

Медведев Евгений Валентинович — кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права и процесса; Ульяновский государственный университет; адвокат Ульяновской областной коллегии адвокатов; oxymoron@rambler.ru; тел. 8-927-814-53-00.

Минкина Ильнара Ильдаровна — студентка направления бакалавриата «Психология»; Ульяновский государственный университет; rezedx-90@yandex.ru; тел. 8(8422)37-24-72.

Митина Ирина Дмитриевна — доктор педагогических наук, профессор; Ульяновский государственный университет; snm7151@gmail.com; тел. 8-927-809-7-809.

Митина Татьяна Сергеевна — кандидат педагогических наук; Ульяновский государственный университет; cherrity07@mail.ru; тел. 8-927-809-83-49.

Михайлова Ирина Викторовна — кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии и педагогики; Ульяновский государственный университет; mira-m@rambler.ru; тел. 8-902-120-66-78.

Морозов Сергей Юрьевич — доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета, заведующий кафедрой гражданского права и процесса; Ульяновский государственный университет; заслуженный юрист Ульяновской области; fgslaw@mail.ru; тел. 8-917-629-43-66.

Пятакова Алена Олеговна — магистрант юридического факультета; Ульяновский государственный университет; alena.pyatakowa@yandex.ru; тел. 8-917-629-43-66.

Седунова Анастасия Сергеевна — кандидат психологических наук, доцент; Ульяновский государственный университет; asedunova@mail.ru; тел. 8(8422)37-24-72.

Сидакова Алена Александровна — аспирантка кафедры уголовного права и процесса юридического факультета; Ульяновский государственный университет; alena-84-05@mail.ru; тел. 8-908-474-28-30.

Machinsky Aleksey Valeryevich — Candidate of Juridical Sciences, senior researcher; research and development division; Rostov Branch of Russian Customs Academy (Rostov-on-Don); alekseyvalerevich1981@mail.ru; tel. 8-961-433-35-55.

Machinsky Valeriy Mikhaylovich — Candidate of Juridical Sciences, associate professor, Chair of Criminal Law; Rostov Branch of Russian Customs Academy (Rostov-on-Don); Honored Lawyer of the Russian Federation; alekseyvalerevich1981@mail.ru; tel. 8-961-433-35-55.

Medvedev Evgeniy Valentinovich — Candidate of Juridical Sciences, associate professor; Head of the Chair of Criminal Law and Process; Ulyanovsk State University; lawyer of Ulyanovsk Regional Bar Council; oxymoron@rambler.ru; tel. 8-927-814-53-00.

Minkina Ilnara Ildarovna — undergraduate, specialty "Psychology"; Ulyanovsk State University; rezedx-90@yandex.ru; tel. 8(8422)37-24-72.

Mitina Irina Dmitrievna — Doctor of Education, Professor; Ulyanovsk State University; snm7151@gmail.com; tel. 8-927-809-7-809.

Mitina Tatyana Sergeevna — Candidate of Education; Ulyanovsk State University; cherrity07@mail.ru; tel. 8-927-809-83-49.

Mikhailova Irina Viktorovna — Candidate of Psychology, associate professor; Chair of Psychology and Pedagogics; Ulyanovsk State University; mira-m@rambler.ru; tel. 8-902-120-66-78.

Morozov Sergey Yuryevich — Doctor of Juridical Sciences, professor; dean of Law Faculty; Head of Chair of Civil Law and Process; Ulyanovsk State University; fgslaw@mail.ru; tel. 8-917-629-43-66.

Pyatakova Alena Olegovna — Master's Degree Student; Ulyanovsk State University; alena.pyatakowa@yandex.ru; tel. 8-917-629-43-66.

Sedunova Anastasia Sergeevna — Candidate of Psychology, associate professor; Ulyanovsk State University; asedunova@mail.ru; tel. 8(8422)37-24-72.

Sidakova Alena Aleksandrovna — postgraduate; Chair of Criminal Law and Process; Law Faculty; Ulyanovsk State University; alena-84-05@mail.ru; tel. 8-908-474-28-30.

Смолюкин Валерий Петрович — кандидат экономических наук, доцент; Ульяновский государственный университет; surap99@mail.ru; тел. 8(8422)37-24-72.

Хаертдинова Раиля Фанисовна — студентка направления подготовки «Организация работы с молодежью»; Ульяновский государственный университет; khaertdinova.ralina@mail.ru; тел. 8(8422)37-24-72.

Хайрудинова Резеда Иршатовна — ведущий психолог, старший преподаватель кафедры психологии и педагогики; Ульяновский государственный университет; rezedx-90@yandex.ru; тел. 8(8422)37-24-72.

Шабанова Оксана Владимировна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики профессионального образования и социальной деятельности; Ульяновский государственный университет; onlyox@yandex.ru; тел. 8-905-036-05-02.

Шайлиев Виталий Владимирович — студент магистратуры направления подготовки «Инфокоммуникационные технологии и системы связи»; Ульяновский государственный университет; thisis.vitalya@yandex.ru; тел. 8(8422)37-24-72.

Эсмантова Мария Александровна — магистрант; Ульяновский государственный университет; mari.esmantova@mail.ru; тел. 8(8422)37-24-72.

Smolkin Valeriy Petrovich — Candidate of Economics, associate professor; Ulyanovsk State University; surap99@mail.ru; tel. 8(8422)37-24-72.

Khaertdinova Railya Fanisovna — student; specialty "Youth outreach management"; Ulyanovsk State University; khaertdinova.ralina@mail.ru; tel. 8(8422)37-24-72.

Khairudinova Rezeda Irshatovna — Chief Psychologist, senior teacher; Chair of Psychology and Pedagogics; Ulyanovsk State University; rezedx-90@yandex.ru; tel. 8(8422)37-24-72.

Shabanova Oksana Vladimirovna — Candidate of Pedagogics, associate professor; Chair of Pedagogics of Professional Education and Social Activities; Ulyanovsk State University; onlyox@yandex.ru; tel. 8-905-036-05-02.

Shailiev Vitaliy Vladimirovich — Master's Degree Student, specialty "Information and Communication Technologies and Communications Systems"; Ulyanovsk State University; thisis.vitalya@yandex.ru; tel. 8(8422)37-24-72.

Esmantova Mariya Aleksandrovna — Master's Degree Student; Ulyanovsk State University; mari.esmantova@mail.ru; tel. 8(8422)37-24-72.

**ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ
И ОФОРМЛЕНИЯ
РУКОПИСЕЙ СТАТЕЙ АВТОРАМИ
ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛЕ
«СИМБИРСКИЙ НАУЧНЫЙ
ВЕСТНИК»**

К печати принимаются материалы, отвечающие профилю журнала, не публиковавшиеся ранее в других отраслевых изданиях.

Объем статьи (включая сноски, таблицы, рисунки) не должен превышать **25 000 знаков** (с пробелами). Статья должна быть набрана в **формате Microsoft Word, 12 кеглем, 1,5 интервалом; стиль Times New Roman. Поля:** верхнее, нижнее, левое — **2 см**, правое — **1 см**. Выделения в тексте возможны только полужирным шрифтом и(или) курсивом. Иные стили шрифта и выделения не допускаются.

В начале каждой статьи указываются **данные об авторе (авторах):**

- Ф.И.О. (полностью);
- ученая степень или звание (если есть);
- должность и место работы (без сокращений, с указанием города, страны);
- контактная информация (телефон, e-mail каждого автора, почтовый адрес).

Далее следует:

- название статьи;
- инициалы и фамилия автора (авторов), ученая степень, должность, место работы, город, страна, e-mail (который будет указан в публикации);
- аннотация (150—200 слов (без предлогов и союзов));
- ключевые слова (5—7 слов);
- **ТЕКСТ СТАТЬИ;**
- список литературы (не менее 10 и не более 20 наименований), выстроенный в алфавитном порядке, где вначале приводятся источники, изданные на русском языке, затем — на иностранных языках.

После этого приводится **на английском языке:**

- название статьи;
- имя, первая буква отчества и фамилия автора (авторов);
- место работы (с указанием города, страны);

- Abstract — аннотация;
- Key words — список ключевых слов;
- References — список литературы.

При необходимости указать, в рамках какого гранта (проекта и т. д.) подготовлена статья. Эту информацию следует размещать ниже, под названием статьи. Также она размещается и в англоязычной части — в конце статьи.

Цитирование в статье должно сопровождаться ссылками **в квадратных скобках** на источники из списка литературы в конце статьи. **В постраничных сносках** просьба указывать только необходимую уточняющую информацию.

Если приводятся **таблицы, схемы, рисунки**, они должны быть пронумерованы и подписаны, а в тексте обязательны ссылки на них.

Все диаграммы, схемы, графики и другой иллюстративный материал должны быть представлены **в черно-белом варианте**.

Статьи в журнале сопровождаются **фотографией автора (авторов):** крупным планом, в формате jpg или png, с разрешением не менее 300 dpi, которая отправляется отдельным файлом (не более 2 Мб).

Название файла со статьей должно содержать фамилию автора (либо фамилии соавторов через запятую) в именительном падеже и первые два-три слова из названия статьи.

Файл с фотографией должен быть назван по фамилии автора в именительном падеже.

Статьи авторов, не имеющих научную степень, сопровождаются рецензией доктора/кандидата наук в соответствующей области знания.

Материалы принимаются на электронный адрес журнала:

SNV@mail.ru, Valentina_nauka@mail.ru.

По вопросам участия в издании журнала и его приобретения обращаться:

контактный телефон: 8(985)555-96-99.